

КонсультантПлюс

"Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание)"
(2-е издание, исправленное и дополненное)
(Кузнецов С.А., Оленников С.М.)
("Издательский дом В. Ема", 2014)

Документ предоставлен **КонсультантПлюс**

www.consultant.ru

Дата сохранения: 12.02.2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ
ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

(НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ)

2-е издание, исправленное и дополненное

С.А. КУЗНЕЦОВ, С.М. ОЛЕННИКОВ

Авторы:

Оленников С.М. - [ч. I, разд. I.](#)

Кузнецов С.А. - [ч. I, разд. II, ч. II, разд. II.](#)

Кузнецов С.А., Оленников С.М. - [введение, ч. II, разд. I, III, IV, заключение.](#)

Рецензенты:

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;
Научно-методический совет государственного унитарного предприятия города Москвы "Центр информационно-аналитических технологий";

Павлинов А.В. - ведущий научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, полковник милиции, доктор юридических наук;

Воротников Ю.Л. - заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук.

Введение (проблемы исследования прагматической
направленности информационных материалов и основания
экспертного исследования)

Судебные экспертные исследования отличаются от теоретических изысканий и экспериментальных работ тем, что в доказательной базе их результатов должны лежать эмпирические законы, а не первичные гипотезы. По мере накопления практических знаний об изучаемом объекте растут и требования, предъявляемые к объективности результатов экспертных исследований. В настоящее время научным сообществом признаются истинными только такие результаты, которые могут быть проверены на непротиворечивость предлагаемой интерпретации фактических данных и ее согласованность с объективными знаниями. Для этого методика прикладных исследований должна опираться на развитую, эмпирически подтверждаемую теорию и содержать свод процедурных правил, имеющих обоснованный, планомерный и организованный характер, исключающий ошибки субъективного происхождения.

Если технические экспертизы всегда предполагают наличие независимых от личности эксперта инструментов исследования (проверенных измерительных приборов, формул технических расчетов, эталонных образцов, сертифицированных препаратов, веществ и т.д.), то в экспертизах гуманитарного профиля неизбежно повышается роль самого исследователя. Ведь результатом таких экспертиз зачастую являются личные интерпретации и оценки той или иной области действительности, подкрепленные лишь опытом научной работы и авторитетом конкретного эксперта. Однако и в этой области знаний надежные и проверяемые результаты экспертизы можно получить посредством специального инструментария - экспертной методики, основанной на обобщении значительного объема эмпирических данных.

За последние двадцать лет в разы увеличилось количество исследований, связанных с анализом

информационных фактов и их правовой оценкой. Необходимость методического сопровождения этой работы продиктована не только возросшей актуальностью именно такого рода прикладных исследований, но и самой спецификой экспертной работы в данной сфере. Массовое публичное распространение пропагандистских и агитационных материалов, провоцирующих социальную напряженность, агрессию и насилие, требует адекватной реакции со стороны государства. Для своевременного и эффективного предупреждения социальных конфликтов компетентные органы власти заинтересованы в оперативном и объективном исследовании соответствующих материалов. В этой связи создание и внедрение научно обоснованной и апробированной методической базы проведения анализа первичных информационных материалов экстремистской направленности приобретают особенное значение.

Комплексный характер исследований стал причиной поиска специального термина, обозначающего область, объект и результат экспертной работы. Актуальной также стала задача определения уровня требований к компетенции экспертов и глубине их специальных познаний, необходимых для решения предметно-тематических проблем, возникающих при экспертных исследованиях. В судебных решениях, вынесенных в 1993 - 2000 гг., встречались ссылки на заключения криминалистической социокринологической экспертизы, комплексной гуманитарной экспертизы, комплексной судебной филологической экспертизы, философско-искусствоведческой комиссионной экспертизы. Начиная с 2000-х гг. наибольшее распространение получили социально-гуманитарные, социогуманитарные экспертизы, а также психолого-лингвистические и психолингвистические экспертизы.

Примечание 1. Термин "социогуманитарная экспертиза" применительно к исследованиям информационных материалов экстремистского характера впервые был предложен группой ученых из Санкт-Петербурга, преимущественно сотрудников НИИ "Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)" Российской академии наук. Разработкой методических основ социогуманитарной экспертизы наиболее подробно занимался практикующий эксперт Н.М. Гиренко. Его первые исследования на эту тему были опубликованы в конце 1990-х - начале 2000-х гг. и оказали существенную помощь органам государственной власти, в компетенцию которых входит противодействие проявлениям экстремизма. Отсутствие методических рекомендаций, основанных на обобщении экспертной деятельности по таким делам, не позволяло сформировать единообразную практику применения законодательства. Предложение об обозначении таких исследований широким термином "социогуманитарная экспертиза" было обусловлено тем, что само исследование должно было носить комплексно-гуманитарный характер. Среди специалистов, которые участвовали в его проведении, назывались филологи, социологи, философы, историки, психологи, этносоциологи, этнологи и представители некоторых других наук. Включение всех отраслей науки в каждом конкретном случае проведения экспертизы в ее название представлялось возможным, но не совсем удачным, так как это могло привести к необоснованному увеличению количества видов судебных экспертиз. Поэтому и был предложен общий (собирательный) термин. Основы социогуманитарной экспертизы разрабатывались как элемент общей криминалистической характеристики преступлений, совершаемых по мотивам национальной или расовой ненависти или вражды (см.: Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова; Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002).

Отмечая большую значимость первых шагов научно-теоретической разработки методики проведения экспертиз, следует заметить, что с накоплением опыта исследований в этой сфере возросла необходимость конкретизации области специальных познаний, используемых для определения понятийной направленности и целевой установки информационных материалов. Предложенная на стыке веков методика социогуманитарной экспертизы не решала важнейших вопросов о критериях отбора специалистов, о разграничении их компетенции и пределах полномочий. Между тем закон требовал проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме (ст. 8 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"). Кроме того, на разрешение экспертов ставились вопросы, связанные с толкованием правовых норм, что входило в явное противоречие с требованием о недопустимости назначения и производства "правовых" экспертиз. Наконец, методика социогуманитарной экспертизы разрабатывалась лишь применительно к проявлениям национальной или расовой ненависти либо вражды, тогда как другие виды экстремистских речевых действий (распространение религиозной и социальной розни, побуждение к насильственным посягательствам на основы конституционного строя, оправдание терроризма и др.) еще не стали предметом регулярного рассмотрения. Однако все эти обстоятельства в условиях "методического пробела" не помешали активному

применению данной методики к широкому кругу проблем, связанных с продуктами речевой деятельности. И по сей день при рассмотрении некоторых дел по-прежнему назначается и проводится социогуманитарная экспертиза.

В настоящее время ведутся научно-практические исследования по созданию двух видов специализированных методик - это методика комплексных психолого-лингвистических экспертиз и методика лингвистических экспертиз без обязательного участия психолога. Первый вид экспертизы (иногда не вполне точно именуемой "психолингвистической") был предложен сотрудниками отдела юридической психологии НИИ при Генеральной прокуратуре РФ. В нем воплотились результаты практических разработок в области психолого-правового противодействия криминальной ксенофобии. В сжатом виде эти разработки были опубликованы в качестве Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ "Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия". В 1999 г. отделом по надзору за исполнением законов о межнациональных отношениях Генеральной прокуратуры РФ и отделом юридической психологии Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ были изданы Методические рекомендации "Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды". В указанных документах рекомендовалось привлекать экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики, что должно было позволить избежать произвольного и нередко ошибочного толкования текстов публикаций и иной продукции массовой информации. Главным достоинством Рекомендаций стал подробно разработанный перечень основных признаков, характеризующих возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды с точки зрения общественной опасности. Кроме того, особое внимание было обращено на необходимость профессиональной оценки фактических сведений, содержащихся в спорных материалах. Для этого к проведению комплексной экспертизы должны были привлекаться также историки, религиоведы, экономисты, политологи, генетики, антропологи, этнологи и др.

Признавая, что в процессе прокурорской проверки или расследования уголовного дела главной уликой и основным источником доказательств является текст выступления или публикации, авторы Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ, тем не менее, относят установление смысловой направленности соответствующих текстов к компетенции судебной социально-психологической экспертизы. Текст, требующий содержательного анализа и юридической оценки, перестает быть предметом специального исследования. Он становится одной из информационных характеристик внеязыковой действительности. Так, в монографии, посвященной психолого-правовому анализу возбуждения вражды и ненависти, авторы высказывают мнение, что "приоритет при производстве таких исследований должен принадлежать социальным психологам и психолингвистам, устанавливающим общую смысловую направленность материала, вектор его воздействия на аудиторию, а филологи должны ограничиваться анализом языковых, речевых средств, используемых автором для реализации преступного замысла" <1>. При таком подходе языковым знакам приписываются такие функциональные свойства, которые могут появиться только у мыслительных элементов, составляющих речевое действие. Более того, эти свойства приписываются знаковым формам не как элементам формальной структуры языка, а как особому материальному явлению, существующему объективно.

<1> См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. проф. А.Р. Ратинова. М., 2005. С. 198.

Схожий подход реализован в Методике производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, подготовленной сотрудниками Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России. Эта Методика является, на наш взгляд, практическим воплощением императивного требования, первоначально выдвинутого специалистами научных учреждений при Генеральной прокуратуре РФ, о необходимости проведения именно комплексных экспертиз (предполагающих участие как минимум двух экспертов различных специальностей). В ней декларируется безусловная обязательность привлечения психологов к анализу содержания (смысла) информационных материалов <2>.

<2> См.: Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право 2011. N 2 (URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>).

Между тем психология как наука о психике и психической деятельности человека не имеет прямого отношения к анализу содержания информационного сообщения. Предметом судебной психологической экспертизы являются фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и о структуре психических процессов (психической деятельности) субъекта, а также об условиях отражения им объективной реальности, устанавливаемые путем психологического исследования и экспертной оценки. Степень значимости таких данных при оценке содержания информационных материалов должна определяться судом в каждом конкретном случае.

В делах о признании информационных материалов экстремистскими психологи изучают проблемы воздействия информации на аудиторию, используя для этого вероятностно-статистические методы исследования возможной реакции целевых групп на предъявляемый в качестве стимула "смысл текста". Методика РФЦСЭ Минюста РФ предписывает психологу исследовать не языковые способы воплощения информации, а устанавливать ее смысл посредством "контент-анализа" <3>. Однако подобные интерпретации содержания, базирующиеся на количественных характеристиках текста, могут больше сказать о частном мнении комментатора, чем о результатах исследования конкретного речевого действия.

<3> Термином "контент-анализ" обозначается собственно не метод анализа "содержания" текста, а множество разнообразных методик сбора количественных данных об изучаемом внеязыковом явлении или процессе, поэтому даже самый тщательный контент-анализ не отменяет необходимость обычного (т.е. лингвистического, лексико-грамматического) исследования документов. Методическим недостатком контент-анализа (кроме фрагментарности и обобщенности) является то, что его результаты позволяют объективировать вторичные интерпретации текстовых массивов безотносительно к содержанию конкретных высказываний, поскольку для целей контент-анализа можно произвольно, применяясь к данному случаю, устанавливать дискретную единицу счета, т.е. количественную меру единицы анализа, позволяющую регистрировать частоту (понимаемую как регулярность) появления признака некой категориальной единицы анализа, также определяемой для данного случая. Кроме того, методики контент-анализа принципиально неприменимы для задач экспертизы текста размером в один абзац по причине недостаточности количественных данных и, в связи с этим, из-за усиления воздействия на процесс принятия решения личных ценностных факторов - идеологических или корпоративных предпочтений, предрассудков обыденного сознания, религиозного мировоззрения и др.

Изучение практики привлечения экспертов-психологов показывает, что их участие сводится либо к оценочной интерпретации того, что хотел сказать автор текста, либо к прогнозу возможного воздействия содержания текста на читателя. Предметом таких оценок становятся собственные впечатления эксперта, выражающие его понимание общего замысла текста, не соотношенного с конкретными языковыми характеристиками самого текста. Исследование возможного понимания или вероятного воздействия текста на аудиторию чревато превращением экспертного заключения в субъективное, пристрастное домысливание возможных вторичных смысловых построений из произвольно собранных отрывков текста, взятых в отрыве от содержания их выражающих языковых знаков.

Между тем основная функция специалиста-эксперта состоит в том, чтобы выделить по правилам лингвистического анализа имеющуюся текстовую информацию и охарактеризовать ее. Для этого исходный текст должен пройти экспертную переработку - его содержание должно быть по понятным правилам интерпретировано, сокращено и преобразовано в аналитико-справочную информацию, содержащую определенные знания о тексте и о мире, стоящем за текстом.

Изучение результатов экспертных исследований, которые легли в основу судебных решений, вынесенных по "экстремистским делам" в 2004 - 2011 гг., подтверждает, что исследовательские выводы, не опирающиеся на лингвистический анализ языковых средств (значений словоформ и словосочетаний, синтаксических структур, риторических конструкций), уязвимы для противоположных выводов, которые в

свою очередь также могут быть опровергнуты интуитивными голословными соображениями. Представляется несомненным, что выводы о содержании текста, в которых игнорируются собственно лингвистические данные, а смысл извлекается без учета контекста, могут быть парированы не только добросовестным экспертом-лингвистом, но и любым внимательным юристом.

Исследование прагматической направленности информационных материалов, устанавливающее их коммуникативные задачи и целевую установку, относится к безусловной компетенции лингвистов. В пользу такого решения вопроса свидетельствует позиция Верховного Суда РФ, выраженная им в [Постановлении](#) Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности". [Пункт 23](#) этого Постановления специально посвящен разъяснению вопросов, связанных с порядком проведения судебных экспертиз: **"В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы (выделено нами. - Авт.)"**.

Как следует из разъяснений высшей судебной инстанции, лингвистический анализ текста является основным видом экспертного исследования, а специалисты других отраслей гуманитарного знания (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.) привлекаются в случае необходимости применения в процессе исследования их профессиональных знаний. Такая необходимость может возникнуть, например, при наличии в спорном материале фактических сведений, если требуется решить вопрос об их соответствии действительности. Важно отметить, что в первоначальном проекте упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ, обсуждавшемся научной общественностью, содержалась рекомендация судам выявлять смысловую и психологическую направленность текстов и, следовательно, назначать психолого-лингвистическую экспертизу. Пленум, однако, в итоге отказался включать приведенное разъяснение в текст [Постановления](#), рекомендовав вместе с тем для определения целевой направленности материалов назначать производство лингвистической экспертизы.

Примечание 2. В настоящий момент в стране одновременно работает несколько групп лингвистов, занимающихся изучением теоретических основ экспертизы спорных текстов и практической экспертной деятельностью, в том числе экстремистского характера.

В 1999 г. на филологическом факультете Алтайского государственного университета была открыта Лаборатория юрислингвистики и развития речи, которая ставит своей главной задачей аккумуляцию практического опыта лингвистической экспертизы различных явлений на стыке языка и права, выработку научно обоснованных принципов их юридиго-лингвистического анализа, учитывающего специфику обеих сторон таких явлений - как языковой, так и правовой. С начала 2000-х гг. действует Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС), которая представляет собой объединение экспертных организаций Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей. Директор Ассоциации Н.Д. Голев является научным редактором ежегодника "Юрислингвистика" - межвузовского сборника научных трудов, в котором публикуются статьи по различным аспектам проведения лингвистических экспертиз, а также образцы заключений по конкретным делам.

С 2001 г. в Москве существует Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). На основе обобщения результатов своей деятельности специалистами Гильдии было издано несколько работ методического характера (см., например: Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма <4>: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006; Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005). Кроме того, разработкой теоретических и практических основ лингвистической экспертизы занимаются такие ученые, как А.Н. Баранов, Ю.А. Бельчиков, Е.А. Гримайло, О.М. Грунченко, И.В. Жарков, А.П. Коршиков, И.Б. Левонтина, Т.В. Назарова, Ю.А. Сафонова и др.

<4> Указанное название аутентично.

В конце 2011 г. в экспертном управлении ГУП "Центр информационно-аналитических технологий" при Департаменте региональной безопасности г. Москвы было организовано подразделение, выполняющее комплексные лингвистические и психологические экспертные исследования.

Разнообразие объектов исследования как по форме и способу воплощения информации (печатные тексты, аудио- и видеоматериалы, графика), так и по содержанию (материалы политической, исторической, религиозной тематики) стимулировало поиск общей методики анализа информации. В результате проведенного нами исследования была **разработана** коммуникативно ориентированная, функционально-целевая методика проведения комплексных экспертиз информационных материалов на наличие в них признаков противоправной речевой деятельности. Речь идет не об универсальном методе понимания и истолкования текстов, но о практических способах доказательства наличия в тексте определенного содержания. В частности, методика предназначена для исследования текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, т.е. распространению ксенофобии, ненависти, социальной агрессии, идеологии насильственного решения общественно-политических и экономических проблем, оправданию терроризма. Такого рода исследования востребованы не только органами государственной власти, обеспечивающими информационную безопасность страны, но и рядовыми гражданами, реализующими свое конституционное право на свободу мысли, совести и религии. Значимость использования научно обоснованной экспертной методики в таких делах высока еще и потому, что последствием принимаемых органами власти решений может стать ограничение прав и свобод человека.

Научная экспертиза несовместима с импровизацией - каждый вывод, сделанный экспертом, необходимо доказывать средствами текста. Недопустимость вкусовщины, оценочных суждений и всякого рода предположений становится наиболее очевидной при производстве экспертизы по уголовным делам, когда выводы экспертов становятся основой для решения существа дела. Но только доказательные, проверяемые результаты экспертного исследования, неуязвимые для доводов оппонентов, могут устранить сомнения в виновности человека и послужить надежным основанием для привлечения его к уголовной ответственности.

Предлагаемая в настоящем пособии методика исследований опирается на эмпирические законы композиции обуславливающих понятийных отношений, связывающих отдельные суждения, утверждения, констатации в единое высказывание. Новизна методики состоит в том, что в ней выделена и учтена главная специфика экстремистских дел - пропагандистская или агитационная направленность противоправных действий. Эта специфика создает необходимость выработки у юристов навыков функционально-целевого (т.е. интенционального) анализа содержания текстов, а у экспертов - понимания особенностей нормативных требований закона, которые в абстрактной правовой форме запрещают высказывания с определенными понятийно-риторическими признаками воздействия на аудиторию.

В отличие от других методических пособий, предназначенных либо для правоприменителей, либо для экспертов, в настоящем научно-практическом пособии экспертам разъясняются прагматические цели их исследования, соответствующие требованиям закона, юристам предлагаются ясные формулировки экспертных задач и даются примеры правильной интерпретации результатов экспертных исследований.

Пособие состоит из двух дополняющих друг друга частей. В первой части излагаются юридические основания и особенности правовой оценки информационных материалов, а также теоретические основы лингвистического анализа текста и синтеза его прагматического содержания. Вторая часть пособия представляет собой методическое руководство к назначению, проведению и оформлению экспертных исследований, она включает подробные примеры последовательной реализации разных видов исследовательских процедур, ориентированных на прагматическую характеристику текста, содержащего риторические приемы убеждающего воздействия.

Работа над пособием и методическими рекомендациями стала возможной, поскольку предварялась, а отчасти и сопровождалась анализом судебных решений по делам о признании информационных материалов экстремистскими, вынесенных в 2006 - 2011 гг. Был учтен также опыт работы одного из авторов пособия в **Научно-консультативном совете при** Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма.

Эмпирическую основу методики составил исследовательский опыт сотрудников Экспертного центра

СПбГУ, подготовивших за три года более 250 заключений. Приобретенный опыт сказался и в работе авторов с текстом проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности". Практически все наши предложения, касающиеся экспертной деятельности, были приняты и вошли в окончательный текст [Постановления](#) Пленума. В письме на имя ректора Санкт-Петербургского государственного университета Н.М. Кропачева Верховный Суд РФ выразил благодарность авторам пособия за совместную работу и плодотворное сотрудничество.

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ

Раздел I. ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

I.1. Общие положения.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. В частности, [ст. 28](#) и [29](#) Основного Закона страны каждому человеку гарантируется свобода совести и вероисповедания, свобода мысли и свобода слова, провозглашается свобода массовой информации и право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Предоставление правовых гарантий свободы информации и свободы слова должно быть согласовано с требованиями общественной безопасности. Необходимость ее обеспечения вызвана ростом информационно-технологических возможностей для воздействия на сознание человека в противоправных целях. Возможность беспрепятственного выражения своих мнений и убеждений по любым вопросам, т.е. пользование свободой слова, налагает особые обязанности и сопровождается определенными ограничениями, установленными законом. Речь идет о безусловном уважении и соблюдении законных прав, личного достоинства и репутации других лиц вне зависимости от их расовой, национальной, религиозной принадлежности, поддержании государственной безопасности и общественного порядка.

В законодательстве о противодействии экстремистской деятельности реализуется конституционный принцип запрета на пропаганду и агитацию, возбуждающую расовую, национальную, религиозную, социальную ненависть и агрессию. Запрещаемые законом речевые действия объединяются по общему признаку - обоснованию и оправданию идеологически мотивированного социального насилия и ненависти. Информационный экстремизм - это высказывания, пропагандирующие ненависть к людям, оправдывающие агрессию, направленную против отдельных групп граждан, призывающие к социальному насилию как средству немедленного решения существующих общественных проблем.

Предлагаемые ниже разъяснения, основанные на обобщении практики применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности, в конечном счете должны способствовать правильному установлению тех особых обстоятельств, при которых может быть ограничено распространение идей, мнений и информации. Доктринальное толкование понятий и положений нормативно-правовых актов дается с учетом международных норм и основных принципов, сформулированных в решениях Комитета ООН по правам человека, Европейского Суда (ЕСПЧ) и Европейской комиссии по правам человека, а также практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

I.2. Понятие и формы экстремистской деятельности.

Экстремистская деятельность - противоправная деятельность, выражающаяся в совершении преступлений или административных правонарушений, указанных в [ст. 1](#) Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности", и направленная против основ конституционного строя и общественной безопасности, в том числе посредством распространения национальной, расовой, религиозной и социальной ненависти или вражды.

Экстремистская деятельность может проявляться в следующих формах:

1) экстремистские физические действия (совершение убийства по мотиву национальной ненависти, насильственный захват власти, совершение террористического акта и др.);

2) экстремистские речевые действия (публичные призывы к террористической деятельности; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека и др.).

Связь между двумя этими формами заключается в том, что призывы к осуществлению либо обоснование или оправдание необходимости осуществления "экстремистских физических действий" образуют "экстремистские речевые действия".

Экстремистское речевое действие - это всегда публичное распространение информации. Правовая оценка такого действия зависит от содержания распространяемой информации. Каждому экстремистскому речевому действию соответствует определенный тип информации, содержащей признаки экстремизма. Поскольку любые типы информации (включая видеoinформацию), как и речевые действия, имеют в конечном счете словесную форму выражения, то для их характеристики в законодательстве используются одни и те же термины, описывающие содержание информационного действия, задачи и цели распространения информации. Например, "призыв к деятельности", "обоснование необходимости деятельности", "оправдание необходимости деятельности", "пропаганда негативного отношения к кому-либо" могут обозначать как "экстремистское речевое действие", так и "информацию, содержащую признаки экстремизма" (ср.: "человек, призывающий к экстремистским действиям" и "материал, призывающий к экстремистским действиям").

В то же время информация, содержащая признаки экстремизма, существует относительно автономно от конкретных речевых действий. Информация как таковая может существовать до совершения экстремистского речевого действия, являться его результатом (например, в случае публичного выступления), а также находиться в обороте долгое время после того, как речевое действие было совершено. По этой причине юридическая оценка информационных материалов и речевых действий может не совпадать во времени. Такая оценка дается либо только содержанию информационных материалов (признание материалов экстремистскими), либо одновременно содержанию информации и действиям по ее распространению (при привлечении к уголовной ответственности). Правовая оценка экстремистских речевых действий без оценки содержания информации невозможна.

Юридическая оценка информации как содержащей признаки экстремизма является основанием для признания носителей, на которых она содержится, экстремистскими материалами.

1.3. Пределы допустимого вмешательства.

Общие условия (стандарты) допустимости вмешательства государства в осуществление прав и свобод, а также критерии возможного ограничения свободы слова и свободы информации, содержательно соотносящейся с признаками экстремистской деятельности, установлены в следующих международно-правовых актах:

Всеобщая [декларация](#) прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.)

"Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации" (ст. 7);

Международный [пакт](#) о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.)

"Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц" (ст. 18).

"Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом" (ст. 20);

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21 декабря 1965 г. Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН)

"Государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающиеся оправдать, или поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме, и обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации, с этой целью они в соответствии с принципами, содержащимися во Всеобщей декларации прав человека, и правами, ясно изложенными в статье 5 настоящей Конвенции, среди прочего:

а) объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование;

б) объявляют противозаконными и запрещают организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом;

с) не разрешают национальным или местным органам государственной власти или государственным учреждениям поощрять расовую дискриминацию или подстрекать к ней" (ст. 4).

Приведенные нормы международных правовых актов предписывают государствам принятие мер по запрету лишь таких высказываний и публикаций, в которых содержится поощрение дискриминации, вражды и насилия, подстрекательство к таким действиям, а также распространение идей, основанных на национальном и расовом превосходстве или ненависти. Указанные речевые действия выходят за пределы общепризнанного права на свободу выражения мнения, которое не является абсолютным и подлежит ограничениям.

В ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (заключена в г. Риме) закреплено право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, которое включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. При этом отмечается, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

В ст. 10 упомянутой Конвенции закреплено право каждого свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. В то же время осуществление этих свобод, налагающих обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом. В демократическом обществе такие ограничения вводятся с целью обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности, общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Приведенные положения имеют существенное смысловое сходство с **ч. 3 ст. 55** Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В частности, такими конституционно установленными ограничениями являются запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Также в **Конституции** РФ установлен прямой запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

В этой связи следует обратить особое внимание на сложившуюся практику применения ЕСПЧ положений **ст. 9 и 10** Конвенции. Судом был выработан ряд критериев, позволяющих квалифицировать те или иные случаи распространения информации как находящиеся под защитой права на свободу убеждений и выражения мнения либо как представляющие собой злоупотребление этими правами и допускающие вмешательство государства. Как следует из решений ЕСПЧ, право каждого человека свободно распространять информацию и идеи означает возможность говорить то, что он знает, или то, о чем он думает, независимо от того, что это может кому-то не нравиться или вызывать беспокойство. Даже если явное большинство считает некоторую информацию или взгляды неправильными или вредными, это не дает оснований к их запрету. ЕСПЧ в одном из своих решений отметил: "Свобода выражения мнения... относится не только к той "информации" или тем "идеям", которые получены законным путем или считаются неоскорбительными или незначительными, но и к тем, которые оскорбляют или вызывают возмущение. Таковыми являются требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых "демократическое общество невозможно" <5>. Верховный Суд РФ в своем **Определении** от 27 июля 2010 г. воспроизвел правовую позицию ЕСПЧ, в соответствии с которой свобода слова охватывает не только "информацию" или "идеи", которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство <6>.

<5> Решение по делу Handyside v. the United Kingdom от 7 декабря 1976 г., по заявлению N 5493/72, п. 49. См. также дело ЕСПЧ Otto-Preminger-Institut v. Austria, решение от 20 сентября 1994 г., по заявлению N 13470/87, п. 49.

<6> **Определение** Верховного Суда РФ от 27 июля 2010 г. N 21-Г10-2. В удовлетворении заявления о ликвидации зарегистрированного общественного объединения отказано, поскольку обращение граждан, организаций с заявлением в органы прокуратуры, в котором они приводят те или иные сведения о совершенных или совершаемых преступлениях, даже если эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, само по себе не может служить основанием для привлечения таких граждан, организаций к ответственности, предусмотренной **Законом** о противодействии экстремистской деятельности // СПС "КонсультантПлюс".

Применяя правовые меры по противодействию распространению идеологии экстремизма, органы государственной власти должны решать двуединую задачу: с одной стороны, обеспечивать соблюдение гарантированных прав и свобод человека и гражданина, а с другой - охранять публичный интерес, не допуская злоупотреблений такими правами в целях подстрекательства к противоправной деятельности и ее поощрения. При таком подходе правильная юридическая оценка информационных материалов как содержащих или не содержащих признаки экстремизма всегда предполагает установление оснований для необходимого и разумного ограничения некоторых прав и свобод как реакцию на злоупотребление ими и защиту от необоснованного вмешательства государства.

1.4. Законодательство о противодействии распространению информации, содержащей признаки экстремистской речевой деятельности.

Основным условием признания вмешательства государства в осуществление права на свободу

распространения идей, мнений и информации допустимым является наличие соответствующих ограничений в законе. Нормативным актом, принятым высшим законодательным органом и специально предназначенным для правового регулирования противодействия экстремистской деятельности, является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (далее - Закон о противодействии экстремистской деятельности). В нем содержатся определения экстремистской деятельности (экстремизма), экстремистской организации и экстремистских материалов. Соответствующие нормы закона определяют механизм признания в судебном порядке материалов экстремистскими, а также ответственность общественных и религиозных объединений, средств массовой информации за осуществление экстремистской деятельности.

Кроме того, правовые нормы о противодействии распространению информации, содержащей признаки экстремистской речевой деятельности, предусмотрены в ряде других нормативных актов, имеющих статус закона <7>:

<7> Далее приводится перечень не всех законов, содержащих правовые нормы, направленные на противодействие экстремизму, а лишь тех, положения которых в той или иной мере позволяют пресекать распространение информации, содержащей признаки экстремистской речевой деятельности.

- Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. N 5-ФКЗ "О референдуме Российской Федерации" запрещает включение в агитационные материалы инициативной группы по проведению референдума, инициативных агитационных групп и в выступления членов указанных инициативных групп на собраниях, митингах, в средствах массовой информации призывов к насильственному захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и нарушению целостности территории Российской Федерации. Также запрещена агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду (ст. 68);

- Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 "О средствах массовой информации" содержит запрет на использование СМИ для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов (ст. 4);

- Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 82-ФЗ "Об общественных объединениях" содержит запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности (ст. 16). Кроме того, в государственной регистрации общественного объединения может быть отказано, если его наименование оскорбляет национальные и религиозные чувства граждан;

- Уголовный кодекс (далее - УК) РФ содержит несколько составов преступлений, устанавливающих ответственность за распространение информации, содержащей признаки экстремистской речевой деятельности:

1) ст. 148 - нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих);

2) ст. 205.2 - публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма;

3) ст. 280 - публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

4) ст. 282 - возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

- Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. N 138-ФЗ "Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления" содержит требование о том, что предвыборные программы и агитационные предвыборные материалы не должны содержать призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению

целостности Российской Федерации. Запрещаются агитация и пропаганда социального, расового, национального или религиозного превосходства, выпуск и распространение сообщений и материалов, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную вражду;

- Уголовно-исполнительный кодекс (далее - УИК) РФ содержит запрет осужденным к лишению свободы на получение, приобретение, хранение и распространение изданий, пропагандирующих разжигание национальной и религиозной вражды (ст. 95);

- Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" запрещает воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий. Запрещается также проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания (ч. 6 ст. 3);

- Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ "О политических партиях" устанавливает запрет на создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности (ст. 9). Также запрещается использовать наименование политической партии и символику, оскорбляющие расовые, национальные или религиозные чувства;

- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП) устанавливает ответственность, в частности, за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (ст. 5.26), пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3), производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29);

- Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" устанавливает, что предвыборные программы кандидатов, избирательных объединений, иные агитационные материалы (в том числе размещаемые в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая Интернет), выступления кандидатов и их доверенных лиц, представителей и доверенных лиц избирательных объединений, представителей инициативной группы по проведению референдума и иных групп участников референдума, граждан на публичных мероприятиях, в средствах массовой информации (в том числе размещаемые в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая Интернет) не должны содержать призывы к совершению деяний, определяемых как экстремистская деятельность, либо иным способом побуждать к таким деяниям, а также обосновывать или оправдывать экстремизм. Кроме того, запрещается агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижающая национальное достоинство, пропагандирующая исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также агитация, при проведении которой осуществляются пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени их смешения (ст. 56);

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" содержит общий запрет на распространение информации, которая направлена на разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды (ст. 10).

1.5. Правовые основания для признания материалов экстремистскими.

В ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности содержится определение экстремистских материалов. К таковым относятся предназначенные для обнародования информационные материалы:

- 1) призывающие к осуществлению экстремистской деятельности;
- 2) обосновывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности;

3) оправдывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности;

4) относящиеся к экстремистским в силу прямого указания закона:

- труды руководителей Национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии;

- материалы, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство;

- материалы, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Таким образом, для признания информационных материалов экстремистскими они должны удовлетворять двум критериям: функциональному и содержательному.

Функциональный критерий означает, что информационные материалы должны быть предназначены для обнародования, т.е. правовая оценка информационных материалов на предмет наличия в них признаков экстремизма может даваться со времени начала их публичного распространения (последующий контроль) либо исходя из обстоятельств их производства и хранения (предварительный контроль). В частности, изготовление большого количества экземпляров, обнаружение их в местах проведения массовых мероприятий, производство материалов в период предвыборной агитации могут свидетельствовать о том, что они предназначены именно для публичного распространения, т.е. для обнародования. Недопустимо делать вывод о предназначении информационного материала для опубликования лишь на основании его содержания, когда он фактически не распространялся и по обстоятельствам дела не мог быть для этого предназначен (например, хранился в единичном экземпляре).

При необходимости проведения исследования недопустимо изъятие всего тиража информационных материалов. В отношении продукции средств массовой информации установлено специальное правило: в целях недопущения продолжения распространения экстремистских материалов только суд может приостановить реализацию соответствующих номеров периодического издания, либо тиража аудио- или видеозаписи программы, либо выпуск соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы в порядке, предусмотренном для принятия мер по обеспечению иска. Кроме того, только решение суда является основанием для изъятия нереализованной части тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, из мест хранения, оптовой и розничной торговли (ст. 11 Закона о противодействии экстремистской деятельности).

Содержательный критерий означает наличие в распространяемых материалах информации, имеющей указанную в **Законе** целевую направленность. Материалы могут быть признаны экстремистскими, если их содержание направлено на формирование положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности. Закон различает три способа выражения положительного отношения: 1) "призывы к экстремистской деятельности"; 2) "обоснование необходимости экстремистской деятельности"; 3) "оправдание необходимости экстремистской деятельности". Для определения того, в каких именно фрагментах текста содержится соответствующий смысл, необходим его лингвистический анализ. Используемые в тексте Закона термины соответствуют содержащимся в международных правовых актах понятиям "подстрекательство" <8> и "поощрение".

<8> Использование в российских правовых актах об ответственности за проявление экстремистской речевой деятельности термина "призывы" в отличие от "подстрекательства", упоминаемого в международных документах, обусловлено тем, что "подстрекательство" в российском уголовном праве рассматривается в рамках института соучастия в преступлении. Преступные же действия, совершаемые посредством "публичных призывов", не обладают всеми признаками соучастия в форме подстрекательства и поэтому образуют самостоятельные составы преступлений (см. об этом подробнее п. 10.1 настоящей книги).

Призыв к деятельности выражается в грамматических модальных конструкциях побуждения с

использованием глаголов в повелительном наклонении ("бейте", "жгите", "убивайте", "взрывайте").

Обоснование необходимости деятельности выражается в грамматических конструкциях побуждения (с использованием глаголов в сослагательном наклонении) либо сочетанием модальных слов и глаголов ("было бы желательно", "хотелось бы", "необходимо", "нужно", "требуется"). Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости деятельности является выражение автором положительного, одобрительного отношения к ней.

Оправдание необходимости деятельности содержит положительную оценку уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных причин (оснований) для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем.

По своим лингвистическим признакам обоснование и оправдание необходимости совершения экстремистских действий всегда являются выражением мнения, а потому, как правило, требуется специальный лингвистический анализ содержания соответствующих информационных материалов, подтверждающий необходимость вмешательства государства и ограничения свободы распространения идей и мнений.

В **Законе** имеется прямое указание на то, что экстремистскими признаются следующие материалы:

1. Труды руководителей Национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии. Поскольку **Закон** презюмирует <9> наличие в таких трудах положительного отношения к экстремистской деятельности, постольку необходимость в проведении содержательной экспертизы таких материалов на предмет установления в них признаков экстремизма отсутствует. Однако для установления авторской принадлежности некоторых трудов в отдельных случаях может потребоваться применение специальных познаний.

<9> Здесь термин "презюмировать" используется в значении "предполагать заведомое наличие юридически значимого факта".

2. Публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство. Информационные материалы могут быть признаны экстремистскими, если в них утверждается наличие биологически обусловленных качественных различий между представителями национальных или расовых групп, и на основании этого делается вывод о существовании иерархии рас или национальностей. Несмотря на то что сами по себе такие высказывания не побуждают к экстремистской деятельности и не оправдывают ее, они объективно могут стать идеологической и политической основой для масштабных нарушений прав человека по признаку расовой или национальной принадлежности.

3. Информационные материалы, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы (частный случай оправдания экстремистской деятельности, специально указанный в **Законе**).

Во всех иных случаях для признания информационных материалов экстремистскими необходимо специально устанавливать наличие в них призывов к осуществлению либо обоснования или оправдания необходимости осуществления одного из указанных в **Законе** видов деятельности.

Экстремистские физические действия. Признание информационных материалов экстремистскими на основании наличия в них положительного отношения к деятельности, выражающейся в форме насильственных противоправных действий (экстремистских физических действий), как правило, не вызывает затруднений. Так, информационные материалы признаются экстремистскими, если они призывают к осуществлению, а равно обосновывают или оправдывают необходимость осуществления следующих видов деятельности:

1) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской

Федерации (ст. 278 УК РФ);

2) террористическая деятельность (ст. 205 УК РФ);

3) нарушение прав, свобод и Законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (ст. 5.62 КоАП РФ, ст. 136 УК РФ);

4) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо с угрозой его применения (ст. 141 УК РФ);

5) воспрепятствование Законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо с угрозой его применения (в частности, ст. 141, 148, 295, 317 УК РФ);

6) совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (в частности, п. "л" ч. 2 ст. 105; п. "е" ч. 2 ст. 111 УК РФ);

7) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций (ст. 20.3 КоАП РФ);

8) массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (ст. 20.29 КоАП РФ);

9) организация и подготовка указанных деяний;

10) финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Таким образом, в большинстве случаев речь идет о призывах либо об оправдании или обосновании необходимости уголовно наказуемой деятельности, как правило, сопряженной с применением насилия, а равно о соучастии в такой деятельности (в форме организации и пособничества), за исключением видов деятельности, указанных в п. 3, 7 и 8.

Экстремистские речевые действия. Более сложным представляется доказательство наличия в информационных материалах выражения положительного отношения к экстремистской деятельности, имеющей вербальную (словесную) форму. В таких случаях речь должна идти о призывах к осуществлению либо об обосновании или оправдании необходимости осуществления экстремистских речевых действий. К ним относятся:

1) публичное оправдание терроризма;

2) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

3) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

4) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

5) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, являющихся преступлением;

6) подстрекательство к осуществлению экстремистской деятельности.

Поскольку некоторые формы экстремистских речевых действий формально и содержательно уже включают языковые конструкции призыва к деятельности, обоснования или оправдания необходимости деятельности (п. 1, 4, 6 вышеприведенного списка), то, очевидно, отсутствует необходимость выявления логико-грамматических конструкций типа "призывы к призывам" или "оправдание оправдания". Рассмотрим признаки экстремистских речевых действий подробнее.

Признак "оправдание терроризма" представляет собой частный случай оправдания "экстремистских физических действий" (в данном случае - террористической деятельности).

Признак "возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни" объединяет в себе все случаи побуждения к действиям или оправдания действий, направленных против человека в связи с его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежностью. Так, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" указано, что под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

Признак "пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, религиозной или языковой принадлежности либо отношения к религии" <10> означает побуждение к экстремистской деятельности либо ее оправдание посредством убеждения в ущербности, неполноценности представителей одной группы и исключительности, превосходства другой группы.

<10> Как уже отмечалось выше, материалы, в которых пропагандируется превосходство или неполноценность людей по признаку расы или национальности, даже если таковое не сопровождается побуждением к экстремистской деятельности либо ее оправданием, признаются экстремистскими в силу прямого указания Закона.

Наличие в информационном материале "публичного заведомо ложного обвинения лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей экстремистских действий, являющихся преступлением" может быть основанием для признания материала экстремистским лишь в том случае, если посредством такого обвинения в тексте формируется положительное отношение к "экстремистским физическим действиям" (см. об этом подробнее п. 1.6.11). В иных случаях имеются основания для квалификации соответствующих высказываний как клеветы.

Таким образом, связь между словесными и физическими действиями экстремистского характера заключается в том, что "экстремистские речевые действия" по содержанию представляют собой призывы либо обоснование или оправдание необходимости совершения "экстремистских физических действий".

В качестве обязательного условия признания информационных материалов экстремистскими в **Законе** предусмотрено наличие специальной коммуникативной задачи - формирования положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности, т.е. призывов к ней, ее обоснования или оправдания. Этот признак позволяет отграничить экстремистскую речевую деятельность от иных форм злоупотребления свободой слова и свободой массовой информации, а также от правомерного пользования этими свободами. Такой подход полностью соответствует международно-правовым стандартам и **Конституции** РФ. Основное предназначение правовых норм, пресекающих распространение информационных материалов, - это своевременное предупреждение преступных насильственных действий. Введение ограничений здесь обусловлено обязанностью государственных органов быстро и адекватно реагировать на непосредственную угрозу совершения таких действий, на умышленное создание условий их совершения, на их провоцирование в виде "публичного подстрекательства" вместо реагирования на уже произошедшие конфликты. При таком понимании необходимость вмешательства государства становится очевидной. В то же время все иные речевые действия, в том числе создающие дискомфорт каким-либо группам и, возможно, обидные для них, но не провоцирующие и не одобряющие конкретных противоправных действий против них, не могут быть ограничены законом. В демократическом обществе

столкновение идей и мнений, если они не провоцируют насилие и ненависть, должно происходить в открытой борьбе без вмешательства публичной власти.

1.6. Виды экстремистской речевой деятельности.

1.6.1. Призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации либо обоснование или оправдание необходимости насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации.

Насильственное изменение конституционного строя заключается в противоправных попытках преобразовать систему экономических, политических, социальных, идеологических и иных отношений, закрепленных **Конституцией** РФ. В частности, речь может идти о призывах к нарушению конституционного порядка установления и функционирования государственной власти и ее органов, созданию в этих целях незаконных вооруженных формирований, уничтожению государственных деятелей, дезорганизации работы или захвату систем жизнеобеспечения, призывах к иностранным государствам с просьбой о военном вмешательстве и т.д. Следует различать насильственный захват власти и насильственное удержание власти, с одной стороны, и насильственное изменение основ конституционного строя, с другой стороны. Действия, направленные на осуществление неконституционного способа прихода к власти конкретных лиц или политических партий, либо отказ передать власть вопреки результатам выборов могут быть не связаны с изменением основ конституционного строя. В то же время формирование положительного отношения к действиям, направленным на насильственное изменение основ политической и экономической системы, общественного строя (вооруженный мятеж, "разгон" и ликвидация органов власти, отмена права собственности и принудительная конфискация имущества и др.), является основанием для признания материалов экстремистскими.

Нарушение целостности Российской Федерации означает противоправное изменение ее территориальных границ, отделение каких-либо административно-территориальных образований. Россия является многонациональной страной, и поэтому вопросы ее административно-территориального устройства часто обсуждаются в различных информационных материалах, в том числе в контексте права народов на самоопределение. При правовой оценке содержания информационных материалов необходимо иметь в виду, что формами осуществления народом права на самоопределение являются создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним либо установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом. Однако формы реализации права на самоопределение "не должны толковаться как санкционирующие или поощряющие любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов... и вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории без различий расы, вероисповедания или цвета кожи" <11>.

<11> См. Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 ноября 1970 г.

В этой связи недопустимо усматривать наличие признаков экстремизма в информационных материалах на основании одного лишь факта обсуждения возможности изменения административно-территориального устройства государства. Для признания соответствующих информационных материалов экстремистскими они должны призывать к действиям, обосновывать или оправдывать соответствующие действия, реализующиеся только в насильственной форме (например, вооруженный захват территорий и населенных пунктов, насильственное переселение, депортация и иные насильственные действия в отношении жителей). Как отметил ЕСПЧ, необходимо четко разграничивать легитимные политические дебаты по вопросам о государственном устройстве, о национальной безопасности, ведущиеся пусть даже в агрессивной манере, и призывы к незаконным и насильственным действиям. Например, заявитель по делу *Sener v. Turkey* опубликовал критический материал о политике

Турции в отношении курдского меньшинства и назвал юго-восточную часть страны Курдистаном. ЕСПЧ указал следующее: "При том, что отдельные обороты речи кажутся агрессивными... статья в целом не прославляет насилие. В той же степени она не призывает людей к ненависти, мести, ответным мерам или вооруженному сопротивлению... Суд полагает, что эти существенные факторы должны быть взяты во внимание... Далее, Суд указывает, что заявитель был арестован... за распространение сепаратистской пропаганды в регионе Турции, называемом "Курдистан", и за утверждение, что население курдского происхождения, проживающее в этом регионе, подвергается угнетению. По этому поводу Суд считает, что власти... не учли должным образом право граждан знать об альтернативных мнениях о ситуации на юго-востоке Турции, независимо от того, насколько неприятной была бы для властей подобная перспектива" <12>.

<12> В решении ЕСПЧ по делу Sener v. Turkey от 18.07.2000, по заявлению N 26680/95, п. 45 - 46. См. также мнение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) по поводу Федерального **закона** "О противодействии экстремистской деятельности" говорится: "Комиссия подчеркивает, что защита права народов на самоопределение и мирное отстаивание иного территориального устройства внутри страны в целом не считается преступными деяниями и, наоборот, может рассматриваться как законное выражение взглядов человека" (см.: <http://www.venice.coe.int/docs/2012/CDL-AD%282012%29016-e.pdf>).

Каждый человек имеет право публично усомниться в правильности закрепленной в **Конституции** РФ формы правления, формы государственного устройства, поэтому распространение негативной информации о ситуации в политической, экономической, социальной жизни страны, в которой не содержится призывов к насильственным действиям, не может рассматриваться как посягательство на основы государственного строя. **Закон** признает экстремизмом лишь выражение одобрительного отношения именно к насильственным формам действий, следовательно, материалы, в которых содержатся требования об изменении законодательным путем системы органов государственной власти, порядка их формирования либо требования распустить органы власти, вынести на референдум вопрос о выходе субъекта РФ из состава РФ, призывы к созданию альтернативных органов власти, к открытому неповиновению властям страны и другим хотя и радикальным, но ненасильственным действиям не могут признаваться экстремистскими.

1.6.2. Призывы к террористической деятельности либо обоснование или оправдание необходимости террористической деятельности и терроризма.

В соответствии с Федеральным **законом** от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ (в ред. от 3 мая 2011 г.) "О противодействии терроризму" терроризм - это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Террористическая деятельность включает в себя:

- а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к

осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Экстремистскими могут быть признаны материалы, призывающие к совершению или обосновывающие необходимость совершения террористического акта, т.е. взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях. Экстремистскими могут быть признаны также материалы, в которых содержатся призывы к осуществлению либо обосновывается или оправдывается необходимость осуществления иных видов террористической деятельности, непосредственно связанных с реализацией террористического акта (организация, подстрекательство и пособничество, вербовка террористов и др.).

Под оправданием террористической деятельности понимается положительная оценка уже совершенного террористического акта и (или) участвовавшего в его совершении лица в связи с этим террористическим актом, основанная на утверждениях о целесообразности, правильности, необходимости именно такого способа действий, даваемая вопреки общепринятому осуждению этих действий.

Надежной предпосылкой правильного разграничения оправдания терроризма и правомерного пользования правом на свободу слова и свободу распространения информации является выявление целевой направленности сообщений. Материалы могут быть признаны экстремистскими только в том случае, если они формируют одобрительное отношение к идеологии и практике насилия. Например, в информационном материале автор приходит к выводу о необходимости поддержки действий террористов, пишет о правильности и обоснованности таких действий. Напротив, когда наряду с указанием на наличие причин для совершения теракта в публикации ясно выражается негативное отношение к такому способу решения социальных проблем, то основания для признания материала экстремистским отсутствуют. Недопустимо также рассматривать как оправдание террористической деятельности высказывания и публикации, в которых анализируются лишь причины совершения террористических актов. Объяснение мотивов деятельности террористов, указание на вынужденность таких действий, положительные оценки личности террористов, а не их действий не означают оправдания терроризма.

Чрезмерное ограничение свободы выражения мнения в тех случаях, когда в информационном материале отсутствуют призывы или обоснование необходимости террористической деятельности, может дать негативный эффект. "Борьба с высказываниями, граничащими с подстрекательством к насилию, может быть не только сомнительной с юридической точки зрения, но и контрпродуктивной, способствуя легитимации определенных взглядов, которые, будь они выражены открыто, не могли бы на нее рассчитывать. Лишение той или иной части общества законных средств выражения своих воззрений может также привести к ее отчуждению, которое затем подталкивает данную группу к более радикальным формам протеста или создает среду, где рассуждения и аргументы террористов находят больший отклик" <13>.

<13> Соблюдение прав человека в ходе борьбы с подстрекательством к терроризму и связанными с ним правонарушениями: Семинар экспертов ОБСЕ / Совета Европы "Предотвращение терроризма: борьба с подстрекательством к террористической деятельности". Вена, 2006 (<http://www.osce.org/ru/odihr/22053>).

1.6.3. Возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Возбуждение розни является одним из наиболее распространенных и в то же время наиболее сложных с точки зрения правовой оценки признаков экстремистской речевой деятельности. Приведенный признак может рассматриваться как родовой для ряда других конкретных видов экстремистских речевых действий. Возбуждающими рознь могут быть высказывания, формирующие положительное отношение к дискриминации, к насилию, мотивированному предубеждением, пропагандирующие нацистскую символику, национальное и расовое превосходство и др. Эти и другие речевые действия, нашедшие самостоятельное закрепление в Законе, далее будут рассмотрены отдельно. В то же время здесь следует более подробно проанализировать возможные способы убеждения в необходимости ненавистного или враждебного отношения к представителям указанных в Законе групп, не связанные непосредственно с агитацией за конкретные действия.

В законодательстве используется несколько терминов для обозначения действий, провоцирующих межгрупповую неприязнь. В соответствии с **ч. 5 ст. 13** Конституции РФ запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а в **ч. 2 ст. 29** содержится положение, в соответствии с которым не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Таким образом, Конституция РФ в одном случае запрещает "разжигание розни", а в другом - "возбуждение ненависти и вражды". В то же время в **ст. 1** Закона о противодействии экстремистской деятельности используется "смешанный вариант" - "возбуждение розни". Несмотря на указанные терминологические различия, сущность запрещаемых действий одинакова.

Понятием "ненависть" характеризуется чувство сильной неприязни, злобы к кому-либо. Это чувство человек может испытывать немотивированно, в одностороннем порядке. Чувство ненависти может быть как взаимным, так и односторонним. Внешнее (речевое или физическое) проявление или выражение чувства ненависти наносит моральный, материальный или физический ущерб человеку (группе людей), в отношении которого (которых) проявлено такое чувство.

"Враждой" называют отношения между людьми, которые мотивированы взаимным чувством крайней неприязни, ненависти, злобы. Отношения предполагают включенность в них обеих враждующих сторон. Для того чтобы отношения можно было квалифицировать как враждебные, необходимо, чтобы человек испытывал чувство морального урона, потерпел материальный или физический ущерб при взаимодействии с другим человеком (группой людей). Понятие "вражда" противоположно по своим семантическим свойствам понятию "дружба".

Давая толкование **ст. 282** УК РФ, Конституционный Суд РФ отметил, что данная норма "направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков" <14>. Следует согласиться с тем, что законом запрещается провоцирование вражды между группами людей, выделяемых по физическим и социальным признакам.

<14> **Определение** Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. N 154-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чулкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС "КонсультантПлюс".

К первой группе относятся биологически детерминированные характеристики человека, такие как расовая принадлежность, цвет кожи и пол. По своему содержанию к физическим признакам примыкают и такие, которые характеризуют человека как носителя определенных национально-культурных традиций, воспринимаемых им по мере воспитания в данной культурной среде: национальные особенности, религиозная принадлежность, язык, происхождение. Эту группу признаков в известной степени условно можно охарактеризовать как неизменяемые признаки.

Вторая группа - социальные признаки, характеризующие человека как участника общественно значимой деятельности, прежде всего профессиональной. К социальным признакам следует отнести классовую принадлежность <15>, также характеризующую человека как участника общественной организации и разделения труда, хотя и опосредованно, через указание на его имущественное положение и отношение к средствам производства (богатые - бедные, работники - работодатели). Деятельность представителей указанных групп всегда социально значима, поэтому перечисленные признаки, безусловно, являются критериями выделения социальных групп для целей применения законодательства о противодействии экстремизму. Однако для большинства других социальных групп выделенный признак - "общественно значимая деятельность" - не является постоянным или обязательным. В этой связи любой социальный (нефизический, изменяемый) дифференцирующий признак теоретически может служить основанием для выделения отдельной социальной группы (например, брачно-семейный статус, уровень образования, вид хобби, образ жизни, место жительства и т.д.). Каждый из указанных признаков, становясь общественно значимым, может послужить основанием для выделения особой социальной группы в контексте законодательства о противодействии экстремистской деятельности. Общественная значимость

принадлежности к таким группам объективируется самим фактом наличия информационного материала, опубликованного среди неограниченного круга лиц, в котором деятельность выделяемой группы людей становится объектом всеобщего внимания. Поэтому во всех случаях установление оснований для признания материала экстремистским предопределяется не решением вопроса об относимости той или иной группы людей к "социальной группе", а тем, что именно говорится об этой группе, имеется ли у говорящего целевая установка на пропаганду ненавистного или враждебного отношения к ее представителям <16>.

<15> Класс - большая группа людей с определенным положением в исторически сложившейся системе общественного производства и с определенной ролью в общественной организации труда, объединенная одинаковым, обычно законодательно закрепленным, отношением к средствам производства, к распределению общественного богатства и общностью интересов (см.: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов (далее - БТС). СПб., 1998. С. 430 - 431).

<16> Отчасти подтверждением указанной позиции является содержащееся в [ст. 56](#) Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" положение о том, что предвыборная агитация, направленная на защиту идей социальной справедливости, не может рассматриваться как разжигание социальной розни. Заметим, что данный Закон, ограничивая применение запрета на "разжигание социальной розни", не содержит перечисления возможных признаков для выделения социальных групп, не подпадающих под его действие, но в качестве критерия для оценки противоправности информационных материалов указывает на их целевую направленность - на защиту идей социальной справедливости.

Для обоснования наличия в высказывании признака возбуждения (разжигания) ненависти, вражды необходимо доказать, что анализируемый фрагмент является таким высказыванием, задачей которого является обоснование враждебного отношения к указанной в законе группе. Для этого нужно, чтобы:

- говорящий выразил мнение о наличии у представителей какой-либо группы негативных моральных качеств, отрицательных свойств, пороков, постоянно проявляемых в их поведении, конкретных действиях;
- говорящий обосновал свое мнение такими суждениями (фактами, фактоидами <17>), которые подтверждают справедливость, правильность проявления неприязненного, нетерпимого отношения ко всем представителям этой группы.

<17> Фактоидом выступает мнение, "замаскированное" под факт. Подробнее о фактоиде как разновидности мнения см. далее ([ч. I, разд. II, п. 7.2](#) "Мнение как функционально-понятийный тип риторической пропозиции").

Целевой установкой такого высказывания является пропаганда необходимости враждебного отношения к выделяемой группе.

Именно на уровне анализа коммуникативно-риторической структуры высказывания проявляются особенности оценки текстов, характеризующих людей по физическому и социальному признаку. Поскольку социальной группе присущ признак общественно значимой деятельности, то целевой установкой информационных материалов, в которых дается обобщенная негативная оценка такой деятельности, может быть не только пропаганда необходимости враждебного отношения к ее представителям, но и критика, направленная на соответствующий социальный институт (полиция, армия, школа, психиатрия и др.). В то же время негативная оценка деятельности групп людей, образованных по неизменяемому признаку, неизбежно относится к каждому человеку как к носителю такого признака. Наиболее очевидно такое различие может быть обнаружено на примере радикальной критики, т.е. выражения негативного мнения, которое вообще отрицает необходимость существования выделенной группы. В случае с социальными группами речь может идти о необходимости упразднения вышеуказанных социальных институтов как вредных, ненужных и т.д. В отношении же групп людей, выделяемых по неизменяемому признаку, подобные высказывания недопустимы.

Таким образом, пределы допустимой критики в отношении социальных групп значительно шире, чем групп, образованных, например, по признаку расы или половой принадлежности. И чем более общественно значимой является деятельность, тем более широкие возможности для критики предоставляет закон. Поэтому и отсутствует ответственность за возбуждение политической или идеологической ненависти или вражды. В политических дебатах, идеологических диспутах допустимы самые резкие высказывания и критика деятельности публичных лиц, в том числе, например, обобщенная негативная оценка всех представителей какой-либо партии или органа власти.

Конституционный запрет на пропаганду, возбуждающую ненависть и вражду, дает основания для признания экстремистскими материалов, в которых отсутствует агитация (т.е. побуждение к деятельности), но имеет место распространение идеологии ненавистнического, враждебного отношения к человеку ввиду самого факта его принадлежности к одной из указанных в законе групп, в том числе посредством:

- 1) угрозы совершения экстремистских действий;
- 2) распространения информации, направленной на унижение достоинства человека в связи с его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежностью;
- 3) пропаганды исключительности, превосходства или неполноценности человека.

Необходимо правильно разграничивать высказывания и публикации, в которых выражается лишь негативное, неприязненное мнение ("выражение ненависти"), и пропаганду, возбуждающую ненависть и вражду ("возбуждение ненависти"). Соответствующие положения международных правовых актов и Конституции РФ не могут трактоваться как запрещающие всякие отрицательные выступления по отношению к расам, национальностям, религиям или социальным группам. Не могут признаваться возбуждающими вражду и ненависть такие материалы, в которых имеет место выражение личного неприязненного мнения автора к представителям какой-либо группы лиц без убеждения читателей (зрителей, слушателей) в необходимости враждебного и ненавистнического отношения к представителям этой группы. Критериями разграничения правомерного и неправомерного речевого действия являются его коммуникативная задача (как говорится, что обосновывается) и целевая установка (для чего говорится, для чего обосновывается). Специальный лингвистический анализ спорного текста, осуществляемый в ходе производства экспертного исследования, позволяет выявить указанные характеристики и дать правильную правовую оценку соответствующего высказывания. Этическое, нравственное обоснование ненависти к людям, выделяемым на основании их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, как коммуникативная задача, соединенная с целевой установкой на пропаганду своего ненавистнического отношения, содержит необходимые и достаточные признаки противоправного речевого действия.

В то же время любой человек имеет предоставленное конституцией право публично выражать свою личную неприязнь к представителям той или иной группы людей. Отрицательное оценочное мнение, которое не используется говорящим для формирования у слушателей одобрительного отношения к экстремистским физическим действиям, не содержит угрозу таких действий и не направлено на унижение достоинства человека, находится под юридической защитой, даже если оно, возможно, вызовет у кого-то беспокойство или ответную неприязнь. Сообщение о личном неприязненном отношении к людям, выделяемым на основании их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, рассматривается как выражение такого мнения, которое может быть конфликтогенным. Такие высказывания могут входить в противоречие с отдельными моральными, этическими нормами, не соответствовать религиозным и культурным стереотипам речевого поведения и подвергаться за это общественному порицанию, но признаков экстремистской деятельности при этом не содержать.

Человек вправе выражать необъективное, пристрастное и даже неприязненное отношение к чьим-либо словам и поступкам, но он не может высказываться с той целью, чтобы убедить других людей в необходимости, оправданности, справедливости ненавистнического или враждебного отношения ко всем представителям указанных в законе групп, а равно для поощрения действий, направленных на ущемление прав и свобод объекта неприязни в связи с негативной оценкой его личных качеств. Установленное наличие такой целевой установки доказывает, что смысл полного высказывания состоит в убеждающем воздействии на слушателей. Именно это делает информационный материал противоправным речевым действием. Подобные пропагандистские действия обычно осуществляются от имени конкретного

социально-политического субъекта (партии, общественного объединения) либо от имени нерепрезентативного субъекта (типа "все мы", "каждый из нас" и т.п.).

Распространение фактических сведений, касающихся представителей национальных, расовых, религиозных, социальных групп (представленность в органах власти, уровень преступности и др.) и соответствующих действительности, само по себе не может быть основанием для признания информационного материала содержащим возбуждение ненависти и вражды. Публичный интерес здесь состоит в свободном распространении общественно значимой информации.

1.6.4. Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Пропагандистское речевое действие (пропаганду <18>) следует отличать от публичного распространения информации или выражения мнения, при которых конечной целью распространителя информационных материалов является сам факт информирования или высказывания личной позиции. Одно лишь распространение фактической информации (т.е. констатирующих, информирующих сведений), не содержащее оценивающих ее характеристик, пропагандой не является. Пропаганда направлена на убеждение адресата, воздействие на него с целью изменения его представлений, взглядов, установок. Поэтому не являются пропагандой исключительности, превосходства или неполноценности утверждение о существовании отличающихся друг от друга расовых групп, описание различий в способностях представителей различных рас и национальностей, не содержащее качественной оценки, установления иерархии на основе таких различий.

<18> **Пропаганда** [от лат. propaganda - то, что следует распространить]: **1.** Распространение и углубленное разъяснение каких-либо идей, учения, знаний среди широких масс населения или круга специалистов. **2.** Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия (БТС. С. 1018).

Пропаганда исключительности человека означает распространение информационных материалов, убеждающих в наличии лучших черт, признаков, способностей у представителей одной из указанных в законе групп и обуславливающих их заведомое превосходство над представителями других групп.

Пропаганда превосходства либо неполноценности человека означает целевую направленность высказывания на формирование убеждения в существовании иерархии между представителями указанных в законе групп, т.е. в наличии таких качественных различий между группами, которые, противопоставляя всех представителей сравниваемых групп по признаку "высший-низший", оценивают одну группу людей как лучшую, превосходящую другие своими исключительными качествами, а другие группы людей - как заведомо худшие, неполноценные.

Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его расовой или национальной принадлежности означает целевую направленность высказывания на формирование убеждения в наличии биологически обусловленных способностей, признаков, качественно отличающих одного человека от другого на основании уже самого факта его принадлежности к национальной или расовой группе. Обоснование качественных различий часто используется с целью противопоставления представителей различных рас и национальностей и установления иерархии "качества" рас, наций, народов. Информационные материалы, в которых обосновывается или оправдывается национальное и (или) расовое превосходство, признаются экстремистскими в силу прямого указания закона, даже если в них не формируется одобрительное отношение к экстремистской деятельности.

Пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку религиозной принадлежности означает целевую направленность высказывания на формирование убеждения в существовании особых черт, признаков, способностей у представителей какой-либо религиозной группы по сравнению с представителями другой религиозной группы либо в наличии качественных различий между представителями различных религиозных групп, отличающих их в лучшую

(превосходство) или в худшую (неполноценность) сторону по сравнению с представителями других конфессий. Обоснование таких качественных различий используется как способ противопоставления представителей различных конфессий по иерархическому признаку. Негативные оценки в адрес последователей определенной религии ("безбожники", "заблуждающиеся", "не попадут в рай", "предали Бога") могут быть признаны экстремистскими лишь в тех случаях, когда они предназначены для формирования одобрительного отношения к насильственным физическим действиям либо для обоснования или оправдания необходимости ненавистнического либо враждебного отношения к таким лицам.

Следует отличать понятийно-риторические ситуации, в которых пропагандируется исключительность, превосходство или неполноценность человека, т.е. личных качеств последователя какого-либо вероучения, от ситуаций пропаганды превосходства или ущербности самих религиозных догматов. Высказывания в пользу "правильности", "истинности" одной религии или религиозных убеждений и "неправильности", "ложности" других вероучений (всех или некоторых), без привязки к личности представителей религиозных групп, не могут расцениваться как содержащие признаки экстремизма.

В законе отдельно оговаривается такой признак, как "отношение к религии". По этой причине могут быть признаны экстремистскими материалы, пропагандирующие исключительность, превосходство или неполноценность человека в связи с его атеистическими убеждениями.

Пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку социальной принадлежности означает целевую направленность высказывания на формирование убеждения в существовании особых черт, признаков, способностей у представителей какой-либо социальной группы по сравнению с представителями другой социальной группы либо в наличии качественных различий между представителями различных социальных групп, отличающих их в лучшую (превосходство) или в худшую (неполноценность) сторону по сравнению с представителями других социальных групп.

1.6.5. Призывы к нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии либо обоснование или оправдание необходимости такой деятельности.

В соответствии со **ст. 19** Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Нарушение равенства прав и законных интересов по указанным в законе признакам является дискриминацией, ответственность за которую предусмотрена **ст. 5.62** КоАП РФ и **ст. 136** УК РФ. Специфика ответственности за дискриминацию заключается в том, что равноправие может нарушаться, как правило, лишь посредством воздействия на какие-либо иные охраняемые законом общественные отношения (в сфере безопасности жизни и здоровья, имущественных и трудовых отношений и др.). Такая специфика "равноправия" как объекта правонарушения проявляется в классификации дел, рассматриваемых ЕСПЧ, где в графе "**статья 14**" (запрещение дискриминации) вместо перечисления конкретных дел обычно стоит латинский термин "parsim", что значит "здесь и там", т.е. в делах по другим статьям Конвенции о защите прав человека и основных свобод <19>.

<19> Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М., 2002. С. 214.

С учетом этого нарушение наиболее важных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии по существу криминализировано в тех составах преступлений

против жизни и здоровья, против общественной безопасности и общественного порядка, в которых усилена ответственность за их совершение по мотиву национальной, расовой, религиозной, социальной ненависти или вражды. Основанием для признания соответствующих информационных материалов экстремистскими, как правило, является формирование положительного отношения к совершению конкретных преступлений по мотиву ненависти или вражды (см. об этом ниже), а не к нарушению прав, свобод и законных интересов по указанным в законе признакам вообще.

В то же время информационные материалы могут быть признаны экстремистскими на основании анализируемого признака, когда в них содержится призыв к принятию либо обосновывается необходимость принятия каких-либо заведомо незаконных нормативных актов или административных мер, ограничивающих права и свободы человека по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Например, введение для представителей какой-либо национальной, расовой, религиозной, социальной группы запретов или ограничений на пребывание в определенной местности, занятие какой-либо деятельностью, посещение общественных мест и т.д. Такие действия являются уголовно наказуемыми и ответственность за них предусмотрена [ст. 136 УК РФ](#) (дискриминация, совершенная лицом с использованием служебного положения). Однако для правильной оценки таких требований как правовых или неправовых (в том числе экстремистских) необходимо учитывать два обстоятельства.

Во-первых, не всякое различие, проводимое в законе, является дискриминационным. Такие признаки, как возраст, пол, гражданство, уровень образования, могут быть положены в основу введения ограничений или предпочтений, поскольку необходимость различий здесь обусловлена объективными и необходимыми требованиями (например, введение квот на рабочие места для иностранцев и др.). В судебной практике выработаны критерии дискриминационности и недискриминационности вводимых различий. Конституционный Суд РФ отмечает, что "соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации, означает помимо прочего запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус" <20>.

<20> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 N 378-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. N 6.

Вышеприведенные соображения следует учитывать в особенности при оценке призывов к введению ограничений или предпочтений, предположительно нарушающих права и свободы человека и гражданина в зависимости от его социальной принадлежности. Введение же различий между людьми в зависимости от их национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности, как правило, невозможно подвести под объективные и разумные основания. По делу "Тимишев против России" ЕСПЧ выявил нарушение [ст. 14](#) Европейской конвенции о запрете дискриминации, так как установил, что ограничение права заявителя на свободу передвижения имело дискриминационный характер, поскольку обусловлено его этническим происхождением: ему было отказано во въезде в Кабардино-Балкарию на основании того, что он является чеченцем. Суд отметил, что право на свободу передвижения было ограничено исключительно на основании его этнической принадлежности и такое различие в обращении составило расовую дискриминацию по смыслу [ст. 14](#) Европейской конвенции, которая является в особенности оскорбительным видом дискриминации и в силу своих опасных последствий требует от властей особой бдительности и быстрой реакции <21>.

<21> [Timishev v. Russia](#), N 55762/00 и N 55974/00, [par. 56, 59](#).

Во-вторых, недопустимо усматривать признаки экстремизма при введении ограничений или предпочтений в отношении людей в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, если такие ограничения или предпочтения

вводятся не в публичной (общественной), а в частной сфере. Например, частное предложение о сдаче внаем жилья только для лиц определенной национальности не является дискриминацией. В то же время подобные ограничения, вводимые организациями, оказывающими публичные услуги (например, гостиницами), могут оцениваться как дискриминационные. Однако и в этом случае сам по себе факт опубликования объявлений, содержащих информацию о деятельности, связанной с нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, не является основанием для признания соответствующего материала экстремистским. Такие основания будут иметь место лишь в случаях, если в информационном материале содержатся призывы к дискриминационной деятельности либо обоснование или оправдание необходимости такой деятельности. Так, [Определением](#) Верховного Суда РФ от 1 декабря 2011 г. N 4-Г11-64 было оставлено в силе решение Московского областного суда, удовлетворившего заявление об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидатом в депутаты лица, допустившего следующие высказывания в интервью журналу: "Может, это бред, я раньше этого никогда не делал, а сейчас делаю. Я говорю инвесторам, которые строят квартиры: смотрите на национальность. И если вы начнете продавать квартиры не тем людям, я с вами работать не буду. Есть такое понятие - фейс-контроль, когда инвестор, прежде чем купить квартиру, лично общается с каждым. Фамилия Иванов - хорошо, Загорулько - хорошо, Лукашенко - ладно, Арутюнян - подумайте. Пусть даже у нас будет меньше денег". Верховный Суд РФ согласился с выводами нижестоящего суда о том, что приведенный текст "содержит прямой призыв к инвесторам, строящим жилье в совхозе имени Ленина, под угрозой расторжения с ними гражданско-правовых отношений нарушать конституционные права гражданина и человека исходя из их национальной принадлежности вне зависимости, являются ли эти лица гражданами Российской Федерации или иностранцами. А именно содержится призыв к нарушению прав лиц неславянской национальности на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ), права иметь имущество в собственности (ст. 35 Конституции РФ), права на жилище (ст. 40 Конституции РФ). С этой целью противопоставляются лица со славянскими фамилиями лицу, имеющему неславянскую фамилию, в данном случае армянскую" <22>.

<22> [Определение](#) Верховного Суда РФ от 1 декабря 2011 г. N 4-Г11-64. Заявление об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидатом в депутаты удовлетворено правомерно, так как требование об указании кандидатом в платежном документе сведений о дате рождения, месте жительства и назначении платежа не установлено законом, является правильным вывод суда об отсутствии оснований для отмены регистрации кандидата // СПС "КонсультантПлюс".

1.6.6. Призывы к воспрепятствованию осуществления гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или к нарушению тайны голосования, соединенному с насилием либо угрозой его применения, либо обоснование или оправдание такой деятельности.

Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования являются преступлениями, ответственность за которые предусмотрена ст. 141 УК РФ. При этом обязательным для установления в таких действиях признаков экстремизма является их совершение с применением насилия или с угрозой применения насилия. Поэтому и для установления в информационных материалах признаков экстремистской речевой деятельности недостаточно одного лишь факта побуждения к действиям или оправдания действий, влекущих воздействие на свободное осуществление гражданином своих избирательных прав или нарушение тайны голосования. Например, побуждение к отказу от выдачи бюллетеней избирателям, к вмешательству в заполнение бюллетеня избирателем, к отстранению кандидатов, призывы к подкупу избирателей или обоснование необходимости таких действий не дают оснований для юридической квалификации соответствующей информации как экстремистской по анализируемому признаку ввиду ненасильственного способа перечисленных действий. В то же время, например, призывы не включать граждан определенной национальности в списки избирателей, обоснование недопустимости регистрации кандидата в связи с его вероисповеданием, призывы не голосовать за представителя какой-либо этнической группы или, напротив, поддерживать только кандидатов такой группы хотя и не содержат элемент насилия, тем не менее могут быть расценены как экстремистские, но лишь в той мере, в какой они побуждают к дискриминации или обосновывают ее.

Под насилием здесь понимается любое физическое воздействие на гражданина, преследующее цель воспрепятствования свободному осуществлению им избирательного права или права на участие в референдуме либо направленное на нарушение тайны голосования: ограничение свободы, причинение вреда здоровью либо угроза физического насилия в отношении граждан в связи с их участием в выборах или референдуме; принуждение граждан к голосованию за конкретного кандидата или политическую партию, сопряженное с применением насилия или угрозой его применения; насильственные действия, направленные на нарушение принципа тайного голосования, давление на волеизъявление избирателя, принуждение к раскрытию информации о персональном волеизъявлении избирателя; применение насилия и угроза его применения в целях осуществления контроля за волеизъявлением избирателя и другие подобные действия. Основанием для признания информационных материалов экстремистскими является наличие в них высказываний, содержащих призывы к указанным насильственным действиям либо обоснование или оправдание необходимости таких действий.

1.6.7. Призывы к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо угрозой его применения, либо обоснование или оправдание необходимости такой деятельности.

Деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, как правило, является общественно значимой и представляет публичный интерес, поскольку может затрагивать права и свободы неограниченного круга лиц. Недопустимо усматривать признаки экстремизма в информационных материалах, в которых содержится отрицательное оценочное мнение либо негативная информация о деятельности указанных в законе органов и организаций либо их должностных лиц. Закон содержит запрет лишь на побуждение к действиям либо обоснование или оправдание необходимости действий, препятствующих выполнению ими своих функций.

При установлении в информационных материалах признаков экстремизма необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, запрещается воспрепятствование лишь законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций. При этом следует иметь в виду презумпцию законности актов управления, исходящих от органов государственной власти. До тех пор, пока такой акт не отменен в установленном законом порядке либо его действие не приостановлено в связи с обжалованием, содержащиеся в нем требования необходимо выполнять всем лицам, которым они адресованы. Следовательно, недопустимо усматривать признаки экстремизма в высказываниях и публикациях, призывающих к воспрепятствованию заведомо незаконным действиям соответствующих органов и организаций (например, признанных таковыми судом).

Во-вторых, даже если деятельность соответствующих органов и организаций является законной, то побуждение к воспрепятствованию такой деятельности ненасильственными способами также не содержит признаков экстремизма (например, призывы к неповиновению, к отказу от сотрудничества, к бойкоту товаров и услуг и т.д.). Основания для признания информационных материалов экстремистскими усматриваются в случаях побуждения к ограничению свободы, причинению вреда здоровью либо высказыванию угрозы физического насилия в отношении должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий в связи с реализацией ими своих полномочий; совершению тех же действий в отношении членов общественных и религиозных объединений или иных организаций в связи с их общественной или религиозной деятельностью; совершению взрывов, поджогов и иных действий, препятствующих выполнению указанными органами своих функций и других подобных действий.

1.6.8. Призывы к совершению преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно обоснование или оправдание необходимости совершения таких преступлений.

Мотивы политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды

предполагают стойкую неприязнь и (или) нетерпимое отношение к человеку или группе лиц вследствие несогласия с их убеждениями, политическими взглядами либо по причине их принадлежности, а равно непринадлежности к той или иной политической партии, общественному движению, к какой-либо расе или национальности либо их отношения к религии. При этом ненавистное или враждебное отношение к объекту проявления неприязни определяется не его личными качествами, а самим фактом его принадлежности либо непринадлежности к политической партии, общественному движению, расовой, национальной группе, отношением к религии.

Информационные материалы могут быть признаны экстремистскими, если они направлены на формирование положительного отношения прежде всего к преступлениям против личности, собственности и общественного порядка: к убийству, причинению вреда здоровью, поджогам, актам вандализма в отношении людей или их имущества в связи с принадлежностью (или непринадлежностью) к указанным в законе группам. В этих случаях речь не обязательно должна идти о конкретном преступлении. Признаки экстремизма содержатся и в материалах, в которых обосновывается или оправдывается любая агрессия в отношении представителей национальных, расовых, религиозных или социальных групп. Объективными показателями совершения действий по указанным в законе мотивам ненависти или вражды являются, в частности: выбор потерпевшего по признаку принадлежности к группе, к которой выражается ненавистное отношение; наличие экстремистских по содержанию лозунгов, которые сопровождают совершение преступления (в том числе демонстрирование нацистской атрибутики или символики); наличие информации о принадлежности посягающих к экстремистским группировкам.

1.6.9. Пропаганда и публичное демонстрирование запрещенной законом атрибутики или символики.

Пропагандой часто называют целенаправленное распространение среди широкого круга лиц каких-либо идей, взглядов, представлений или побуждений к каким-либо действиям. Пропаганда - это целевое информационное воздействие, имеющее вид интерпретирующего разъяснения, истолкования каких-либо идей, учений, взглядов, положений, утверждений. В соответствии с таким пониманием термина пропаганда атрибутики <23> и символики <24> означает не пропаганду каких-либо предметов как таковых, а пропаганду убеждения в правильности идей и взглядов, которые этими предметами символизируются.

<23> **Атрибутика**, собир. Необходимые, существенные отличительные признаки, общие для какого-либо ряда предметов, явлений (БТС. С. 51). К разряду нацистской атрибутики относятся, в частности, приветственный жест вытянутой вперед рукой, приветствие "Хайль Гитлер!" и т.п.

<24> **Символика**, собир. Совокупность каких-либо символов (БТС. С. 1185).

Публичное демонстрирование атрибутики или символики (так же как и публичное выражение мнения) является необходимым, но не достаточным признаком пропаганды. Цель пропаганды состоит в целенаправленном информационном воздействии - убеждении адресата информации в правильности, нравственности, справедливости распространяемых идей либо формировании положительного (одобрительного) отношения к моделям поведения, ассоциируемым с соответствующей символикой или атрибутикой. По этому критерию пропаганду каких-либо моделей, способов поведения или пропаганду предметов (в том числе атрибутики и символики) необходимо отличать от их публичного демонстрирования, не содержащего признаков пропаганды. Публичное демонстрирование атрибутики или символики может носить исключительно информационный характер и преследовать цель достоверного отражения фактов действительности (например, демонстрирование нацистской символики в художественных произведениях или в исторических исследованиях). Кроме того, демонстрирование атрибутики или символики может сопровождаться их негативной оценкой и использоваться как отрицательный пример, т.е. служить элементом пропаганды, формирующей позитивное восприятие противоположных идей, явлений, моделей поведения.

Для признания информационного материала экстремистским недостаточно выявления в нем одного лишь факта демонстрирования запрещенной атрибутики или символики. Необходимо установление целевой направленности на пропаганду соответствующих взглядов, идей, т.е. того, ради чего они используются. В частности, демонстрирование нацистской атрибутики или символики в целях пропаганды

национального или расового превосходства, обоснования или оправдания необходимости совершения дискриминации, геноцида или других преступлений, формирования положительного отношения к любому виду экстремистских действий может быть основанием для признания информационного материала экстремистским.

1.6.10. Призывы к массовому распространению заведомо экстремистских материалов, их изготовлению или хранению в целях массового распространения, а равно обоснование или оправдание необходимости совершения таких действий.

Анализируемый вид экстремистских речевых действий обладает определенной спецификой. Во-первых, основанием для признания информационного материала экстремистским является наличие в нем побуждения к деятельности, связанной с производством и распространением других информационных материалов, уже признанных в установленном порядке экстремистскими, а равно оправдания необходимости такой деятельности (т.е. экстремизмом признается распространение идеологии экстремизма). Формулировка закона о том, что распространяемые материалы должны быть "экстремистскими", представляет собой ссылочный признак, для идентификации которого необходимо обращение к регулярно пополняемому Федеральному списку экстремистских материалов <25>.

<25> См. данный Список в соответствующем разделе сайта: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok>.

Во-вторых, в формулировке закона содержится сразу несколько оценочных признаков, в том числе характеризующих субъективные признаки содеянного: "массовость", "заведомость", "в целях распространения". В этой связи содержательный анализ информационного материала позволяет установить лишь наличие: 1) призыва к распространению либо обоснования или оправдания необходимости распространения каких-либо книг, статей, брошюр, листовок, аудио- или видеопроductии; 2) призыва к изготовлению или хранению указанной продукции либо обоснования или оправдания такой деятельности.

Решение вопросов о том, носят ли описанные действия массовый характер, какова их цель, включены ли соответствующие информационные материалы в Федеральный список экстремистских материалов и если да, то известно ли об этом достоверно автору материалов, обязательно предполагает установление не только их содержания, но и обстоятельств их распространения. В этой связи исследование содержания материалов может лишь способствовать решению перечисленных вопросов.

1.6.11. Публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей экстремистских действий, являющихся преступлением.

Информационные материалы могут быть признаны экстремистскими, если в них содержится утверждение о совершении государственным должностным лицом РФ или субъекта РФ в период исполнения своих должностных обязанностей следующих преступлений (в том числе в качестве соучастника):

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- 2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 5) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо с угрозой его применения;

6) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо с угрозой его применения;

7) совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

8) публичные призывы к экстремистской деятельности.

Обязательным условием признания материалов экстремистскими является ложность содержащихся в них обвинений, т.е. несоответствие их реальной действительности. Выражение общей негативной оценки деятельности должностных лиц не содержит признаков экстремизма, поэтому обвинением могут считаться лишь утверждения о фактах или мнения о фактах в виде утверждений, которые можно верифицировать. Установление соответствия действительности (истинности/ложности) фактических сведений не является предметом экспертной оценки и предполагает самостоятельную проверку.

"Заведомость" как признак субъективной стороны означает наличие у лица, изготовившего и распространяющего материалы, знаний о том, что в действительности должностные лица экстремистских преступлений не совершали. В этой связи недопустимо усматривать признаки экстремизма при обращении граждан в органы власти с жалобами на действия должностных лиц, в том числе содержащих сведения о совершенных или совершаемых преступлениях. В соответствии со [ст. 6](#) Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц.

Обращение граждан, организаций с заявлением в органы прокуратуры, в котором они приводят те или иные сведения о совершенных или совершаемых преступлениях, даже если эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, само по себе не может служить основанием для привлечения таких граждан, организаций к ответственности, предусмотренной [Законом](#) о противодействии экстремистской деятельности <26>.

<26> См.: [Определение](#) Верховного Суда РФ от 27 июля 2010 г. N 21-Г10-2. В удовлетворении заявления о ликвидации зарегистрированного общественного объединения отказано, поскольку обращение граждан, организаций с заявлением в органы прокуратуры, в котором они приводят те или иные сведения о совершенных или совершаемых преступлениях, даже если эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, само по себе не может служить основанием для привлечения таких граждан, организаций к ответственности, предусмотренной [Законом](#) о противодействии экстремистской деятельности // СПС "Консультант".

Информационные материалы могут быть признаны экстремистскими только в том случае, если ложное обвинение должностного лица в совершении экстремистских преступлений используется для обоснования или оправдания необходимости совершения "экстремистских физических действий". При отсутствии такой коммуникативной задачи информационные материалы могут содержать признаки клеветы, а при наличии соответствующих оснований - также и клеветы, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления ([ч. 5 ст. 128.1 УК РФ](#)).

1.7. Особенности правовой оценки некоторых видов "экстремистских речевых действий" и "информации, содержащей признаки экстремизма".

1.7.1. Юридическая оценка информационных материалов, в которых речь идет о политиках и политических институтах, должна производиться с учетом того, что в этой сфере границы приемлемой критики существенно шире, чем, например, при обсуждении вопросов, связанных с национальностью, расой, религиозной принадлежностью. По этой причине в [УК РФ](#) политическая и идеологическая ненависть

и вражда <27> криминализированы лишь в той мере, в какой они могут быть мотивами конкретных преступных посягательств. В то же время ответственность за действия, направленные на возбуждение политической и идеологической ненависти или вражды, в [ст. 282 УК РФ](#) и в [Законе](#) о противодействии экстремистской деятельности не предусмотрена.

<27> Идеологическая вражда - это неприязненные отношения, сложившиеся между людьми по причине противоположности духовных ценностей, составляющих основу их мировоззрения.

Недопустимо расширительное толкование признака принадлежности к социальной группе, в результате которого в число защищаемых от публичной критики попадают государственные должностные лица. В связи с использованием в качестве критерия выделения социальной группы признака профессии следует учитывать, что политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаясь стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий <28>. В таких случаях возбуждение социальной вражды может иметь место лишь при призывах к осуществлению либо при обосновании или оправдании необходимости насильственной противоправной деятельности в отношении таких лиц. Любые иные высказывания, содержащие негативную информацию и негативные оценки, не могут быть основанием для признания материалов экстремистскими, даже если в них содержится обобщенная негативная характеристика всех государственных служащих.

<28> См.: [п. 7](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности".

1.7.2. Существенные особенности имеет юридическая оценка информационных материалов, представляющих собой художественные произведения. В соответствии с [ч. 1 ст. 44](#) Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Вместе с тем такие произведения могут быть направлены на возбуждение ненависти и вражды, прославлять террористические акты, насилие, дискриминацию и пр. Однако поскольку в указанных материалах воплощается определенный авторский замысел, то для правильного определения их идейно-смысловой направленности необходимо учитывать жанровую и тематическую специфику произведения, авторское отношение к его персонажам, к их словам и поступкам. Различение позиции авторов произведений и мировоззрения персонажей как идеологических объектов художественного воплощения является надежной предпосылкой обоснованности и достоверности выводов о наличии или отсутствии в них признаков экстремизма.

ЕСПЧ в своей практике учитывает ограниченность влияния мнений, выраженных в художественной форме. Рассмотрев в ходе разбирательства одного из дел стихотворные произведения, суд заявил: "То, что они художественны по своей природе и оказывают ограниченное влияние, позволяет видеть в них, пусть даже в условиях сложной политической ситуации, не столько призыв к восстанию, сколько выражение глубоких душевных переживаний" <29>.

<29> Решение по делу Караташ (Karatas) против Турции от 8 июля 1999 г., [п. 52](#) ЕСПЧ (Большая Палата).

1.7.3. В своих постановлениях ЕСПЧ указывает, что при решении вопроса об ограничении права на свободу слова и свободу выражения мнения судам следует учитывать тот факт, что мнение высказывается в ходе живой дискуссии или публичных дебатов по общественно значимым вопросам. В деле Гюндюз против Турции (Gunduz - Turkey) (жалоба N 35071/97) Суд указал, что "хотя заявитель и использовал уничижительное и оскорбительное выражение "pis", он сделал это в ходе телевизионной передачи в прямом эфире, то есть у него не было возможности переиначить высказанное, облагородить фразу или

опустить ее до того, как употребленное им выражение станет достоянием публики. Тому факту, что мнение заявителя было высказано в ходе живой публично транслировавшейся дискуссии, судам Турции следовало при вынесении приговора придать больший вес, чем это было ими сделано". В деле Агенауэр (Hagenauer) против Франции (жалоба N 34050/05) суд также указал, что "лицо, которое участвует в публичных дебатах, представляющих всеобщий интерес, должно иметь возможность прибегать в определенных рамках к преувеличению и даже провокации".

1.7.4. Информация с признаками экстремизма может содержаться в материалах, представляющих собой результаты научных исследований. Связано это с тем, что проблемы межэтнических и межрелигиозных конфликтов анализируются в истории, философии, этнографии, конфликтологии; причины терроризма могут изучаться криминологами, психологами, социологами; вопросы происхождения рас человека - антропологами, генетиками и т.д. Поскольку в таких публикациях обычно приводятся фактические данные о тех или иных расовых, национальных, религиозных группах, то здесь действует общее правило: в случае соответствия фактических сведений реальной действительности приоритет должен отдаваться свободе распространения информации. В частности, речь может идти о дословном цитировании каких-либо документов, высказываний респондентов в целях достоверного фактографического описания действительности.

Специфика научной работы заключается в том, что исследователи ведут поиск истины именно в тех вопросах, по которым отсутствуют общепринятые решения. По этой причине приоритет свободе научного творчества должен отдаваться и тогда, когда те или иные факты, а также высказываемые по поводу этих фактов мнения и оценки являются дискуссионными, т.е. согласуются или противоречат тому или иному теоретическому подходу, представляют собой одну из точек зрения по определенному вопросу, пусть даже не самую распространенную. Методы и результаты научных исследований должны подлежать критическому анализу и оценке, порой весьма жесткой, но в рамках научной дискуссии. Негативная оценка результатов научного исследования не может служить причиной привлечения автора к юридической ответственности. Основанием для правильного решения вопроса о наличии или отсутствии признаков экстремизма является выявление целевой направленности публикации. Как отмечает Верховный Суд РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по указанным в законе признакам, не может рассматриваться как направленное на возбуждение вражды и ненависти. Целевая направленность должна определяться исходя из выводов, делаемых автором исследования: если на основании изложенных фактов и предлагаемых автором оценок этих фактов делается вывод об оправданности распространения вражды и применения насилия <30>, то соответствующие материалы должны быть исследованы на наличие признаков экстремистской пропаганды и агитации. В случае выявления пропаганды национального и расового превосходства, наличие которой, в силу прямого указания закона, уже достаточно для квалификации информации как содержащей признаки экстремизма, наличие признаков формирования положительного отношения к экстремистской деятельности доказывать не требуется.

<30> Строго говоря, такие материалы вряд ли можно назвать "научными исследованиями".

В то же время отстаивание какой-либо спорной точки зрения само по себе, без призывов, обоснования или оправдания необходимости осуществления экстремистской деятельности является допустимым (например, подкрепленный фактами тезис, отрицающий геноцид какой-либо этнической группы или возлагающий вину за развязывание национального, религиозного конфликта исключительно на одну из сторон).

1.7.5. Информация с признаками экстремистской речевой деятельности может содержаться в исторических источниках - канонических религиозных текстах, философских трудах, публицистике, политических сочинениях, периодике, архивных документах политических партий и общественных организаций и т.д. Если сведения из таких источников приводятся полностью без искажений либо используются в информационных материалах с объяснением социально-исторических условий, повлиявших на выработку мировоззренческих и нравственных установок, соответствующих

морально-этическим нормам своего времени, то подобные материалы не могут быть признаны экстремистскими. Исключение составляют лишь труды руководителей Национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, которые в силу прямого указания **Закона** отнесены к экстремистским материалам.

Вместе с тем если исторические документы используются в пропагандистских или агитационных целях для актуализации мировоззренческих установок прошлого, для обоснования или оправдания необходимости совершения экстремистских действий, вставляются в контекст описания современных условий для идеологического обоснования негативных оценок представителей каких-либо социальных, национальных, религиозных групп или используются как руководство к экстремистским действиям, то информационные материалы, в которых исторические сведения были использованы подобным образом, могут быть признаны экстремистскими.

1.7.6. Агитационные предвыборные материалы, т.е. печатные, аудиовизуальные и иные материалы, содержащие признаки предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума и предназначенные для массового распространения, обнародования, могут оцениваться на предмет наличия информации, содержащей признаки экстремизма <31>.

<31> Для целей настоящей методики понятие "агитационные предвыборные материалы" используется в широком смысле и включает любые материалы, содержательно соотносящиеся с выборной тематикой, распространяемые как в период избирательной кампании, кампании референдума, так и вне такого периода.

Информационные материалы, которые содержат призывы голосовать или не голосовать за кандидата в зависимости от его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности ("идешь на выборы - голосуй только за русского/мусульманина/петербуржца/рабочего..."), не могут быть признаны экстремистскими исключительно на этом основании. Сами по себе такие призывы не содержат признаков экстремизма. В соответствии с **ч. 1 ст. 56** Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" предвыборные программы кандидатов, иные агитационные материалы, выступления на публичных мероприятиях, в средствах массовой информации не должны содержать призывов к совершению деяний, определяемых как экстремистская деятельность, либо иным способом побуждать к таким деяниям, а также обосновывать или оправдывать экстремизм. Запрещается агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижающая национальное достоинство, пропагандирующая исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также агитация, при проведении которой осуществляются пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени их смешения.

Агитационные материалы могут быть признаны экстремистскими лишь в тех случаях, когда призывы голосовать или не голосовать за кандидата в зависимости от его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности сопровождаются унижительными (оскорбительными) характеристиками всей группы лиц, к которой принадлежит кандидат, пропагандой превосходства или неполноценности людей по указанным признакам, а также если в материалах голосование за соответствующего кандидата обосновывается или оправдывается необходимостью осуществления экстремистской деятельности.

В то же время поправка в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии запрещены в соответствии с **п. 3 ст. 9** Федерального закона "О политических партиях". Как указал Конституционный Суд РФ, "на современном этапе российское общество, в том числе политические партии и религиозные объединения, еще не приобрели прочный опыт демократического существования. В этих условиях партии, созданные по национальному или религиозному признаку, неизбежно ориентировались бы на преимущественное отстаивание прав соответствующих национальных (этнических) или религиозных групп. Конкуренция партий, образованных по национальному или религиозному признаку, которая особенно остро проявляется в предвыборной борьбе за голоса

избирателей, способна привести вместо консолидации общества к расслоению многонационального народа России, противопоставлению этнических и религиозных ценностей, возвеличению одних и принижению других и в конечном счете - к приданию доминирующего значения не общенациональным ценностям, а какой-либо этнической идеологии или религии" <32>.

<32> **Постановление** Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. N 18-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона "О политических партиях" в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации "Православная партия России" и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина" // СПС "КонсультантПлюс".

1.8. Отграничение "экстремистских речевых действий" и "информации, содержащей признаки экстремизма" от иных видов злоупотребления свободой информации.

1.8.1. В соответствии с **ч. 2 ст. 14** Федерального закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" основаниями для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются следующие действия, в том числе связанные с распространением информации:

- 1) действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности;
- 2) принуждение к разрушению семьи;
- 3) нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе с использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- 4) склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- 5) воспрепятствование получению обязательного образования;
- 6) принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- 7) воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- 8) побуждение граждан к отказу от исполнения установленных Законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

Наличие в информационном материале призывов, обоснования или оправдания необходимости деятельности, указанной в **п. 2 - 8** (например, призывы к отказу от медицинской помощи, к отказу от исполнения гражданских обязанностей), не дает оснований для признания такого материала экстремистским. Однако распространение материалов соответствующего содержания религиозными организациями свидетельствует о нарушении ими законодательства о свободе совести и религиозных объединений и может повлечь запрет их деятельности.

1.8.2. Специфика правовой оценки информационных материалов, относящихся к сфере религиозной жизни, состоит в том, что закрепление за человеком права не только исповедовать любую религию индивидуально или совместно с другими, но и распространять свои убеждения (по выражению ЕСПЧ, "нести свидетельство словом и делом") предполагает возможность взаимной критики со стороны приверженцев различных вероучений. При этом, как отмечает ЕСПЧ в Постановлении по делу "Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации", "обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности не позволяет ему оценивать легитимность

религиозных убеждений или способов их выражения... в соответствии с Европейской конвенцией государство не наделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения" <33>.

<33> **Постановление** ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. по делу Свидетели Иеговы в г. Москве и другие (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации (жалоба N 302/02). По этому делу обжалуется нарушение права на свободу вероисповедания, выражения своего мнения и объединения: были нарушены требования **ст. 9, 11, 14, п. 1 ст. 6** Конвенции о защите прав человека и основных свобод // СПС "КонсультантПлюс".

В то же время информационные материалы, в которых речь идет не о религиозных верованиях, а о пропаганде исключительности, превосходства или неполноценности человека, т.е. последователя какого-либо вероучения или атеиста, с целью обоснования или оправдания необходимости осуществления экстремистской деятельности, могут быть признаны экстремистскими. Производство и распространение информационных материалов, в которых негативно оцениваются вероучения, религиозные обряды, символы, но не формируется положительное отношение к экстремистской деятельности, могут быть неправомерными только при наличии оскорбительной формы (называемые в религиозной среде богохульством, кощунством, святотатством). Указанные действия, хотя и не относятся к экстремистской деятельности, образуют состав административного правонарушения - осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение (**ч. 2 ст. 5.26** КоАП РФ) либо уголовного преступления - публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (**ч. 1 ст. 148** УК РФ).

Установление факта "оскорбления религиозных чувств верующих" представляет собой весьма сложную задачу, которая может решаться только с учетом национальной специфики и применительно к конкретному случаю <34>. В **решении** по делу Институт Отто-Премингер против Австрии (1994) ЕСПЧ сформулировал общий принцип: "Невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени такого вмешательства. Однако это усмотрение не беспредельно. Ему сопутствует контроль на основании **Конвенции**, границы которого изменчивы в зависимости от обстоятельств" <35>. В деле Уингроу против Соединенного Королевства (1996) ЕСПЧ пришел к следующему выводу: "Бесспорно, что **ст. 10, п. 2**, почти не дает возможностей для ограничения свободы слова в сфере политических дискуссий или обсуждения вопросов, имеющих общественный интерес. Значительно более широкая возможность усмотрения обычно предоставляется Договаривающимся Государствам при регулировании свободы слова, когда затрагивается личная сфера, а равно сфера морали и особенно религии. В сфере морали и, возможно, еще даже в большей степени в сфере религиозных убеждений не существует общеевропейской концепции требований, призванных обеспечить "защиту прав других лиц" в случае нападков на их религиозные убеждения. То, что может всерьез оскорбить людей определенных религиозных представлений, существенно меняется в зависимости от места и времени, особенно в эпоху, характеризующуюся постоянно растущим числом религий и вероисповеданий. Благодаря прямым и непрерывным контактам с общественной жизнью своих стран государственные власти в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, в определении требований, необходимых для защиты глубинных чувств и убеждений от оскорбительных высказываний" <36>.

<34> В качестве примеров можно привести несколько резонансных дел: скандал с датскими карикатурами на пророка Мухаммеда, скандалы с публичным сжиганием копий Корана, акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя, фильм "Innocence of Muslims" ("Невиновность мусульман") и др.

<35> **Постановление** Европейского суда по правам человека от 20 сентября 1994 г. по делу Институт Отто Премингер (Otto Preminger Institut) против Австрии // СПС "КонсультантПлюс".

<36> **Постановление** Европейского суда по правам человека от 25 ноября 1996 г. по делу Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства // СПС "КонсультантПлюс".

1.8.3. В соответствии со **ст. 4** Закона РФ "О средствах массовой информации" не допускается использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Экстремистскими материалы могут быть признаны лишь в том случае, если в них формируется положительное отношение к насильственным действиям против людей по признаку расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности. Распространение информационных материалов, в которых формируется положительное отношение вообще к насильственным и жестоким действиям, может быть расценено как нарушение **Закона** о СМИ.

Публичное распространение информации о способах, методах изготовления и использования, о местах приобретения оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств само по себе не дает оснований для запрета ее оборота. Если такая информация является элементом пропаганды насильственных действий, то ее распространение квалифицируется как нарушение **Закона** о СМИ. Распространение указанных сведений может быть основанием для признания информационных материалов экстремистскими лишь в той мере, в какой оно сопровождается формированием положительного отношения к экстремистским действиям (например, информационное содействие в планировании, подготовке или реализации террористического акта).

1.8.4. В соответствии с законом реклама - это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке (**ст. 3** Закона о рекламе). Не допускается использование в рекламе бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина. Критерием разграничения между фактом нарушения законодательства о рекламе и распространением информации, содержащей признаки экстремизма, является целевая направленность материалов. Основанием для признания материала экстремистским является направленность его содержания на формирование положительного отношения к экстремистским действиям, а не на привлечение внимания к объекту рекламирования.

1.9. Особенности правовой оценки информационных материалов при привлечении к уголовной ответственности.

1.9.1. Уголовная ответственность за экстремистские речевые действия. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного **УК** РФ. Эти признаки делятся на две группы: объективные и субъективные. Поэтому в отличие от процедуры признания материалов экстремистскими для положительного решения вопроса о наличии в действиях конкретного лица состава преступления - экстремистского речевого действия - анализ содержания распространяемой информации является необходимым, но не достаточным условием. Наряду с выявлением объективных признаков запрещенного деяния требуется установление умысла, а в некоторых случаях также целей содеянного (например, при квалификации по **ст. 282** УК РФ). Экспертная оценка информационного материала не дает готовых ответов на вопросы о вине и целях автора или распространителя информации, но указывает на объективные характеристики текста, позволяющие, в совокупности с другими доказательствами, правильно установить указанные субъективные признаки.

В **УК** РФ криминализованы не все экстремистские речевые действия, предусмотренные **ст. 1** Закона о противодействии экстремистской деятельности. В частности, пропаганда нацистской атрибутики или символики, массовое распространение экстремистских материалов влекут лишь административную ответственность. Только при определенных условиях (направленность на возбуждение ненависти или

вражды) такие действия могут расцениваться как уголовно наказуемые.

Объективные признаки составов преступлений - преступных экстремистских речевых действий - совпадают по содержанию с признаками, рассмотренными применительно к соответствующей информации, содержащей признаки экстремизма. Вместе с тем при квалификации преступлений необходимо учитывать некоторые особенности.

В [ст. 280](#) УК РФ содержится общая норма о запрете публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. При квалификации преступления по этой статье следует учитывать два обстоятельства:

1) диспозиция уголовно-правовой нормы носит бланкетный характер, вследствие чего круг конкретных действий, призывы к которым являются преступными, расширяется до перечня, содержащегося в [ст. 1](#) Закона о противодействии экстремистской деятельности. Буквальное толкование уголовного закона позволяет квалифицировать в качестве преступления также и призывы к совершению административных правонарушений;

2) статьей предусмотрена ответственность лишь за призывы к экстремистским действиям, но не за обоснование или оправдание необходимости их осуществления (см. [п. 5](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г.). Однако обоснование или оправдание необходимости осуществления наиболее опасных форм экстремистских действий предусмотрено другими статьями УК РФ (в частности, [ст. 205](#) - оправдание террористических действий, [ст. 282](#) - обоснование или оправдание необходимости насильственных действий в отношении человека в связи с его национальной, расовой, религиозной принадлежностью).

В [ст. 282](#) УК РФ предусмотрена ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношению к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации. Уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение политической и идеологической ненависти или вражды, в [ст. 282](#) УК РФ не предусмотрена.

[Закон](#) о противодействии экстремистской деятельности предусматривает аналогичное экстремистское речевое действие - "возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни". Однако уголовно-правовая норма имеет ряд особенностей.

1) Формулировка "действия, направленные на...", не используемая в названном Федеральном [законе](#), указывает на то, что обязательным элементом субъективной стороны преступления является специальная цель - возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по указанным в данном Законе признакам. Обстоятельствами, свидетельствующими о такой цели, могут быть как объективные характеристики распространяемой информации (наличие в ней призывов к насилию, обоснования насилия; использование ложных сведений, негативно характеризующих представителей указанных в Законе групп), так и иные признаки (время и место, регион распространения информационных материалов <37>; личность автора или распространителя).

<37> Для установления факта злоупотребления свободой массовой информации следует учитывать общественно-политическую обстановку в стране в целом или в отдельной ее части в зависимости от региона распространения данного СМИ (см. [п. 28](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. N 16 "О практике применения судами Закона РФ "О средствах массовой информации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 8).

2) УК РФ прямо предусматривает ответственность за действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц по указанным в законе признакам. Такие действия для их квалификации по [ст. 282](#) должны быть совершены публично или с использованием СМИ и являются одним из способов возбуждения ненависти или вражды. Унижение достоинства человека или группы лиц в контексте [ст. 282](#) УК РФ означает распространение информации, содержащей уничижительные

(презрительные, оскорбительные) характеристики представителей национальной, расовой, религиозной, социальной группы, а также распространение негативных оценочных высказываний (о психологических и поведенческих особенностях, об интеллектуальном уровне), направленных на пропаганду враждебного, неприязненного или презрительного отношения, а равно отрицающих социальную, культурно-историческую значимость группы людей, выделяемой по указанным в законе признакам. Действиями, направленными на унижение достоинства, могут являться высказывания, обосновывающие необходимость дискриминации, ущемления правового статуса указанных в законе групп (ограничение избирательных прав, доступа к образованию, социальным услугам), а также утверждающие биологическую неполноценность их представителей.

1.9.2. Отграничение преступных "экстремистских речевых действий" от иных видов преступной деятельности, связанных с распространением информации. По объективным признакам преступные экстремистские речевые действия, имеющие форму "публичных призывов" (ст. 205.2, 280, 282 УК РФ), могут иметь сходство с соучастием в форме подстрекательства к преступлениям, перечисленным в ст. 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности". Так, призывы к насильственным действиям по мотиву национальной ненависти могут являться подстрекательством к преступлениям против личности, и в этом случае содеянное квалифицируется не как преступные экстремистские речевые действия, а как соучастие в конкретном преступлении (например, ч. 4 ст. 33, п. "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ). Разграничение между публичными призывами как самостоятельным преступлением и подстрекательством как формой соучастия производится по следующим критериям:

1) в соответствии с положениями УК РФ подстрекателем признается лицо, "склонившее" другое лицо к совершению преступления. Для этого необходимо, чтобы подстрекаемый совершил задуманное преступление (неудавшееся подстрекательство к тяжкому или особо тяжкому преступлению может наказываться лишь как приготовление к нему). Для наступления же ответственности по ст. 205.2, 280, 282 УК РФ не имеет значения, последовали ли какие-нибудь действия со стороны тех, к кому были обращены призывы или у кого возбуждалось чувство ненависти и вражды, - достаточно самого факта распространения информации, призывающей к экстремистским (в том числе террористическим) действиям или способной спровоцировать враждебные отношения;

2) подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к деянию, запрещенному уголовным законом. Между тем буквальное толкование ст. 280 УК РФ позволяет квалифицировать в качестве преступных в том числе и призывы к совершению административных правонарушений. Диспозиция ст. 282 УК РФ также предполагает призывы к любым противоправным действиям, которые направлены на возбуждение ненависти или вражды (например, к дискриминации);

3) подстрекательство возможно только в отношении индивидуально-определенного лица, обязательным же признаком объективной стороны составов "публичных призывов" является их совершение публично или с использованием средств массовой информации, что предполагает направленность умысла виновного на провоцирование запрещенных экстремистских (в том числе террористических) действий, межнациональной, межрелигиозной и другой напряженности среди неограниченного круга лиц.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы образует самостоятельный состав преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

В ч. 1 ст. 239 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Ответственность за создание некоммерческой организации, деятельность которой сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, установлена ч. 2 этой же статьи. Пропаганда деятельности указанных организаций квалифицируется по ч. 3 ст. 239 УК РФ.

Таким образом, в данной статье криминализована пропаганда такой деятельности некоммерческой организации, которая связана:

- 1) с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью;

- 2) с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей;
- 3) с побуждением граждан к совершению иных противоправных деяний.

В этой связи пропаганда деятельности религиозного или общественного объединения, связанной с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению каких-либо противоправных деяний, хотя и не относится к экстремистской деятельности и не образует состава преступления, предусмотренного [ст. 280](#) УК РФ, в то же время может быть квалифицирована по [ч. 2 ст. 239](#) УК РФ.

В [ст. 280](#) УК РФ предусмотрена ответственность лишь за призывы к тем противоправным действиям, которые перечислены в [ст. 1](#) Закона о противодействии экстремистской деятельности. В то же время публичная подстрекательская деятельность, связанная с призывами к другим формам насильственной противоправной деятельности, предусмотрена иными статьями уголовного закона, в частности:

- 1) [ч. 3 ст. 212](#) УК РФ - в общей форме ответственность за призывы к насилию над гражданами;
- 2) [ч. 3 ст. 239](#) УК РФ - ответственность за пропаганду деятельности религиозного или общественного объединения, сопряженной с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к совершению иных противоправных деяний;
- 3) [ст. 354](#) УК РФ - ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

I.10. Процессуальные основы применения специальных познаний.

I.10.1. Категории дел, требующих проведения экспертизы информационных материалов.

Использование специальных знаний для целей правоприменительной деятельности компетентных органов по расследованию преступлений, судебному разбирательству уголовных, гражданских или административных дел осуществляется в форме судебной экспертизы либо исследования специалистов. Судебная экспертиза информационных материалов на наличие признаков экстремистской речевой деятельности может проводиться в рамках гражданского и уголовного судопроизводства. Согласно позиции Высшего Арбитражного Суда РФ предупреждения, выносимые в адрес редакций средств массовой информации в связи с нарушением ими законодательства о противодействии экстремистской деятельности, направлены на пресечение и недопущение экстремистской деятельности (т.е. таких действий, которые не относятся к категориям правонарушений в области предпринимательской или иной экономической деятельности). По этой причине предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через СМИ и осуществления ими экстремистской деятельности обжалуется в порядке гражданского судопроизводства (т.е. в судах общей юрисдикции) <38>.

<38> См.: [Определение](#) ВАС РФ от 17 июля 2009 г. N 7029/09 по делу N А40-55996/08-72-529. Дело о признании незаконным предупреждения административного органа о недопустимости действий по распространению материалов, содержащих признаки экстремизма, передано для пересмотра в порядке надзора, так как согласно [Закону](#) о СМИ и [Закону](#) о противодействии экстремистской деятельности предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через СМИ и осуществления экстремистской деятельности обжалуется в порядке гражданского судопроизводства (в суды общей юрисдикции).

[Статья 79](#) ГПК РФ гласит, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам. В порядке гражданского судопроизводства рассматриваются следующие дела, предполагающие возможность проведения исследований информационных материалов на наличие признаков экстремизма:

- 1) заявления о признании информационных материалов экстремистскими;

2) заявления о признании общественных или религиозных объединений, иных организаций либо их региональных или других структурных подразделений экстремистскими организациями, о ликвидации и запрете их деятельности;

3) заявления о прекращении деятельности средств массовой информации в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

4) заявления об оспаривании предупреждений контролирующих органов в адрес СМИ в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности;

5) заявления об оспаривании решений органов государственной власти в связи с нарушениями избирательного законодательства в части запрещения экстремистской деятельности;

6) иски об ограничении доступа к интернет-сайтам в связи с размещением на них материалов, входящих в Федеральный список экстремистских материалов.

При осуществлении производства по уголовным делам экспертизы проводятся как в стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства. Потребность в проведении специального исследования информационных материалов, как правило, возникает при расследовании и судебном рассмотрении следующих преступлений:

1) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ);

2) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);

3) возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

При расследовании преступлений против личности, против общественной безопасности и общественного порядка, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, также может возникнуть необходимость в проведении судебной экспертизы. Связано это с тем, что лица, привлекаемые к ответственности за такие преступления, могут быть причастны к деятельности экстремистских сообществ и организаций, каких-либо молодежных националистических группировок, иных радикально настроенных групп. Обнаруженные и изъятые в рамках расследования уголовного дела информационные материалы могут быть направлены экспертам для проведения исследования. Заключение эксперта о наличии в таких материалах признаков экстремизма является дополнительным свидетельством приверженности обвиняемого к экстремистской идеологии и служит одним из доказательств экстремистского мотива преступления.

В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства производство судебной экспертизы возможно как на стадии доследственной проверки в целях установления наличия оснований для возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения. УПК РФ не относит экспертизу информационных материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму, к числу тех экспертиз, назначение и производство которых обязательно для органов предварительного расследования (ст. 196 УПК РФ). Между тем анализ следственной и судебной практики показывает, что при оценке содержания материалов в абсолютном большинстве дел этой категории использовались специальные познания.

Кроме правоохранителей инициатором проведения исследования может быть сторона защиты в уголовном процессе, а при рассмотрении гражданского дела - ответчики и иные заинтересованные лица. Реализуя свое право на контрэкспертизу, сторона защиты вправе представить в суд заключение специалиста по результатам исследования, проведенного в целях оспаривания доводов стороны обвинения либо решений контролирующих органов. При этом в случаях, когда в деле имеется несколько заключений экспертов, содержащих различные выводы по одним и тем же вопросам, суду следует дать в приговоре оценку каждому из них в совокупности с другими доказательствами по делу и привести мотивы, по которым он согласился с одним из заключений и отверг другие <39>.

<39> См.: [п. 6](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. N 1 "О судебном приговоре" // СПС "КонсультантПлюс".

Наряду с экспертизами и исследованиями, назначаемыми в рамках производства по гражданскому или уголовному делу, в ряде случаев исследования могут проводиться в целях реализации контролирующих полномочий некоторых органов государственной власти, которые вправе привлекать специалистов для дачи заключения. В частности, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) наделена полномочиями по вынесению предупреждений в адрес СМИ о недопустимости действий по распространению материалов, содержащих признаки экстремизма. Таможенные органы, осуществляя контроль за перемещением товаров через таможенную границу, наделены правом принятия решения о запрете ввоза на территорию Таможенного союза некоторых видов товаров, в том числе печатных и аудиовизуальных материалов, содержащих призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, а также материалов, направленных на пропаганду нацистской атрибутики или символики либо атрибутики до степени смешения <40>.

<40> См.: [разд. 1.3](#) Единого перечня товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами - членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, и Положение о применении ограничений (утв. решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. N 19, решением Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. N 132) // СПС "КонсультантПлюс".

1.10.2. Виды специальных знаний, необходимых для оценки информационных материалов.

Юридическая квалификация речевых действий как противоправных должна основываться на оценке содержания спорных материалов. Анализ речевой деятельности и установление содержания текста являются традиционными задачами лингвистического исследования. [Перечень](#) родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ <41>, относит к компетенции лингвистической экспертизы исследование продуктов речевой деятельности. В соответствии с [Перечнем](#) родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ <42>, исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов о его смысловом содержании также относится к компетенции лингвистической экспертизы.

<41> Утвержден [Приказом](#) Минюста России от 14 мая 2003 г. N 114 (в ред. от 12 марта 2007 г.) "Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации" (зарегистрирован в Минюсте России 27 мая 2003 г. N 4596) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003 г. N 24.

<42> Утвержден [Приказом](#) Минюста России от 27 декабря 2012 г. N 237 "Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России" (зарегистрирован в Минюсте России 29 января 2013 г. N 26742) // Российская газета. N 24. 06.02.2013.

Продукты речевой деятельности, являющиеся объектом экспертизы, оцениваются с точки зрения наличия в них признаков запрещенной законом пропагандистской или агитационной речевой деятельности. Ключевым для юридической оценки является установление идейно-смысловой направленности

исследуемых высказываний. Поскольку единственным источником доказательства целевой направленности (или целевой установки) текста служит его содержание, постольку исследование информационных материалов относится к компетенции лингвистов, владеющих методами анализа риторических приемов убеждающего воздействия. Целевая направленность речевых действий определяется исключительно понятийно-семантической выраженностью коммуникативного воздействия на мнение слушателей, т.е. наличием целевой установки текста на формирование в сознании слушателей определенного мыслительного результата. Ключевая проблема, которую обязан доказательно и объективно решить эксперт, заключается в определении меры (полноты) реализации в тексте такого морально-нравственного воздействия на слушателя, которое носит противоправный экстремистский характер.

В связи со спецификой решаемых экспертных задач специалист обязан владеть теми методами лингвистического анализа, которые позволяют научно обосновать исследовательские выводы о коммуникативно-риторической структуре текста и определить коммуникативные задачи и целевую направленность высказываний по структуре и содержанию использованной в тексте аргументации.

Поскольку распространение соответствующих действительности фактических сведений (например, таких, которые негативно характеризуют представителей национальных, расовых, религиозных и иных социальных групп) само по себе не может быть противоправным, то для решения вопроса об истинности или ложности содержащихся в материале фактов к исследованию могут привлекаться также и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы <43>. При этом должно строго соблюдаться требование закона о необходимости проведения исследования каждым экспертом лишь в пределах соответствующей специальности (ст. 8 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации").

<43> См.: п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности".

1.10.3. Разграничение компетенции правоприменителя и эксперта. В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. N 11 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" <44> недопустима постановка перед экспертом (экспертами) вопросов правового характера, разрешение которых относится к компетенции суда. Аналогичное требование изложено в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. N 28 "О судебной экспертизе по уголовным делам" <45>: постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, не допускается. Данное разъяснение применительно к анализируемой категории дел конкретизируется в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности": "При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды".

<44> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 9.

<45> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 2.

Назначение и производство исследований информационных материалов не является обязательным для всех случаев совершения экстремистских речевых действий. В [Приказе](#) Следственного комитета РФ специально отмечается, что при установлении в ходе процессуальной проверки очевидных признаков преступления органы следствия должны принимать решение о возбуждении уголовного дела с последующим получением заключения эксперта <46>. В частности, наличие в высказываниях очевидных

призывов к агрессивным, жестоким, насильственным действиям против представителей национальных, расовых, религиозных групп может быть установлено следователем самостоятельно без привлечения специалистов.

<46> **Приказ** Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. N 109 "О мерах по противодействию экстремистской деятельности" // СПС "КонсультантПлюс".

При назначении и производстве экспертиз и исследований по делам об экстремизме следует учитывать объективные ограничения сферы использования специальных знаний:

1) недопустимость переложения задачи юридической квалификации содержания спорного материала от правоприменительного органа на эксперта диктует необходимость тщательного сопоставительного анализа юридически значимых признаков экстремистских речевых действий и языковых форм их выражения. При этом в ряде случаев только правоприменитель, обладающий знаниями положений законодательства, может и должен квалифицировать действия, о которых идет речь в спорном тексте, как противоправные. В частности, юридические, а не лингвистические или какие бы то ни было иные специальные знания необходимы для того, чтобы решить вопрос об отнесении описываемых в информационном материале действий к насильственному изменению конституционного строя, террористическому акту, воспрепятствованию осуществлению гражданами их избирательных прав, воспрепятствованию законной деятельности государственных органов. В таких случаях привлечение специалиста может потребоваться лишь для выявления реализованных в тексте коммуникативных признаков убеждающего воздействия, например, в форме призывов к осуществлению либо в форме обоснования или оправдания необходимости осуществления каких-либо действий. Если такие признаки в анализируемом материале обнаружены, то эксперты могут пояснить, о каких именно действиях идет речь в тексте, но без их юридической квалификации;

2) законодательные нормы трактуют понятие направленности экстремистских речевых действий как ту часть содержания текста, которая возбуждает рознь, вражду, побуждает к совершению противоправных действий, создает информационные условия для острого социального, этнического или религиозного конфликта <47>. При этом фактического наступления таких последствий (например, конфессиональная рознь, национальная вражда, акты насилия и т.п.) может и не быть. Закон не ставит возможность привлечения к ответственности за экстремистские действия и возможность признания материалов экстремистскими в зависимости от наступления каких-либо последствий. Наказуемо само речевое действие, направленное на провокацию социальной розни, вражды, ненависти. Поэтому и задача эксперта состоит в том, чтобы правильно охарактеризовать содержательную сторону текста, а не потенциальную силу воздействия текста на социальные группы людей, выделяемые по этническому, конфессиональному и тому подобным признакам. Оценка реального воздействия информации на аудиторию лишь посредством анализа его содержания всегда носит предположительный, вероятностный характер, так как один и тот же текст может по-разному восприниматься различными категориями читателей.

<47> В зависимости от мотивации конфликта конфликтологи выделяют три основные причины социальных конфликтов: 1) распределение властных полномочий; 2) распределение материальных ресурсов; 3) различие морально-нравственных ценностей и важнейших жизненных установок (целей).

В то же время общая оценка ситуации распространения информационных материалов (что распространял? кто распространял? кому распространял? где распространял? каким образом распространял?) является прерогативой компетентных органов. Такая оценка, формирующая представление о характере и степени общественной опасности конкретного деяния, личности обвиняемого, входит в обязанность правоприменительных органов, поскольку влияет на определение вины и меры ответственности. Именно поэтому указанные вопросы должны решаться на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства, в ходе которых имеется возможность получения показаний участников события правонарушения, исследования вещественных доказательств, иных документов.

Экспертное исследование содержания распространяемых материалов, являясь одним из источников

доказательственной информации, должно быть ограничено содействием в решении вопроса о том, какими именно коммуникативными признаками обладают разбираемые речевые действия. Исследование иных аспектов речевого действия (установление причин и инициатора его возникновения, прогнозирование возможных последствий) является самостоятельным исследованием с применением специальных познаний в области социальной психологии (психологии социальной коммуникации, политической психологии), не имеющим отношения к проводимому лингвистами функционально-прагматическому исследованию содержания информационных материалов. При таком (социально-психологическом) подходе языковым знакам приписываются функциональные свойства, которые могут появиться только у мыслительных элементов, составляющих речевое действие. Более того, эти свойства приписываются знаковым формам не как элементам формальной структуры языка, а как особому материальному явлению, существующему объективно. Соответственно текст, требующий содержательного анализа и юридической оценки, перестает быть предметом специального исследования. Он становится одной из информационных характеристик внеязыковой действительности;

3) в соответствии с принципом вины лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия, в отношении которых установлена его вина, а ответственность за невиновное причинение вреда (т.е. объективное вменение) не допускается.

Доказывание наличия авторского умысла или специальной цели (например, возбуждения ненависти или вражды) не является задачей экспертного исследования. Вместе с тем выявленные в ходе экспертного изучения объективные характеристики информационных материалов могут и должны служить одним из критериев определения направленности умысла и цели действий автора или распространителя. В этом смысле анализируемая категория дел не отличается от других противоправных действий, правильная квалификация которых предполагает установление направленности умысла по объективным характеристикам содеянного <48>. В частности, наличие целевой установки - обоснование необходимости ненавистного отношения ко всем представителям какой-либо национальной группы, реализуемого в информационном материале, наряду с другими обстоятельствами дела (например, местом и временем распространения информации) может свидетельствовать о наличии у автора или распространителя специальной цели возбуждения ненависти по признаку национальности.

<48> Так, например, для разграничения покушения на убийство и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. См.: п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. N 3. Об умысле на сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов могут свидетельствовать их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, их количество (объем), размещение в удобной для сбыта расфасовке либо наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.п. См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 8.

I.10.4. Правовой статус эксперта. Эксперт - это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное в порядке, установленном процессуальным законодательством, для производства экспертизы и дачи заключения. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

В ст. 85 ГПК РФ предусмотрены следующие обязанности эксперта:

- принять к производству порученную ему судом экспертизу и провести полное исследование представленных материалов и документов;
- дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам и направить

его в суд, назначивший экспертизу;

- явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании и ответить на вопросы, связанные с проведенным исследованием и данным им заключением.

В том случае, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта либо материалы и документы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, эксперт обязан направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение.

Эксперт обеспечивает сохранность представленных ему для исследования материалов и документов и возвращает их в суд вместе с заключением или сообщением о невозможности дать заключение.

Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы; вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела; разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением суда, ее назначившего.

Эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения. В случае отказа стороны от предварительной оплаты экспертизы эксперт или судебно-экспертное учреждение обязаны провести назначенную судом экспертизу и вместе с заявлением о возмещении понесенных расходов направить заключение эксперта в суд с документами, подтверждающими расходы на проведение экспертизы, для решения судом вопроса о возмещении этих расходов соответствующей стороной.

В соответствии с [ч. 3 ст. 85](#) ГПК РФ эксперт имеет следующие права:

- знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы;
- просить суд о предоставлении ему дополнительных материалов и документов для исследования;
- задавать в судебном заседании вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям;
- ходатайствовать о привлечении к проведению экспертизы других экспертов.

В [ст. 57](#) УПК РФ отсутствует перечень обязанностей эксперта <49>. При этом устанавливаются следующие права эксперта:

<49> Поэтому неточным является указание в постановлении о назначении экспертизы о том, что эксперту разъясняются его права и обязанности, предусмотренные [ст. 57](#) УПК РФ. Более точная формулировка содержится в [ст. 269](#) УПК РФ, где сказано, что председательствующий разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные [ст. 57](#) УПК РФ.

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- 5) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и

суда, ограничивающие его права;

6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленных ему материалов недостаточно для дачи заключения. Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

В соответствии с **ч. 4 ст. 57** УПК РФ эксперт не вправе:

1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;

3) проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

4) давать заведомо ложное заключение;

5) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном **ст. 161** УПК РФ;

6) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Эксперт подлежит отводу, если он: прямо или косвенно заинтересован в исходе дела; является родственником сторон, других лиц, участвующих в деле, или их представителей; находится или находился в служебной или иной зависимости от сторон, других лиц, участвующих в деле, или их представителей либо если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. Предыдущее участие эксперта в деле в качестве специалиста в уголовном и гражданском процессах не является основанием его отвода.

Судебный эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в суде либо при производстве предварительного расследования. Такие действия в соответствии с **ч. 1 ст. 307** УК РФ наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев. В случае, если дача заведомо ложного заключения была соединена с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (**ч. 2 ст. 307** УК РФ), то такие действия наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

Судебный эксперт несет уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования без согласия следователя или лица, производящего дознание, если он был предупрежден в установленном порядке о недопустимости их разглашения (**ст. 310** УК РФ). Виды и размеры наказаний такие же, как в **ч. 1 ст. 307** УК РФ.

I.11. Вопросы, рекомендуемые для экспертного исследования.

Назначая экспертизу, суд или орган предварительного расследования должен определить ее вид (наименование). Для исследования информационных материалов на наличие в них признаков экстремизма назначается лингвистическая экспертиза. При необходимости установления истинности или ложности содержащихся в информационных материалах фактических сведений, а также для получения необходимых разъяснений о содержании специальных терминов и выражений терминологического характера назначается комплексная экспертиза. Наряду с обязательным участием лингвиста следует привлечь для производства экспертизы специалиста соответствующей области знаний (психолога, религиоведа, историка, антрополога, философа и др.). Вопросы, которые ставятся для исследования, должны позволять эксперту дать такие ответы, которые могут документально закрепить важные смысловые особенности информационных материалов и сделать однозначный вывод о характере распространяемой информации.

Ниже приведены рекомендуемые вопросы, сгруппированные по категориям дел. Каждой категории соответствует определенный вид информации, содержащей признаки экстремистских речевых действий, для обнаружения которых назначается и производится экспертное исследование. Отдельно приводятся типовые вопросы, предназначенные для иных специалистов, участвующих вместе с лингвистами в производстве комплексной экспертизы.

I.11.1. Производство по делам о признании материалов экстремистскими (ст. 13 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"):

1. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к насильственному изменению либо обоснования или оправдания необходимости насильственного изменения основ конституционного строя, т.е. действий, направленных на нарушение установленного Конституцией РФ порядка формирования органов государственной власти, либо иных противоправных изменений системы экономических, политических, социальных, идеологических и иных отношений, закрепленных Конституцией РФ. В частности, таких действий, как:

- вооруженное выступление против представителей власти;
- заключение под стражу, лишение свободы, причинение вреда здоровью, убийство политических деятелей;
- дезорганизация работы или захват систем жизнеобеспечения;
- насильственное ограничение прав и свобод граждан и другие подобные действия.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) Содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению либо обоснование или оправдание необходимости осуществления таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду)?

2) Содержатся ли в представленных материалах обоснование или оправдание необходимости осуществления действий, носящих насильственный характер?

3) Какие социальные, национальные, религиозные группы или общественные объединения побуждаются к осуществлению таких действий?

2. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к нарушению целостности Российской Федерации либо обоснования или оправдания необходимости нарушения целостности Российской Федерации, т.е. действий, направленных на изменение административно-территориального устройства РФ. В частности, таких действий, как:

- вооруженный захват территорий и населенных пунктов;
- насильственное переселение, депортация и иные насильственные действия в отношении граждан;
- вооруженное вмешательство иностранных государств и другие подобные действия.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) Содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению либо обоснование или оправдание необходимости осуществления таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду)?

2) Содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду)?

3) Какие социальные, национальные, религиозные группы или общественные объединения

побуждаются к осуществлению таких действий?

3. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к осуществлению террористической деятельности либо обоснования или оправдания необходимости осуществления террористической деятельности. В частности, таких действий, как:

- взрывы, поджоги, производство массовых отравлений, совершение аварий и катастроф, приводящих к гибели людей или причинению имущественного ущерба;
- организация, планирование, подготовка и финансирование террористического акта;
- вербовка, вооружение и обучение террористов и другие подобные действия.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду);

3) содержатся ли в представленных на исследование материалах положительные оценки людей (или конкретного лица) в связи с совершением ими таких действий?

4. Исследование информации на предмет содержания в ней признаков возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности;

2) содержится ли в представленных на исследование материалах обвинение всех представителей какой-либо социальной, расовой, национальной или религиозной группы в наличии у них намерений причинить ущерб представителям других таких групп;

3) содержится ли в представленных на исследование материалах обвинение всех представителей социальной, расовой, национальной или религиозной группы в действиях, направленных на причинение ущерба представителям других таких групп;

4) содержится ли в представленных на исследование материалах обоснование мнения о противоположности и несовместимости интересов одной социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой группы с интересами других таких групп;

5) содержится ли в представленных на исследование материалах возложение ответственности за действия отдельных представителей социальной, расовой, национальной или религиозной группы людей на всю этническую или конфессиональную группу, к которой их можно отнести;

6) содержатся ли в представленных на исследование материалах угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью;

7) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью;

8) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или

оправдания необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?

5. Исследование информации на предмет содержания в ней признаков пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах утверждения о природном, биологическом превосходстве или неполноценности людей в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к установлению либо обоснование или оправдание необходимости установления неравноправия и дискриминации групп людей в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности?

6. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к нарушению либо обоснования или оправдания необходимости нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. К ним, в частности, относятся призывы к введению ограничений или предпочтений в сфере образования, имущественных, трудовых, политических и иных отношений для групп людей, выделяемых по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) если в представленных материалах такие призывы содержатся, предполагается ли осуществление указанных в них действий насильственным путем;

3) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду);

4) если в представленных материалах содержится обоснование или оправдание необходимости осуществления таких действий, как (указать, какие именно действия имеются в виду), предполагается ли насильственное осуществление указанных действий;

5) интересы каких социальных, национальных, религиозных групп или общественных объединений предлагается нарушить путем осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду)?

7. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к воспрепятствованию либо обоснования или оправдания необходимости воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо с угрозой его применения. К ним, в частности, относятся призывы к таким действиям, реализация которых обусловлена:

- ограничением свободы, причинением вреда здоровью либо сопровождается угрозой применения физического насилия в отношении граждан в связи с их участием в выборах или референдуме;

- насильственным принуждением граждан к голосованию за конкретного кандидата или политическую партию либо сопровождается угрозой применения физического насилия;

- нарушением принципа тайного голосования, давлением на волеизъявление избирателя, принуждением к раскрытию информации о персональном волеизъявлении избирателя;

- применением насилия с целью осуществления контроля за волеизъявлением избирателей либо сопровождается угрозой физического насилия, и другим подобным действиям.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению... (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду);

3) если в представленных материалах такие высказывания содержатся, предполагается ли осуществление указанных в них действий насильственным путем?

8. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к воспрепятствованию либо обоснования или оправдания необходимости воспрепятствования законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо с угрозой его применения. К ним, в частности, относятся призывы к действиям, направленным на:

- ограничение свободы, причинение вреда здоровью либо угрозу физического насилия в отношении должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий в связи с реализацией ими своих полномочий;

- ограничение свободы, причинение вреда здоровью либо угрозу физического насилия в отношении членов общественных и религиозных объединений или иных организаций в связи с их общественной или религиозной деятельностью;

- совершение взрывов, поджогов, иных действий, препятствующих выполнению указанными органами своих функций, и другим подобным действиям.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению, (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду);

3) если в представленных материалах такие высказывания содержатся, предполагается ли осуществление указанных в них действий насильственным путем?

9. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к совершению либо обоснования или оправдания необходимости совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. К ним, в частности, относятся призывы к действиям, реализация которых обусловлена:

- агрессивными, насильственными, жестокими действиями, направленными против человека в связи с его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежностью, политическими взглядами;

- уничтожением или повреждением имущества, принадлежащего лицам определенной расовой, национальной, религиозной или социальной группы;

- осуществлением геноцида, массовых депортаций представителей расовой, национальной, религиозной или социальной группы, - и другим подобным действиям.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению... (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду)?

10. Исследование информации на предмет содержания в ней пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичного демонстрирования атрибутики или символики экстремистских организаций.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) используется ли в представленных на исследование материалах нацистская или сходная с ней до степени смешения символика или атрибутика;

2) используется ли в представленных на исследование материалах символика экстремистских организаций;

3) если используется, то связано ли такое использование с пропагандой каких-либо идей, взглядов;

4) содержатся ли в представленных на исследование материалах утверждения о природном, биологическом превосходстве или неполноценности людей в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

5) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению либо обоснование или оправдание необходимости осуществления дискриминации, действий, направленных на полное или частичное уничтожение групп людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности?

11. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к осуществлению либо обоснования или оправдания необходимости осуществления массового распространения заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовления или хранения в целях массового распространения. К ним, в частности, относятся призывы к действиям, направленным на:

- распространение среди неограниченного числа лиц печатных, аудио- и видеоматериалов, содержащих один из видов информации с признаками экстремизма;

- перепечатку листовок, статей, производство иных носителей информации, предназначенных для распространения и содержащих один из видов информации с признаками экстремизма, - и другим подобным действиям.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению... (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду)?

12. Исследование информации на предмет содержания в ней признаков публичного заведомо ложного обвинения лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обвинения... (указать, какого именно лица) в совершении противоправных действий;

2) если в представленных материалах признаки обвинения содержатся, то используется ли такое обвинение для призывов к осуществлению либо обоснования или оправдания необходимости осуществления каких-либо действий;

3) если в представленных материалах такие призывы содержатся, предполагается ли осуществление указанных в них действий насильственным путем?

I.11.2. Производство по делам о преступлении, предусмотренном ст. 205.2 УК РФ. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к осуществлению либо обоснования или оправдания необходимости осуществления террористической деятельности. В частности, призывы к таким действиям, как:

- взрывы, поджоги, производство массовых отравлений, устройство аварий и катастроф, приводящие к гибели людей или причинению имущественного ущерба;

- организация, планирование, подготовка и финансирование террористического акта;

- вербовка, вооружение и обучение террористов, - и другим подобным действиям.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению... (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду);

3) содержатся ли в представленных на исследование материалах положительные оценки людей (или конкретного лица) в связи с совершением ими таких действий?

I.11.3. Производство по делам о преступлении, предусмотренном ст. 280 УК РФ. Исследование информации на предмет содержания в ней призывов к осуществлению экстремистской деятельности, т.е. к совершению любого из действий, перечисленных применительно к делам о признании материалов экстремистскими (см. п. 1 - 12 подразд. I.11).

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению... (указать, какие именно действия имеются в виду);

2) если в представленных материалах такие призывы содержатся, предполагается ли осуществление указанных в них действий насильственным путем;

3) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду);

4) если в представленных материалах содержится обоснование или оправдание необходимости осуществления... (указать, какие именно действия имеются в виду), то предполагается ли осуществление указанных действий насильственным путем?

I.11.4. Производство по делам о преступлении, предусмотренном ст. 282 УК РФ.

1. Исследование информации на предмет содержания в ней признаков возбуждения ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки обоснования или оправдания необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности;

2) содержится ли в представленных на исследование материалах обвинение всех представителей какой-либо социальной, расовой, национальной или религиозной группы в наличии у них намерений причинить ущерб представителям других таких групп;

3) содержится ли в представленных на исследование материалах обвинение всех представителей социальной, расовой, национальной или религиозной группы в действиях, направленных на причинение ущерба представителям других таких групп;

4) содержится ли в представленных на исследование материалах обоснование мнения о противоположности и несовместимости интересов одной социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой группы с интересами других таких групп;

5) содержится ли в представленных на исследование материалах возложение ответственности за действия отдельных представителей социальной, расовой, национальной или религиозной группы людей на всю этническую или конфессиональную группу, к которой их можно отнести;

6) содержатся ли в представленных на исследование материалах угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью;

7) содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью;

8) содержатся ли в представленных на исследование материалах обоснование или оправдание необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?

2. Исследование информации на предмет содержания в ней признаков унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Вопросы эксперту (специалисту):

1) содержатся ли в представленных на исследование материалах унижительные или оскорбительные характеристики лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;

2) содержатся ли в представленных на исследование материалах унижающие достоинство оскорбительные высказывания, пропагандирующие неполноценность или порочность любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью;

3) содержатся ли в представленных на исследование материалах унижающие достоинство, оскорбительные высказывания, обосновывающие или оправдывающие необходимость ограничения, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?

1.11.5. Типовые вопросы, предназначенные для иных специалистов, участвующих в производстве комплексной экспертизы наряду с лингвистами:

1) соответствуют ли данным науки (истории, религиоведения, антропологии, генетики, источниковедения и др.) приведенные в публикации фактические сведения о том, что... (приводится текстовой фрагмент);

2) высказаны ли данные сведения впервые в этой публикации или ранее они уже были описаны в научной литературе;

3) является ли добросовестным цитированием высказывание (приводится текстовой фрагмент), приписываемое... (указывается автор);

4) имеются ли объективные доказательства, подтверждающие приведенные в публикации сведения о том, что... (приводится исследуемый текстовый фрагмент);

5) согласуются ли утверждения и выводы, сделанные автором публикации (приводится исследуемый текстовый фрагмент), с какой-либо принятой в соответствующей науке точкой зрения;

6) имеют ли приведенные в публикации факты (сведения) теоретическое обоснование?

Раздел II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

II.1. Общие положения.

Лингвистическая экспертиза текста является специализированным видом научно-прикладного исследования. В отличие от рефлексий, характерных для филологической критики текста, лингвистическая экспертиза должна характеризовать его объективное содержание, подтверждаемое языковедческим анализом конкретных высказываний. Невозможно подходить к исследованию содержания текста как к свободному от формы, изменчивому информационному факту, который может принимать различную смысловую нагрузку, зависящую лишь от желания и цели самого исследователя. Восприятие текста конечно же субъективно, но этот субъективизм не является произволом. Лингвистическая судебная экспертиза должна отвечать критерию доказательности <50>. Это значит, что каждое утверждение специалистов-экспертов должно проверяться критерием "истинно-ложно", а их выводы должны быть обоснованными, т.е. подтверждаться доказательствами, а не оценочными мнениями.

<50> При оценке качества экспертного заключения предлагается использовать два дополнительных критерия: достаточность и достоверность (об этом см. [разд. III.4](#) "Изложение исследовательской части заключения").

Научной базой лингвистической экспертизы служат результаты теоретических изысканий в области прагматических и риторических функций речевой деятельности человека. Разработка методов последовательного анализа (экспликации) и синтеза (интерпретации) текстовой информации сопряжена с освоением результатов функционально-прагматического подхода к продуктам речевой деятельности. В целях получения объективных выводов о содержании текста производство лингвистической экспертизы должно основываться на достижениях лексико-грамматического, функционально-семантического, коммуникативно-прагматического анализа и понятийно-риторического синтеза языка, разработанных в теории речевой коммуникации (теории речевого воздействия, теории аргументации, теории риторических структур) и реализованных в прикладных видах исследовательских методов и процедур.

Предлагаемая методика лингвистической судебной экспертизы информационных материалов интегрирует две стороны знаний о содержании текста: значения и функции языковых средств (когнитивный аспект) vs. прагматические свойства и риторические качества речевых действий (телеологический аспект). Такой подход предполагает специальное исследование и описание языковых способов и речевых приемов выражения мыслительного содержания, включающего в свой состав риторические приемы убеждающего воздействия <51>, средства выражения и способы реализации прагматических целей аргументации.

<51> Экспертное исследование текста предполагает обязательное владение понятийным аппаратом лингвопрагматики, риторики и логики. Для самостоятельного изучения можно рекомендовать учебники: Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. 2-е изд. М., 2004; Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001; Гладкий А.В. Введение в современную логику. М., 2001; Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997; Кузнецова Н.В., Трофимова О.В. Публицистический текст. Лингвистический анализ: Учеб. пособие. М., 2010; Лагута О.Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000; Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Н. Тагил, 2006; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Челпанов Г.И. Учебник логики. М., 1994.

На первый взгляд может показаться правильным требование, чтобы в экспертном исследовании соблюдалась традиционная последовательность лингвистического анализа: морфология, синтаксис, лексическая семантика, прагматика. Однако описание результатов различных видов анализа текста часто является избыточным относительно тех итоговых выводов, которые ожидаются от экспертизы. Обычно в исследовании не требуется повторять (или воссоздавать) событийное и предметное наполнение текста, пересказывать то, что в нем сообщается. Действительно необходимым является то, чтобы эксперт дал научное обоснование своим выводам о коммуникативно-риторической структуре текста, определил по содержанию использованной в тексте аргументации задачи и целевую направленность высказываний.

Для этого в экспертном исследовании необходимо выделить и дать характеристику тем понятийно-риторическим структурам высказываний, в которых реализуются задачи текста и содержатся ответы на вопросы: "Что именно автор хочет, чтобы читатель знал об обсуждаемой проблеме?", "Какие перспективы существования автор открывает читателю?", "Какие выводы для читателя делает автор?", "К чему автор призывает читателя?". Содержание высказывания отражает результаты двух аспектов мыслительной деятельности говорящего:

- во-первых, чувственной, опытно-аналитической верификации понятий <52> (той стороны содержания текста, которая опознается с опорой на опыт чувственного восприятия и мысленной реконструкции материально выраженных свойств реального объекта, деятеля, явления, процесса);

<52> Верификация понятий происходит путем словесного указания на реальный феномен (референт). Например: я называю этот объект фотографией (т.к. знаю и могу назвать отличительные признаки и свойства этого объекта); я утверждаю, что дважды два - четыре (т.к. могу указать причины такого вывода и умею использовать полученный результат).

- во-вторых, ментальной, абстрактно-обобщающей интерпретации понятий <53> (той стороны содержания текста, которая вскрывается путем обобщающей оценки результатов собственного интеллектуального и нравственного взаимодействия с объектами внешнего мира и языкового опыта использования понятий).

<53> Интерпретация понятий осуществляется с опорой на опыт словесной характеристики и оценки внешних проявлений деятельности и бытия объектов. Например: я называю этого человека оппонентом, потому что расцениваю его замечания, высказанные по теме обсуждения, как критические, поддерживающие иную точку зрения; я считаю такие-то действия опасными, потому что предполагаю, что они принесут вред людям, и т.д.

В целом функционально-прагматический подход позволяет исследовать текст как совокупность речевых действий, ориентированных на изменение убеждений, взглядов и мнений аудитории. Основная задача, решаемая в рамках предлагаемой методики исследования продуктов речевой деятельности, состоит в описании процедур анализа целостных фрагментов текста и характеристики содержания причинно-следственных связей между коммуникативным заданием текста и выраженной в нем риторической направленностью высказываний. Подход к изучению текста как к продукту действия целевой причинности <54> позволяет эксперту определять реализованные коммуникативные задачи и целевую направленность такой деятельности.

<54> Под целевой причинностью или телеологическим принципом речевого действия понимается такая обусловленность способа его воплощения, при которой достижение планируемого результата (цели) действия является побудительной причиной его совершения. В случае целевых причинных отношений замысел коммуникативного действия формируется с учетом цели планируемого высказывания. Если мы признаем, что понятийные связи в тексте устанавливаются по воле говорящего в соответствии с его целеполаганием, то следует также согласиться и с тем, что формирование риторической структуры

высказывания, его структурных, динамических и понятийных характеристик происходит под воздействием целей говорящего.

Важно подчеркнуть, что реконструкция внеязыковых намерений и целей автора текста, а также прогнозирование возможной индивидуальной или коллективной реакции слушателей не могут и не должны входить в круг задач экспертного исследования. Объясняется это тем, что речевые действия оратора и последующие действия аудитории не имеют прямой связи. В процессе общения коммуникативные намерения и ожидания как оратора, так и аудитории могут не совпадать, они могут быть даже противоположными.

Процесс убеждения составляет самую важную часть речевого воздействия на взгляды и поведение людей. Цель убеждения - не волевое управление поступками людей, а внедрение в их сознание мысли о правильности, справедливости, полезности использования на практике того, что обосновывает говорящий. Для этого в аргументацию включаются не столько рациональные доводы в виде фактов <55>, обращенных к рассудку и логике, сколько прежде всего оценочные мнения, воздействующие на нравственно-этические, эмоциональные и рациональные стороны сознания слушателей.

<55> Факты фиксируют конкретные, непосредственные проявления действительности. Однако термин "факт" неоднозначен. Применительно к внеязыковой действительности он употребляется в значении некоторого события, которое фиксирует наше сознание как изменение в объектах реального мира. Применительно к языковому выражению "факт" используется для обозначения особого рода эмпирических высказываний - фактофиксирующих суждений, содержанием которых он является. В отличие от фактических проявлений действительности, которые не являются ни истинными, ни ложными и происходят независимо от того, что думают о них люди, утверждения в форме фактов допускают истинностную оценку. Фактофиксирующие утверждения должны быть эмпирически истинными, т.е. знание человека о конкретном событии может быть подтверждено опытным, практическим путем.

Нежесткое управление взглядами и поведением людей с помощью методов убеждающей аргументации оказывается эффективным лишь при условии доверия слушателей, так как, согласившись и приняв доводы говорящего, люди сохраняют свободу воли, сознательно оценивают предлагаемые решения и доводы в их защиту, строят свое поведение, предпринимают определенные действия или воздерживаются от них в согласии со своими убеждениями.

Намерения автора должны быть представлены в форме их речевой реализации (т.е. текста), а ожидания слушателей, как и реакция на слова говорящего, могут быть представлены только в дискурсе, да и то лишь отчасти. Автор текста стремится внушить аудитории некоторые мысли, чувства, намерения к действиям, но слушатели воспринимают речь не пассивно или бездумно, наоборот, они оценивают приводимые аргументы, мысленно выдвигают контраргументы и только на этом основании делают собственные выводы о доверии или недоверии к услышанному.

Речевая (текстовая) информация воспринимается человеком как мыслительный аналог реальных событий, ситуаций, отношений. Однако этот языковой конструкт воспроизводит в сознании слушателя только те значения понятийных признаков объектов и их связи, которые говорящий считает нужным выделить и означить в речи. С их помощью сказанное получает предметно-вещественную реконструкцию и верификацию, т.е. подтверждение связи понятия, опознаваемого в контексте по его семантическим признакам, с внеязыковым референтом <56>. Словесные знаки, которые не имеют предметной референции, слушатель вынужден интерпретировать, т.е. определять или уточнять качественные, оценочные, модальные характеристики понятий, руководствуясь языковыми правилами связывания и сопряжения понятий в единую мыслительную конструкцию. Именно самостоятельное осмысление, определение, уточнение качественных признаков понятий и их взаимное сопряжение создают в сознании слушателей определенный мыслительный результат - формирует убеждения, изменяет их мнение относительно предмета высказывания.

<56> Контекст, позволяющий соотнести содержание конкретного речевого действия с признаками

объектов внеязыковой действительности, обладает прагматическими свойствами.

II.2. Характеристика формата экспертных лингвистических исследований и предъявляемые к нему требования.

Лингвистическая судебная экспертиза - один из видов практического использования знания о функционировании языковых единиц, позволяющий закономерно интерпретировать содержание текста с целью получения научно обоснованных ответов на вопросы, поставленные перед специалистом-экспертом.

Источником и информационной базой исследования должны служить обнародованные материалы, содержащие фрагменты текста с идеологически мотивированными оценочными высказываниями, а также результаты языковой фиксации содержания графических изображений и видеозаписей, составляющих неотъемлемую часть экспертируемого текста.

Объектом лингвистической экспертизы служат обнародованные информационные материалы. Особое внимание следует уделять печатным текстам, аудиозаписям, интернет-сообщениям, видеозаписям и т.п. с понятийными признаками речевого воздействия на мнение, убеждение аудитории.

Предметом исследования являются языковые способы выражения мыслительного содержания, с помощью которых говорящим реализуются задачи и целевые установки, направленные на пропаганду ненавистнического отношения к человеку, агитацию за насильственные действия, нарушающие конституционные права и свободы человека.

Задача экспертного исследования состоит в определении и научном обосновании реализованных коммуникативных задач и целевой направленности текста путем исследования механизмов речевого воздействия, воплощенных в структуре рациональных, эмоциональных и оценочных компонентов текста, и характеристике понятийно-риторической структуры высказываний, направленных на изменение убеждений, взглядов, оценок и намерений аудитории.

Целью экспертного исследования является установление языковых фактов, свидетельствующих о наличии либо отсутствии в информационных материалах речевых действий (высказываний) с определенными понятийно-риторическими признаками убеждающего воздействия на аудиторию, носящими противоправный характер.

II.3. Текст, содержащий приемы убеждающего воздействия, - это текст, в структуре которого использованы не только рациональные, но также ценностные (праксиологические, этические доводы) и экспрессивные элементы аргументации (аксиологические, оценочные суждения). Коммуникативная цель такого текста состоит не столько в обнародовании мнения, содержащего позитивную или негативную оценку чего-либо, сколько в убедительном изложении определенной точки зрения, в обосновании своей позиции по некоторой проблеме. Поскольку в качестве аргументации здесь используются всякого рода ценностные интерпретации фактов, то логика таких рассуждений сводится к индуктивным процедурам вывода, которые в свою очередь зависят от качества интерпретации, формирующей исходные посыпки высказывания. Цель столь нестрогой аргументации заключается в том, чтобы добиться морального и эмоционального согласия аудитории с выдвигаемыми утверждениями, решениями, повлиять на выводы слушателей доводами, которыми подкреплена, подтверждена, так или иначе обоснована излагаемая позиция.

Коммуникативный процесс убеждения можно считать состоявшимся только в том случае, если авторское мнение получило в тексте содержательное обоснование, реализованное в виде целостной риторической конструкции. Именно это является решающим коммуникативным условием побуждения аудитории к согласию с авторскими умозаключениями. Конечная цель таких рассуждений состоит в том, чтобы согласие слушателей с высказанной точкой зрения превратить в принятие решения, в готовность действовать в соответствии с новым знанием или предлагаемыми выводами.

Центральным понятием предлагаемой методики является убеждающее композитное высказывание. Его структурная и логико-понятийная целостность определяется риторической цельностью коммуникативных действий автора и обеспечивается общностью семантических свойств темы и объекта высказывания, взаимосвязью задач и цели высказывания.

Тема сообщения является существенным и необходимым признаком всякого связного текста. Она составляет ядро экстралингвистического содержания текста и определяет его структуру. Тематику конкретного текста можно определить, ответив на вопрос: "О чем здесь говорится?".

Тему убеждающего высказывания как целостного речевого действия составляет определенная проблемная ситуация, некое противоречие в общественном сознании, которое снимается через обсуждение содержания и взаимосвязей духовно-нравственных, этических ценностей, фиксирующих нормы поведения людей в обществе, утверждающих социальные идеалы и защищающих человеческое достоинство. Исходные суждения и обосновывающие доводы такого высказывания связаны общей мыслью, которая отражает существо поднимаемой проблемы. Тема высказывания и исходное суждение соотносятся друг с другом как общее с частным. Содержание исходного суждения обычно связано определенным понятийно-риторическим отношением (противоположности или соположенности) с каким-либо укорененным в общественном сознании морально-нравственным или идеологическим императивом. Соответствуя представлениям о подлинно человеческом отношении к другим людям, такие императивы регулируют поступки людей и оказывают непосредственное влияние на принимаемые ими практические решения. Автор информационных материалов, имеющих речевые признаки экстремистской деятельности, по существу преследует цель убедить слушателей в неприменимости по отношению к одной из социальных групп выработанных обществом национально-культурных традиций, действующих моральных норм и нравственных императивов. Такая направленность убеждающего воздействия прямо противоречит смыслу и содержанию статей законов РФ, запрещающих возбуждение вражды, разжигание ненависти, пропаганду насилия и жестокости, агитацию к осуществлению террористической деятельности, пропаганду расового, национального, социального, религиозного превосходства и т.п.

Аргументы, которые используются в качестве обоснования авторского мнения, могут быть рациональными (фактологическими), этическими (ценностными) и эмоциональными (оценочными). Например, для установления коммуникативных признаков экстремизма в речевых действиях говорящего необходимо доказать наличие понятийных связей между частями высказывания, характеризующими его главный риторический объект. Рассмотрим понятийные связи фрагмента текста, содержащего следующие части:

- 1) сообщение о негативном факте, являющемся информационным поводом всего высказывания, риторическим объектом которого является неопределенное множество лиц, выделяемых автором по расовому, национальному, религиозному и иным подобным признакам;
- 2) оценочное мнение о риторическом объекте, которое в высказывании переносится говорящим с отдельных людей на личные качества или действия всей социальной группы;
- 3) умозаключение, выражающее справедливость, обоснованность враждебного отношения ко всем людям, относящимся к выделенной социальной группе.

Главным объектом композитного высказывания в этом случае являются все лица, относящиеся к выделяемой автором группе. С помощью оценочного мнения, содержащегося во второй части текста, автор обосновывает нормативную значимость отрицательной оценки риторического объекта высказывания, выделенного в первой части, и связывает ее с умозаключением, сделанным в третьей части.

Изолированный анализ любой из частей этого композитного высказывания будет недостаточным, поскольку распространение фактов и мнений защищается конституционными принципами свободы слова. Однако целостное исследование содержания полного высказывания позволяет доказать его направленность на пропаганду необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности.

Отдельно рассмотрим ситуацию, в которой оценочное умозаключение представляет собой пропагандистский девиз, инструктивно указывающий на прямые формы насилия (например: "Слава Сиону - смерть русне!" <57>). Волеизъявление, выраженное таким способом, можно анализировать самостоятельно, но и здесь доказательная база выводов будет убедительнее и полнее, если эксперты рассмотрят всю риторическую структуру высказывания или ситуацию речевого воздействия в целом и обоснуют смысловую направленность полного высказывания.

<57> Пример одного из провокационных девизов, используемых для пропаганды нетерпимого отношения к группе лиц, выделяемых по национальному признаку (см.: <http://shiropaev.livejournal.com/72905.html>; <http://rosrusvlast.com/video/item/antifa-kavkaz-smert-rusne.html>).

Структуры рассуждений, которые приводятся в методике, характеризуют лишь ключевые элементы реальных высказываний. Анализируя речевую действительность, эксперты обычно исследуют более длинные схемы рассуждений, отражающие более сложную систему смысловых связей и зависимостей. Однако и в этом случае объяснение механизмов понимания не должно выходить за пределы анализа речи, ведь источником состоявшегося понимания текста служат семантические отношения, динамически сложившиеся между языковыми знаками, поэтому практическая возможность выделения в высказывании понятийных структур и риторических конструкций, выражаемых различными закономерными способами построения речевого содержания, делает анализ связного текста важной лингвистической проблемой.

Знание свойств понятийно-риторических структур убеждающего композитного высказывания в значительной степени опирается на знание типов связи согласующихся свойств языковых элементов речевой композиции и выводится из них, а вовсе не из последовательного разбора синтаксических структур предложений или значений отдельных слов.

Знание типов понятийно-риторических структур высказываний необходимо как в практике убеждения слушателей, так и при анализе информации, "упакованной" в такие риторические структуры. Вместе с тем экспертиза текста не сводится лишь к знанию структур. При характеристике риторических структур убеждающего воздействия важным является знание не одного лишь строения высказывания, но и понятийных свойств языковых средств, из которых они построены. Только предварительное знание свойств и качеств составных элементов речевого действия позволит привести убедительные доказательства того, что именно данный тип понятийной структуры композитного высказывания был использован в исследуемом фрагменте.

Фактически любое знание о прагматике текста является комплексным знанием о способах связи речевых действий, которые были впервые вскрыты и частично описаны в самых разных отраслях и направлениях лингвистики. А поскольку понятийные структуры и конструкции передаются только средствами языка и иначе передаваться не могут, то прикладные результаты такого исследования представляют несомненный интерес для гуманитариев многих специальностей (философов, логиков, религиоведов, политологов, юристов, психологов). При анализе текстов специалисты в иных областях гуманитарного знания, какие бы узкие цели перед ними ни стояли, могут и должны опираться на данные лингвистического описания, вскрывающего способы и приемы языкового выражения мыслительного содержания. Если выводы лингвистов будут опираться на функционально-прагматические характеристики текста, то аргументы, приведенные в их обоснование, не дадут возможности другим специалистам получить противоречащие им выводы. Эксперты, которые изучают готовые композитные высказывания, должны иметь ясное представление о семантико-грамматических правилах и нормах речевого использования языковых средств. Иначе произвольные интерпретации речевых структур, порождающие случайные смысловые результаты, будут теоретически неотличимы от нормативных, предсказуемых интерпретаций <58>.

<58> Примеры таких манипуляций будут приведены позже.

II.4. Научно-методический аппарат экспертных исследований, лингвистические понятия и единицы анализа.

В контексте законодательных норм под **действием** понимаются любые целенаправленные формы внешней и внутренней практической деятельности, включая передачу и обнародование информации языковыми или изобразительными средствами. Информационное действие квалифицируется как законченное, когда был совершен акт коммуникации, т.е. состоялось распространение каких-либо сведений - высказываний, лозунгов или изображений (опубликован текст, состоялось публичное выступление, выпущены в радио- или телеэфир информационные сюжеты, информация выложена в Интернете).

II.4.1. Речевая информация - это сведения, суждения, утверждения, умозаключения, волеизъявления, содержащиеся в тексте, которые характеризуют какой-либо объект мысли (предмет, личность, событие, ситуацию, положение, состояние дел и т.п.) <59>. Исходя из особенностей языковых средств, использованных в сообщении, и характера связей между частями высказывания информация может быть:

<59> В отличие от других гуманитарных наук, где часто устанавливаются прямые заместительные связи между знаком (т.е. значением знака) и реальным объектом наименования, в лингвистике связь знака, обозначающего какой-либо предмет мысли, и реальным объектом опосредована понятием о нем. С позиции теории языка в отношениях между знаком, понятием и реальным объектом нет равноправия, поскольку в языковых формах мыслительного представления о признаках "предмета" сам предмет мысли физически отсутствует. У языкового знака существует единственная связь - это ментальная связь с понятиями, соотносимыми в речи со значениями этого знака. В сознании реальный предмет замещается определенным мыслительным содержанием, отражающим накопленный объем знаний о признаках и свойствах предмета речи. Связь между формальным и семантическим содержанием языкового знака и понятием как объектом сознания реализуется в контекстном значении знака таким образом, что в мыслительном содержании понятия можно выделить комплексы признаков, формирующие знания о нем. Эти знания делятся на (1) знание о языковом знаке (о его структурных, функциональных особенностях), опосредованное опытом владения языком, и (2) знание о внеязыковом объекте мысли (его атрибутивных и акцидентных свойствах, функциях), которое обусловлено практическим, жизненным опытом.

- **констатирующей** - содержащей сведения о конкретных ситуациях, о реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т.п. (этот тип языковой информации реализует номинативную, информативную функцию речевого действия, позволяющую сообщить слушателю о количественных и качественных характеристиках предметного мира);

- **убеждающей** - содержащей аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие/плохие, правильные/неправильные, вредные/полезные и т.п. (этот тип языковой информации реализует экспрессивную, оценочную функцию речевого действия, позволяющую выразить эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности);

- **директивной** - выражающей речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию (этот тип языковой информации реализует волитивную функцию речевого действия, позволяющую выразить различные оттенки проявлений воли, требований, желаний говорящего).

В гуманитарных науках, включая лингвистику, логику, философию, психологию, понятие "**высказывание**" часто используется для обозначения речевой реализации синтаксического предложения как минимальной единицы общения, обладающей интонационным центром и состоящей из двух компонентов: темы и ремы. При функционально-прагматическом подходе к анализу связного текста понятие "высказывание" наделяется более широким содержанием. В настоящей методике под высказыванием (т.е. под композитным высказыванием) понимается метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект или тему. Эта речевая единица в аспекте функционально-прагматического анализа предстает как минимальная риторическая единица текста <60>.

<60> Аналогами понятия "высказывание" в научной литературе выступают содержательные компоненты текста разной протяженности. Они обозначаются понятиями: сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа, суперсинтаксическое единство, линейно-синтаксическая цепь, суперсегмент, микротекст и др.

Композитное высказывание - это целостная риторическая конструкция. В основе ее связности лежит коммуникативная приемственность предложений, т.е. такая текстовая последовательность, в которой

каждое предложение строится с учетом содержания предыдущего, характеризуя один и тот же риторический объект. Композитное высказывание характеризуется относительной завершенностью темы, синтаксической и понятийно-семантической спаянностью компонентов. Отдельные предложения в составе сложного синтаксического целого объединяются синтаксическими средствами межфразовых связей (союзами, местоимениями, эллипсисами), а также, что не менее важно, понятийно-семантической согласованностью элементов риторической конструкции.

В высказывании говорящий реализует коммуникативные намерения, которые для целей экспертных исследований можно свести к трем функционально-смысловым типам речи: описание, повествование и рассуждение <61>.

<61> Подробнее об этом см.: Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Если "описание" предполагает фактическую констатирующую характеристику объектов, наличного явления или ситуации в статике, то "повествование" характеризует объекты, события во временной последовательности и развитии. Коммуникативные намерения, реализующиеся в описаниях и повествовании, обычно облекаются в форму дескриптивных высказываний.

В основе "рассуждения" лежит логико-понятийное обобщение фактов, установление имплицативных отношений между событиями и их оценкой. Рассуждения составляют базу нормативных высказываний, т.е. устанавливающих правила и ценности. Композитное убеждающее высказывание относится к тому типу предписывающих рассуждений, в котором обосновывается правдивость, правильность, целесообразность приписывания объекту мысли определенных признаков, качественных характеристик и оценок.

Композитное высказывание, являясь наименьшей прагматической единицей смысловой структуры текста, обычно содержит несколько грамматически выделяемых предложений, каждое из которых в рамках общей риторической структуры характеризует один и тот же объект речи, но с разных сторон. Функция высказывания (как единицы риторической структуры текста) состоит в организации единого понятийного пространства характеристик главного риторического объекта, связанных между собой отношениями обусловленности. Единое понятийное пространство - это структура сведений о внешних и внутренних сторонах главного объекта высказывания, объединенная общими пространственно-временными условиями его существования.

II.4.2. Функционально-прагматическое содержание высказывания является центральным объектом экспертного исследования. Это тот объем информации, который адресат способен извлечь из фрагмента текста, руководствуясь своими знаниями о языке и мире. В формировании содержания текста принимают участие единицы всех уровней языка. Элементы структуры предложения, связываемые в речи с помощью лексико-грамматических характеристик словосочетания, слушатель определяет и согласовывает по функционально-семантическим признакам. Ведь понять высказывание - значит верно интерпретировать речевую связь языковых знаков с признаками мыслительного содержания соответствующих понятий. Для этого слушатель, руководствуясь грамматическими связями слов (морфосинтаксической когезией словоформ), восстанавливает семантическую соотнесенность слов и словосочетаний. Знание законов языка позволяет ему создавать понятийно-семантические структуры, соответствующие его знаниям о мире.

Слушатель использует разнообразные аналитические и синтетические приемы, связанные с пониманием и объяснением, сопоставлением и истолкованием, обоснованием и проверкой. Интерпретации подвергается как сам акт коммуникации, так и сообщаемая информация. Это позволяет выделить в мыслительном содержании высказывания комбинации четырех типов базовых структур: факт, мнение, оценка, волеизъявление. Из них только факты можно верифицировать, т.е. проверить содержание информации на достоверность.

Язык не просто используется в процессе коммуникации - он во многом определяет извлекаемое содержание речевых действий. Далеко не вся информация, имеющая внешнюю форму факта, таковой и является. Сведения, зафиксированные как отражение действительности и воспринятые слушателем как

объективная характеристика реальных событий, на самом деле могут оказаться чем-то иным. Ведь сознание рождает особую реальность - мыслимую, принципиально отличную от мира, существующего вне сознания. Для слушателя распознавание сообщения есть результат когнитивной атрибуции и прагматической интерпретации языковых средств, использованных в тексте. С помощью этих процедур выделяются и верифицируются факты, сопоставляются и сравниваются с собственным опытом услышанные оценки, мнения, анализируется необходимость принятия к сведению или исполнения волеизъявлений говорящего. Линейную последовательность авторских рассуждений слушатель преобразует в коммуникативные единицы содержания текста, которые на основании совместимости признаков языковых средств (их понятийно-семантической когеренции) слушатель соединяет в риторическую конструкцию, называемую композитным высказыванием. Для этого слушатель синтезирует тематическое ядро высказывания, аргументы к нему и умозаключения, предлагаемые говорящим. Получившееся в результате смысловое целое и есть функционально-прагматическое содержание высказывания.

Поскольку в содержании высказывания фиксируется авторское понимание событий, а не реальные события, здесь важно подчеркнуть принципиальное различие между языковым образом действительности, который запечатлен в тексте, и внеязыковой действительностью, которая перерабатывается в сознании говорящего в мыслимую реальность и отражается в содержании его речевых действий. Внеязыковая действительность объективна в том смысле, что любые проявления ее бытийности не зависят от воспринимающего субъекта, но, будучи отраженной в языковых формах, она приобретает субъективизм, доля которого в знаковом содержании зависит от воспринимающего интерпретатора - автора речевых действий. В этом смысле содержание предикатно-актантной основы предложения отражает не только реальность, но и авторское восприятие, авторскую характеристику выделяемого фрагмента действительности.

При анализе прагматического содержания важно также контролировать источник информации, т.е. лицо, предоставившее распространяемые сведения. Источники информации могут быть определенными, поименованными в тексте (по словам пресс-секретаря, как заявил В.В. Иванов, как сообщает РИА "Новости") или анонимными, неназванными (как сообщил наш источник в Администрации Президента), а также неопределенными (по слухам, как говорят все, по некоторым сведениям, как нам стало известно). В том случае, когда текст, по уверениям автора, принадлежит не ему, а "высшей силе", автором неизбежно должен считаться тот, кто был юридически значимым источником и создателем информации <62>.

<62> Такие тексты обычно создаются руководителями недавно образованных религиозных групп.

Содержание языковых средств, используемых автором для воплощения сведений об известных ему фактах, своей трактовки событий, отношения к ситуации, о качестве взаимоотношений между людьми и т.д., состоит из двух различных компонентов: диктумной и модусной частей <63>. Каждый из этих понятийно-семантических компонентов содержания языковых средств характеризует принципиально разные стороны отраженной действительности.

<63> В отличие от теории высказывания Ш. Балли, в которой термины средневековой схоластики диктум (лат. dictum - слово, выражение) и модус (лат. modus - способ) используются для обозначения объективной и субъективной частей суждения (предложения), в данной методике этими терминами обозначаются частные компоненты семантической функции различных видов языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-семантических, функционально-прагматических). Информация о рациональном содержании языкового средства именуется диктумом, а свойственное определенной части языковых средств выражение субъективно-личного отношения к рациональному содержанию - модусом.

Диктумная часть (или диктум) - это верифицируемый (рационально-когнитивный) компонент языковых средств, который составляют семантические признаки, характеризующие объективное, конкретное, предметное знание, основанное на эмпирическом, рациональном освоении результатов непосредственного воздействия на органы чувств человека вещных, материальных свойств предмета.

Диктумом охватываются материально-эмпирические, условно-фактические признаки понятий и утверждений, отражающие в сознании объективные свойства и качества денотатов (т.е. внеязыковых референтов, понятия о которых обладают категорией вещиности). Сюда входят понятия, обобщающие чувственные образы воздействия внешней силы на материально-вещественные объекты, включая человека, понятия, характеризующие природные процессы, конкретные физические действия человека. Диктуемые признаки понятий связываются в суждениях на основании природной смежности, совместимости, равносущности их реальных денотатов на оси "целое-часть" фрагмента действительности, конкретизируя "часть" реальности. Диктуемая часть содержания языковых средств осознается как фактическое (констатирующее, объективное) знание о материально-вещественных объектах, об их количественных характеристиках (по параметру "мало-много"), внешних объективно-качественных свойствах и предикатных способах их пространственной и временной реализации (по параметрам "далеко-близко", "быстро-медленно", "долго-кратко", "часто-редко", "начало-конец").

Модусная часть (или модус) - это интерпретирующий (эмоционально-прагматический) компонент языковых средств, который включает семантико-синтаксические, лексико-семантические и стилистические признаки, характеризующие субъективно-качественные и экспрессивно-оценочные аспекты значения высказывания. Модусную часть содержания составляют значения понятийных признаков, отражающих субъективно-ментальную, оценочную характеристику объектов высказывания. С помощью модуса характеризуется степень значимости (оценка важности, ценности, полезности), целесообразности или необходимости предмета речи для говорящего, степени его информированности о предмете речи. Модус объединяет эмоционально-экспрессивную, регулятивную часть признаков понятий и суждений, которые связаны субъективными конструктивно-логическими обобщениями. В модусной части признаков фиксируется опыт оценочной интерпретации качественных (волевых, интеллектуальных, моральных, нравственных, эмоциональных, идеологических, этических) сторон деятельности одушевленных существ, стихийных проявлений сил природы и природных процессов. Модусные части суждений с признаками субъективно-качественной характеристики свойств объектов и проявлений предикатных признаков образуют мыслительные структуры, отражающие результаты личного восприятия качественных характеристик материально-вещественных объектов. Модусы выражают оценки лица, его деятельности, а также оценки поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в какой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имеющий специальных познаний в области юриспруденции). Такие понятийные признаки связаны имплицативными отношениями и в суждениях о денотатах осознаются как выводы из фрагмента действительности на оси "общее-частное", наслаиваясь при этом на диктуемую часть значения как "частное". Модусная часть содержания языковых средств оказывает регулятивное речевое воздействие на мнение и сознание слушателей, поскольку обладает свойствами субъективной информации (с параметрами "плохой-хороший", "справедливый-несправедливый", "честный-нечестный", "объективный-субъективный" и т.п.). В частности, укажем на значения с негативным модусом, интерпретирующим диктуемую часть лексического содержания языкового знака: сговор, шельмовать, клеветать, всучить, навязать, самоуправство, пресловутый, вопиющий, зачинщик, пособник, подлец, фанатик, экстремист, военщина, бодрячество, потуги, интервенция, сборище, произвол, водяра, винушка, морда или на модусную часть значения словосочетаний: нелепые бредни, подлая демагогия, пустые фантазии, тоталитарная секта, беспробудный пьяница, усатая гадина и т.п. Продолжая иллюстрации диктуемых и модусных языковых средств, процитируем слова П.А. Столыпина: "Народ, не имеющий национального самосознания, - есть навоз, на котором произрастают другие народы" (обратите внимание, что здесь использованы значения слов только с диктуемым компонентом); приведем также высказывание А.В. Суворова: "Я русский, - какой восторг!", состоящее из диктуемой (я русский) и модусной (какой восторг!) частей <64>.

<64> В настоящее время обе цитаты используются в национально ориентированном дискурсе. См., например: http://www.soprotivlenie.su/slovo/ya_russkiy_kakoy_vostorg.html; <http://slavyanskiysoyuz.ru/26-my-russkie-kakoy-vostorg.html>; [http://gidepark.ru/user/875461648/content/653617\\$](http://gidepark.ru/user/875461648/content/653617$); <http://russia.livejournal.com/5980.html> и др.

Выбор языковых средств с определенным диктумом и модусом осуществляется автором и зависит от качества темы сообщения. Диктуемый аспект языковых средств обеспечивает указание на объективные признаки предмета речи, характеризующие внеязыковой референт, поэтому общность диктуемых

компонентов определяется главным объектом речи и темой сообщения. Языковые средства с нейтральным модусом широко используются в сообщениях о ситуациях, событиях, явлениях, о лице, поступках людей, которые обычно не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки "хорошо" и "плохо").

Если диктуемом обладают все инструментальные и коммуникативные языковые средства, то модусом (положительным или отрицательным) обладают далеко не все из них. Именно значения семантических признаков диктума создают когеренцию языковых средств, а вот использование в речи средств с модусным компонентом целиком зависит от воли автора и не влияет на порядок и правила понятийно-семантического связывания частей высказывания. Увеличивая количество языковых средств, обладающих модусом, автор усиливает речевое воздействие на эмоциональную сторону сознания слушателей, поскольку модусный аспект языковых инструментов обеспечивает выражение авторского отношения к предмету мысли и его признакам. Например, языковые средства с резко негативным модусным компонентом реализуют нетолерантную форму речевого поведения и являются потенциальным источником конфликтной речевой ситуации.

При анализе связного текста необходим учет не только языковой формы изложения, но и коммуникативной установки, которая закладывается в текст его автором. В этом случае проблема состоит в коммуникативно-риторическом анализе текста, в определении его логико-смысловой направленности, поэтому задачи, которые приходится решать при таком анализе, связаны не только с выяснением стилистической маркированности языковых средств, но и с определением задач, которые решаются путем их использования.

Выбор языковых средств с позитивным модусом, позволяющим говорящему выразить свое личное положительное отношение к ситуациям, событиям, действиям людей, в общем случае не становится причиной конфликта. Однако если мнение автора не совпадает с социально признанными представлениями о результатах, приносящих личное и общественное благо, способствующих или обеспечивающих развитие общества <65>, то автор высказывания становится виновником конфликтной информационной ситуации.

<65> Например, высказывания, оправдывающие в той или иной форме террористические действия или положительно оценивающие личность человека в связи с совершенными им террористическими действиями и т.п.

Если **тема сообщения** касается проблем, вызванных противоречиями в социальной, экономической, политической, культурной жизни общества, связана с обсуждением духовно-нравственных и этических норм, на которых базируется общественное сознание, то такая тематика неизбежно оценивается слушателями с точки зрения ее ценностных (праксиологических, аксиологических) свойств и качеств. Высказывание в поддержку или в опровержение того или иного взгляда на проблему, на способы ее решения также создает конфликтную речевую ситуацию. Вместе с тем причиной такого конфликта могут быть не только содержание и стилистика авторских суждений, но и тематика сообщения. Часто сама обсуждаемая тема - накопившиеся болезненные проблемы общества - воспринимается частью общества как запретная. В связи с этим в экспертном исследовании следует различать тему высказывания и его целевую направленность, конфликтность темы и коммуникативные задачи высказывания.

II.4.3. Конфликтность темы сообщения связана с обсуждением общественно значимых действий социальных субъектов, противоречиями интересов различных групп общества и т.п. Ясное изложение доводов, которыми автор аргументирует свою позицию по конфликтной проблеме, является коммуникативной задачей высказывания. Успешная реализация этой задачи почти всегда встречает возражения сторонников противоположной (обычно доминирующей в обществе) точки зрения, сопровождающиеся недовольством или даже обидой. Вызвано это тем, что в аргументации могут быть использованы сведения, противоречащие житейским этическим смыслам, социальным мифам, привычным представлениям о морально-нравственных ценностях, закрепленных в "культурном коде" народа. Так, конфликтность темы подчеркивает мнение, выражающее отрицательную оценку личных качеств людей, умаляющее их человеческое достоинство, дискредитирующее профессиональную компетентность,

деловую репутацию. Оценочные суждения, разрушающие чьи-то надежды на лучшее будущее, отрицающие возможность профессионального развития, карьерного продвижения, также вызывают эмоциональное неприятие. Такая информация иногда передается с использованием речевых средств, обладающих негативным модусом, поэтому анализ коммуникативных задач высказывания необходимо дополнять доказательством целевой направленности высказывания. Ведь указание на факт выражения авторского мнения по конфликтной теме еще не является доказательством противоправности самого высказывания. В качестве примера приведем потенциально конфликтное высказывание В. Безобразова, в котором негативная оценка взглядов части российской интеллигенции объясняется позицией, занятой ею по вопросу о путях развития и способах управления страной:

"Каким-то невероятным, непостижимым разуму образом русское общество чьей-то волей оказалось сегодня на грани исторической параллели Февральской революции 1917 года, когда едва ли не каждый плешивый русский интеллигент знал, что нужно делать и куда идти. И путь был выбран этим интеллигентным стадом откормленных породистых свиней весьма необычный - до истерик и обмороков, до выкатывающихся из орбит глаз, до пороссячьего визга презирать свое Отечество, искренне и неподдельно желая ему всех страшных мук и потерь и даже гибели! Узколобо уверовав в придурковатую мысль, что оно, униженное, оклеветанное, преданное, втопанное в смрадную грязь, способно будет распустьись вновь бутонном свежей, прекрасной, жизнеутверждающей розы. Вместо того чтобы воссоздать, модернизировать, усовершенствовать, они возжелали все оплевать и разрушить. Что из этого вышло, какие плоды пожинала интеллигенция, следует напомнить сегодня уже нынешним кухонным умникам. Это были реки братоубийственной крови, миллионы невинных жертв, а сама в высшей степени просвещенная интеллигенция была утрамбована в грунт как содержимое выгребной ямы, а те, кому посчастливилось остаться в живых, превратились в изгнанников с волчьим билетом..." <66>.

<66> Текст взят с сайта: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/67116>.

При анализе текстов эксперт должен различать два типа фактов. Первым объединяются любые информационные сообщения, появление которых в широком доступе свидетельствует об обнародовании информации, а наличие самого текста рассматривается как объективная, информативно значимая данность, существующая в реальном мире в качестве публичного элемента объективной действительности. К информативно значимым фактам относятся: обнародованные фактические данные, положительные или отрицательные оценки чего-либо, мнения, волеизъявления и т.п. Одним словом, все те мысли, которые выразил и обнародовал автор. При таком понимании информативно значимого факта публично не распространявшаяся информация в состав объективной действительности не входит, поскольку она информативной значимостью не обладает и поэтому экспертизе подвергаться не должна.

Обнародование и распространение информационных объектов может стать информативно значимым фактом для правоохранительных органов. Объектом экспертирования обычно становятся фрагменты текста, относящиеся к социально-экономическому, политическому, межконфессиональному и межэтническому дискурсу. Тематика такого дискурса часто является потенциально конфликтной, поскольку возникает на почве несовпадения "культурных парадигм" и связана с проблемой понимания позиции другого. Различия в исходных позициях, несводимых к общей основе, способны породить этические, религиозные, социальные, культурные, межпоколенческие конфликты, вовлекающие большие массы людей. В таких случаях эксперту приходится исследовать и предметно интерпретировать содержание информационного факта с целью выявления реальных действующих лиц или референтной группы лиц <67>, обозначенных в сообщении. Для этого лингвист должен определить тему сообщения, которая в зависимости от жанра текста и типа дискурса получает специфическую интерпретацию.

<67> Заметим, что в приведенном выше высказывании В. Безобразова негативной оценке подвергается нереперентная группа лиц ("едва ли не каждый плешивый русский интеллигент").

В качестве примера рассмотрим фрагмент информационно-новостного текста: "Участники акции протеста также протестуют против поддержки, которая оказывается Москвой режиму Ахмадинежада,

выкрикивая лозунг "Смерть России!", сообщают зарубежные СМИ" <68>. Автор, указав на источник сведений, создает самостоятельное текстовое сообщение, находящееся в сфере политического дискурса. Это сообщение должно рассматриваться как целостный информационный факт. Он складывается из указания на несколько фактов второго - речевого - типа: на событие (акция протеста) и его качественные характеристики ("цель акции протеста", "содержание лозунга акции"). Тема сообщения - информация о социально-политическом событии - является потенциально конфликтной, хотя форма изложения не выходит за рамки констатирующих утверждений о реальных действиях, которые могут быть верифицированы.

<68> Текст взят с сайта: <http://vlasti.net/news/60223>.

Этот второй тип информационных фактов относится к функционально-понятийной стороне речевых действий. Речевые факты вскрываются на этапе коммуникативно-прагматического анализа текста, когда эксперт по структуре связей и отношений между предметами, по комбинациям использованных риторических функций речевых действий должен установить качественные различия между сообщениями - сообщением о фактах, выражением мнения, оценки, волеизъявления. При этом задача эксперта состоит не в том, чтобы "объяснить, о чем говорится в этом тексте", а в том, чтобы доказать, что набор и структура использованных языковых средств решают такие коммуникативные задачи, которые определяют целевую направленность текста.

Речевые факты не всегда содержат беспроблемную информацию - факты могут сообщать сведения о позитивных, негативных, опасных, угрожающих кому-либо явлениях, событиях и т.п. Мнения и оценки могут быть положительными или отрицательными, волеизъявления могут быть противоправными, закономерными, необходимыми и др. Все речевые действия, кроме изложения фактических сведений, могут быть конфликтными: реализовывать разные формы нетолерантного речевого поведения, содержать различные волеизъявления радикального характера и быть потенциальным источником конфликта между автором, объектом высказывания, частью аудитории, представителями власти и др.

Конфликтность темы сообщения отражается в **конфликтных фразах**, риторическое содержание которых может быть сведено к мнениям и оценкам. Такие оценочные суждения выражают негативное мнение о каком-либо аспекте политической, экономической, профессиональной деятельности человека (или группы людей) или негативное суждение о социальных, функциональных и личных качествах человека, определяемых его социальным, образовательным, имущественным статусом, социальной ролью, профессиональными признаками и др.

Важным признаком конфликтной фразы является использование в ней так называемого языка вражды <69>. Может показаться удивительным, но принципиальных различий между конфликтными суждениями и речевыми действиями с признаками экстремизма не замечают даже квалифицированные юристы. В качестве такого примера приведем отрывок из учебного пособия, написанного доктором юридических наук, профессором И.В. Понкиным. В этом пособии употребление слова с резко негативным модусом (быдло) интерпретируется как признак возбуждения межнациональной вражды. Ср.: "Не так давно СМИ публиковали информацию о том, что Ксения Собчак публично заявила: "Это называется "быдло". Такие вот люди называются быдлом - которые завидуют, ненавидят меня... И эта черта, кстати, свойственна именно русским, поэтому я люблю евреев", унизив тем самым человеческое достоинство русских по признаку отношения к национальности. Это заявление было направлено на возбуждение национальной вражды между русскими и евреями и не повлекло за собой какой бы то ни было ответственности К. Собчак" <70>.

<69> Понятие "язык вражды" (синоним "язык ненависти" в англ. - hate speech) широко используется в риторике различных организаций, защищающих права национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств. В настоящее время это понятие стало интегральным для слов с негативным модусом, выражающих в тексте отрицательное отношение говорящего к оппоненту - носителю иной системы национально-культурных, религиозных ценностей, политических взглядов, поведенческих установок и т.п. См. об этом: Дзялошинский И.М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные,

профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М., 2007; Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003; Кожевникова Г.В. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. М., 2005.

<70> См.: Понкин И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности: Учеб. пособие. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2011. С. 68 - 69.

Приведенный отрывок иллюстрирует едва ли не все практические проблемы, которые необходимо решать в экспертном исследовании в связи с использованием "языка вражды". Во-первых, основное конфликтогенное слово "быдло" осталось без надлежащего пояснения, что является типичным примером интерпретации цитаты в отрыве от реального контекста ("Это называется "быдло" - автор учебного пособия не сообщает, что понимается под местоимением это). Во-вторых, принудительно связываются слова, не имеющие ни синтаксической когезии, ни семантической когеренции (словосочетание эта черта, по мнению автора, понятный связано с быдлом, хотя контекст свидетельствует об ином). В-третьих, автор утверждает, что "заявление было направлено на возбуждение национальной вражды", следовательно, им характеризуется цель, которая побудила говорящего произнести эту фразу. Тем самым по содержанию отдельного фрагмента высказывания автор пособия судит о преходящих мотивах и внутренних интенциях говорящего, а не о целевой направленности полного высказывания <71>. Между тем исследование полного фрагмента интервью дает возможность автору установить реальные задачи высказывания и определить его целевую направленность. Ср.:

<71> Временные свойства "целевой направленности" не могут характеризоваться формой прошедшего времени - было направлено, поскольку являются постоянным признаком содержания текста.

[К. Собчак:] "Мне неприятно отвечать на такие вопросы! "Блюда по сто долларов", "знакомиться с миллионерами"... К чему это все? Я вообще не понимаю, откуда в вас столько ненависти ко мне? Это называется "быдло". Такие вот люди называются быдлом - которые завидуют, ненавидят меня... И эта черта, кстати, свойственна именно русским, поэтому я люблю евреев. На самом деле я очень много работаю. Я встаю в девять утра. И еду на съемочную площадку! Там пашу до четырех часов вечера" <72>.

<72> Добавим, что некорректный заголовок материала "Ксения Собчак: "Люблю евреев, потому что все русские - быдло!" не только дезинформирует читателя относительно задач и цели высказывания, но также свидетельствует и о предвзятости автора статьи (см.: <http://vlasti.net/news/60223>).

Излагаемые в настоящем пособии подходы к анализу текста позволяют не смешивать в экспертном исследовании понятий, характеризующих "язык вражды", и понятий, определяющих коммуникативно-риторические способы выражения мыслительного содержания. Разница состоит в том, что "язык вражды" характеризует форму языкового выражения, а не его мыслительное содержание. Это дает возможность, "облагородив" языковую форму (ее модус), сохранять неизменной конфликтогенность содержания речевого действия.

II.4.4. Информационный радикализм является одной из разновидностей конфликтогенности речевого действия. Под радикализмом понимается такая форма речевого воздействия, которая оказывает эмоциональное и моральное давление как на общественное мнение в целом, так и на неопределенно большую группу людей, выделяемых по этническому, конфессиональному или социальному признаку. В таких случаях информационное давление оказывается путем распространения негативного, резко критического мнения о выделяемой группе людей и их действиях, выражения уверенности в их неспособности действовать иначе. Авторы радикальных высказываний распространяют на всю выделяемую группу обобщенные оценки с негативным модусом. В информационных атаках нередко используются сведения в форме мнения, обладающего свойствами дезинформации <73>. Обычно они

требуют от какой-либо из ветвей власти немедленного вмешательства для исправления ситуации - срочного использования всех возможных легальных форм противодействия этой группе, введения экономических санкций, применения адресного правового регулирования, жесткого судебного преследования и т.п. Радикалистская информационная деятельность обычно отражает активную, нападающую позицию социально-политического или религиозного субъекта (т.е. какой-либо общественной группы), стремящегося к резкому усилению собственного влияния на социальные процессы, добивающегося каких-либо изменений в системе общественных отношений (общих или частных) при помощи политических реформ, решительной смены социально-экономического, политического курса, изменения общественных настроений, нравственного состояния общества законным путем.

<73> Дезинформация - интерпретированные или актуализированные сведения, распространяемые в целях манипулятивного воздействия на сознание слушателя путем сознательного искажения контекста, создания фиктивного контекста, предоставления неполной информации, установления ложных причинных связей между частями информации и др.

Приведем пример конфликтогенного мнения: "...пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить" <74>. В этом высказывании обсуждается тема русской ментальности. Конфликтность сообщения заключена не в теме, а в суждении о моральной ущербности всех граждан России. Автор высказывает радикальное мнение, что понятие "державность", воспринимаемое гражданами России как положительное ментальное качество, на самом деле является их нравственным недостатком, который не позволяет осознать приоритет "прав человека". Обсуждая понятие "державность", автор дает негативную оценку духовным качествам всех граждан страны, поскольку нерелевантный объект - "просвещенное человечество" - воспринимает каждого из них "нелепым соломенным пугалом" <75>. Авторское мнение о понятии "державность" и его оценка ментальных качеств сограждан ничего не сообщают слушателю о действительном положении дел, здесь автор выражает всего лишь свое личное отношение к объектам высказывания в соответствии со своими мировоззренческими установками. В данном случае автор убеждает слушателей не в истинности фактов или реальности событий, а в справедливости и обоснованности обобщающих выводов из рассуждений, основанных на собственном мнении - исходной мысли всего высказывания. Оно - исходное мнение - состоит в том, что "ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать".

<74> Из высказываний правозащитника С. Ковалева (см.: <http://za.zubr.in.ua/2010/03/15/5099/>).

<75> При назначении экспертиз тему сообщения иногда смешивают с целью сообщения. Для части правоприменителей такое различие остается сложной задачей, поскольку выражение личного оценочного мнения с параметром "хорошо-плохо" по конфликтной теме ими воспринимается как противоправное речевое действие. Для несведущих людей выражение конфликтогенного (дискредитирующего) мнения часто эквивалентно совершению экстремистского речевого действия - это довольно распространенная логико-понятийная ошибка. Эксперт обязан безошибочно различать такие случаи.

II.4.5. В отличие от конфликтогенных мнений и конфликтных высказываний **информационный экстремизм** - это форма речевого воздействия, причиняющая общественный вред путем нанесения ясно выраженного морально-нравственного ущерба объекту речевой агрессии - представителям какой-либо национальной, расовой, религиозной, социальной группы. Цель экстремистской речевой деятельности состоит в пропаганде враждебного и ненавистнического отношения к личности, агитации за насилие против личности, выражающейся в обосновании и оправдании или публичной угрозе причинения вреда здоровью, экономического или политического ущерба, в призывах к психологическому или физическому насилию, уничтожению человека или группы людей, выделяемых по изменяемым или неизменяемым признакам.

Обычно радикалистские и экстремистские политические группировки отвергают саму возможность компромиссных решений в условиях равноправного существования с другими социальными или политическими субъектами. Но для изменения существующих социально-политических отношений сторонники радикальных действий, в отличие от экстремистов, не выдвигают требований применения физического насилия к представителям какой-либо группы общества или их уничтожения. Радикалистские призывы сводятся в основном к требованию судебных преследований, законодательных ограничений на политическую деятельность представителей власти или какой-либо социальной группы, конституционному изменению общественных отношений, незамедлительной смене (перевыборам) какой-либо ветви власти, отказу от сотрудничества с властями и т.п.

В зависимости от сферы человеческих отношений, в которой возникла конфликтная ситуация, говорят об экстремистских, радикалистских (конфликтогенных) высказываниях в сфере политических, экономических, социальных (классовых), этнических, религиозных, конфессиональных, профессиональных, экологических отношений. Например, основным риторическим приемом, используемым приверженцами политического радикализма, является пропаганда тезиса о неспособности действующей власти реализовать политико-экономические полномочия, пропаганда мысли о близком крахе существующей общественно-политической системы, неизбежности установления социальной справедливости за счет изменения персонального состава во властных структурах и необходимости сурового наказания виновных в нынешней политической, экономической, экологической или любых других социально значимых ситуациях.

II.4.6. Типы речевой интерпретации действительности. Цель любого акта коммуникации - передача сообщения. В зависимости от реализуемой задачи сообщения - информирование, объяснение, пропаганда, предупреждение, агитация, развлечение, эпатаж и т.п. - могут составляться всевозможные комбинации авторского сообщения о действительности. В аспекте прагматических функций высказывания содержащаяся в сообщении информация может быть сведена к четырем типам речевых структур, отражающих особенности восприятия действительности говорящим. Эти функционально связанные комплексы, воплощаемые в речевых действиях, мотивируют подбор структурно-информационных единиц, формирующих композитное высказывание. Они существенно различаются с точки зрения способов отражения и преломления объектов реального мира, хотя основаны всего на двух характерных способностях человеческого сознания: способности сознания быть направленным и постигать какой-либо реальный объект вне себя (интенциональность мышления) и способности сознания постигать самое себя и внутреннее состояние, чувства, эмоции (рефлексивность мышления). Выделим познавательные критерии определения типа речевой структуры по особенностям содержащейся в нем понятийной информации, отражающей и преломляющей объекты внеязыковой действительности.

1. Тип речевого действия, который соответствует рационально-когнитивному, эпистемическому типу освоения информации, можно назвать фактом. Любое речевое действие есть результат отражения и переработки данных чувственного опыта, но в отличие от других речевых действий в качестве фактов представляет реально свершившиеся или закономерно повторяющиеся события, познанные характеристики объектов, обладающие свойствами материальности, отношения и зависимости объектов, существующих в природе.

При анализе речевой практики сообщение о факте можно рассматривать в онтологическом (не зависящем от сознания) и логико-гносеологическом планах. В плане онтологии фактами являются любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. Такие факты проверяются инструментальными средствами технических экспертиз.

В логико-познавательном плане фактами называют обоснованное знание, полученное путем описания отдельных фрагментов реальной действительности, ограниченных определенным континуумом. Факты формируют ту часть общественного знания, которая представляет в сознании (репрезентирует) опыт познания конкретных явлений действительности. При таком подходе фактами признаются элементы системы знаний, которые, будучи выражены средствами естественного языка, воплощают онтологические факты. Они формируют ту часть общественного знания, которая представляет (репрезентирует) в сознании опыт познания конкретных явлений действительности.

Для лингвистических экспертиз факты - это констатирующие утверждения о связи объектов и явлений действительности, сообщения о данных опыта, практики, участниками которых являются одушевленные и

неодушевленные объекты, сведения о количественных, а также интенсивностных характеристиках объектов, воспринимаемых органами чувств, или их пространственно-временных свойствах. В рациональном типе информации закономерные характеристики предметов внешнего мира согласованы со знанием законов природы, поэтому факты существуют в сознании людей как системное выражение законов реального мира.

По сути дела любое речевое действие-факт есть утверждение об истинности или ложности изменений и зависимостей объектов, существующих в физической реальности, связей их предметных характеристик и физических признаков. Они могут быть подтверждены чувственным, эмпирическим опытом восприятия проявляемых признаков предметно-вещественных объектов, поэтому ответственность за изложение сведений в форме фактов лежит на авторе сообщения, а соответствие этих сведений действительному положению дел можно проверить на истинность или ложность.

Эксперт должен помнить, что онтологическая и логико-познавательная верификация информации этого типа является специальной процедурой, выходящей за пределы лингвистического исследования. Лингвист обязан установить наличие в высказывании констатирующих утверждений, которые имеют понятийные свойства факта, а подтвердить их соответствие действительности должен специалист в той области, к ведению которой относятся эти онтологические факты (исторические, социальные, религиоведческие, психологические, политические и т.п.).

Способность факта к верификации не отменяет возможность использования при его речевом воплощении слов с оценочным модусом. В этом случае констатация фактического события дополняется сведениями об отношении говорящего к событию. Фактические сведения (вне зависимости от наличия оценочного модуса) могут быть негативными, нейтральными, позитивными. Обнародование информации, негативно характеризующей лицо или группу лиц, вызывает конфликт интересов, поскольку способно подорвать их авторитет и доверие к ним. Если информация соответствует действительным фактам, то такая информация позорит характеризуемое лицо или группу лиц. Если распространяемые негативные сведения не соответствуют реальности, то это порочащая информация.

2. Мнением будем называть речевое действие, воспроизводящее качественный, прагматический тип освоения и переработки информации. Его используют для интерпретации действительного положения дел путем замены фактической, конкретной характеристики объекта, которую можно проверить внешним для языка способом, на производную от нее характеристику, зависящую от правильности или ошибочности результатов обобщающего интуитивного осмысления качественных сторон объекта речи. Мнения - это этические суждения о качественных сторонах отношений, событий, действий, характеризующие сведения, выражающие личное отношение человека к качественным связям объектов (явлений, событий и т.п.), основанное на интуитивном восприятии, ощущении, субъективном представлении о значимости (важности, целесообразности, эффективности, полезности, моральности, нормативности, нравственности, достоверности) и соответственно о степени влияния объекта суждения на социально-политические, экономические, культурные, интеллектуально-ментальные процессы. Мнения составляют ту часть содержания высказывания, которая выражает представления говорящего об интуитивно выявленных и осознанных им ценностных характеристиках объективных качеств объекта речи (в противопоставлениях типа "правильно-неправильно", "справедливо-несправедливо", "рационально-нерационально").

Мнения не подлежат проверке на истинность или ложность. Они формируют качественно-характеризующую часть индивидуального знания, признаваемого правильным, справедливым, рациональным, если они обобщают достоверные факты и подтверждаются как интуитивными ощущениями, так и собственными обобщающими интерпретациями слушателей. Обнародование мнения, согласно действующей **Конституции** РФ, защищается положением о свободе слова. Однако право на выражение собственного мнения не должно использоваться в целях пропаганды вражды и ненависти, социальной агрессии и насилия.

3. Оценка как тип речевого действия воспроизводит экспрессивно-прагматический, аксиологический тип восприятия и преобразования имеющейся информации. Оценочные речевые действия ничего не сообщают о признаках самих предметов оценки - они выражают личное отношение говорящего к объекту, сформированное как обобщение проявляемых качеств предмета речи. Оценка возникает как "факт" индивидуального сознания, она составляет ту часть вероятностного знания, которая характеризует

ценностное отношение говорящего к объекту речи, реализуемое в противопоставлениях типа "хорошо-плохо", "лучше-хуже", и формирует экспрессивно-оценочную часть высказывания, не существующую отдельно от объективных признаков предмета оценки.

Оценки используются для выражения квалифицирующих мнений, выражающих эмоциональную реакцию и отражающих личное обобщающее суждение человека об отличительных признаках какого-либо объекта, факта (в явном или неявном сопоставительном сравнении с другим в чем-то похожим объектом, явлением с точки зрения эффективности, полезности, вредности и пр.). Резко отрицательная оценка личных качеств человека, выраженная в неприличной форме, унижает его достоинство и оскорбляет нравственное чувство слушателей.

4. Речевое действие, воспроизводящее регулятивно-качественный, деонтический тип организации информации, будем называть волеизъявлением. Информация, представляемая в форме волеизъявления, используется для формирования регулятивно-управляющей части содержания высказывания, целью которого является агитационное управление волевыми, осознанными действиями адресата для побуждения его к активной деятельности и достижению целей, устанавливаемых говорящим. Специфика речевого действия этого типа состоит в том, что предикат волеизъявления обозначает возможное, еще не реализованное событие, действие или процесс. Это высказывание, в котором говорящий воздействует на адресата формой и содержанием предиката с подчиненными ему компонентами фразы. К данному типу речевых действий относятся разнообразные приказы, указания, постановления, инструкции, наставления, советы, призывы, лозунги, обещания, угрозы, клятвы, требования, вопросы, пожелания. Выражение волеизъявления, мотивированного целевым желанием говорящего (с различной мерой модальности: "могу-хочу-надо"), является коммуникативной задачей, а управляющее воздействие этого высказывания является целевой установкой действия данного типа. Являясь одной из специализированных разновидностей выражения мнения, волеизъявления используются в агитационных высказываниях для побуждения адресата к самостоятельным действиям.

Определение типа речевого действия по его структурно-информационным признакам позволяет на этапе синтеза полного высказывания вскрывать и обосновывать реализацию коммуникативного задания, состоящего из двух взаимосвязанных частей: задач и целей выделяемого фрагмента текста.

II.4.7. Коммуникативные задачи высказывания заложены в исходной посылке, т.е. в утверждении, суждении автора, истинность или обоснованность которого он доказывает в аргументирующей части высказывания. Содержание коммуникативной задачи высказывания соответствует ответам на вопросы: "Какую мысль обосновывает автор?", "Как автор обосновывает свою мысль?", "Как автор характеризует внеязыковую ситуацию?", "Какое мнение автор представляет как правильное?", "Какие оценки дает автор предмету речи?", "В чем автор пытается убедить аудиторию?", "К чему призывает автор?". Коммуникативная задача соотносится с общей темой высказывания и состоит в ясном изложении какой-либо точки зрения, обосновании какого-либо мнения, в понятном выражении авторской оценки кого-либо или чего-либо. Коммуникативные задачи решаются путем установления когерентных связей между структурными элементами высказывания. В структуре композитного высказывания можно выделить несколько коммуникативно-тематических элементов, которые при условии когерентности их понятийных признаков образуют взаимосвязи:

- актуализация проблемы, обозначение темы;
- характеристика субъекта и объекта проблемы или участников ситуации;
- аргументация важности решения проблемы;
- прогнозирование развития ситуации для субъекта и объекта;
- предложение по решению проблемы.

При определении задач высказывания необходимо выделить исходную мысль, содержащую актуальную для говорящего проблему. В риторической конструкции высказывания исходная мысль (посылка) занимает автономную, наиболее независимую позицию, к которой примыкают обосновывающие ее доводы и вывод. Вывод является самым зависимым структурным компонентом высказывания.

Компоненты высказывания могут характеризоваться как по способу речевого воплощения информации о реальности, так и по особенностям функционального использования языковых средств, а именно:

- по особенностям формирования экстенционалов объектов и отражения структуры денотативной ситуации внеязыковой действительности (факты, фактоиды);
- по характеру представления сигнификативной структуры восприятия внеязыковой действительности (мнения);
- по особенностям выражения авторского отношения к внеязыковой действительности (оценки, волеизъявления).

В целом коммуникативные задачи высказывания сводятся к обоснованию, пояснению какой-либо мысли, одобрению, осуждению, оправданию каких-либо состоявшихся или планируемых действий, событий. Например, в тексте настоящей методики реализуется коммуникативная задача обоснования способов и приемов лингвистического анализа текста.

II.4.8. Целевая направленность высказывания содержится в ответах на вопросы: "Для чего обнародован этот текст?", "Что хотел сказать автор?", "Какой вывод из сказанного предлагает сделать автор?". Понятийно-риторическая структура высказывания складывается как результат целевой причинности коммуникации. Свои коммуникативные цели автор воплощает в таких риторических конструкциях, которые интегрируют речевые задания каждого отдельного предложения в интенциональную связность всего высказывания. Наиболее полно целевая направленность высказывания раскрывается в тематическом соотношении и понятийно-риторической связи авторских выводов с исходными суждениями высказывания и доводами, призванными убедить адресата в правильности и приемлемости утверждений, формирующих, уточняющих или поддерживающих его мнение относительно свойств и качеств объекта высказывания. Факт наличия в содержании высказывания такой соотношенности вскрывается путем неоднократного установления понятийного единства объекта риторического высказывания и объекта характеристик, которые даются в высказывании. В свою очередь понятийно-риторическая связь коммуникативных задач и целевой направленности свидетельствует об интенциональных установках высказывания.

Интенциональные установки речевой деятельности можно свести к двум типам: информационному (сообщить факты, передать знания о чем-либо, научить каким-либо действиям, предупредить об ожидаемых или возможных событиях) и регулятивному (оказать управляющее воздействие на поведение людей, склонить аудиторию принять какую-либо точку зрения, признать обоснованным высказанное мнение, побудить адресата предпринять какие-либо действия). Реализованная в тексте интенциональность и есть целевая установка высказывания.

В зависимости от жанровых особенностей текста целевая направленность может быть выражена по-разному. В текстах с преобладанием установки на сообщение фактических сведений качественно-характеризующий и экспрессивно-оценочный компоненты содержания высказывания практически отсутствуют или используются как вспомогательные средства. Например, в тексте руководства по изготовлению и применению кустарных взрывных устройств, содержащем определенные фактические сведения и инструкции, реализуется задача последовательного и полного описания необходимых действий, а целевая установка текста - обучение правильному использованию и безотказному применению этих устройств (в том числе и с возможными противоправными целями). При этом исследование побудительных мотивов, причин и целей, по которым автор написал, а читатель прочитал такое руководство, не может быть задачей экспертизы текста.

В текстах литературно-художественных и публицистических жанров высказывания с качественно-характеризующим и экспрессивно-оценочным компонентами содержания целенаправленно используются для убеждающего воздействия на аудиторию. Вопрос о том, насколько автор искренен в выражении эмоций или они имитируются, для целей и результатов экспертного анализа текста представляется несущественным. Важным является то, что качественные, экспрессивные оценки используются авторами как действенный прием усиления, укрепления или изменения взглядов аудитории. Эмоционально-аффективная провокация аудитории является одной из реализаций регулятивной установки

автора высказывания, подтверждающей коммуникативные задачи и целевую направленность текста, поэтому эксперт, установив наличие эмоциональных коннотаций в тексте, должен указать ту часть диктума, которую говорящий дополняет прагматической информацией. Именно модусные компоненты языковых средств, выражающие личное отношение автора к теме сообщения, позволяют эксперту делать выводы относительно задач и целей, выраженных в содержании высказывания.

В целом регулятивные установки убеждающих высказываний сводятся к пропаганде каких-либо взглядов, мнений, знаний или к агитации, направленной на побуждение, призыв, подстрекательство к каким-либо действиям. Например, в тексте настоящей методики реализуется целевая установка на пропаганду лингвистического подхода к анализу текста, а в качестве примеров исследуются качественно-характеризующий и экспрессивно-оценочный типы сведений об объектах высказывания.

II.5. Толкование понятий, входящих в состав юридической терминологии.

Содержание экстремистских материалов внедряет в сознание аудитории убеждение в нравственной обоснованности, справедливости применения физического или психического насилия в отношении любого человека лишь на основании его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Любое из высказываний с подобным содержанием противоречит как морально-нравственным нормам, составляющим ценностную систему общества, так и законодательным положениям, в которых нашли отражение такие нормы. Следовательно, информационные материалы с признаками оправдания, одобрения, побуждения, призыва к экстремистской или террористической деятельности связаны понятийно-риторическими отношениями однородности с содержанием статей законов РФ, направленных на пресечение такой деятельности, и контрастными отношениями с морально-нравственными нормами. Так, норма, запрещающая унижать национальное достоинство или оскорблять религиозные чувства, соотносена с морально-нравственными запретами на возбуждение социальной вражды, правовая норма, запрещающая побуждение, призывы к экстремистским действиям или оправдание, одобрение террористической деятельности, согласована с императивным запретом на проявления жестокости, насилия к невиновным и т.п.

II.5.1. Речевыми действиями, нарушающими равноправие граждан и вызывающими антагонизм между группами населения, являются публичные пропагандистские или агитационные высказывания, направленные на возбуждение социальной, национальной, расовой или религиозной вражды, пропаганду ненависти, призывы к насильственным действиям как против групп общества, выделяемых по определенным признакам, так и против отдельных представителей этих групп. Результат таких действий состоит в нанесении обществу морально-нравственного, идеологического и политического ущерба путем воздействия на сознание слушателей провокационной, подстрекательской информацией. Признак публичности речевых действий сохраняется и при передаче устных, письменных или аудиовизуальных сообщений с использованием средств массовой информации (периодическая печать, радио, телевидение) и средств массовой коммуникации (листовки, интернет-форумы и блоги, СМС-сообщения).

II.5.2. Неприязненное, враждебное отношение проявляется в поведении, в действиях людей различными формами выражения и способами демонстрации нетерпимости к другим людям. Неприязненное, враждебное отношение как одно из проявлений экстремизма обычно вызвано противоречием, конфликтом (действительным или мнимым) между различными социальными группами. Применительно к текстам обсуждаемых законов под **социальными группами** здесь понимаются совокупности людей с устойчивым или изменяемым составом, имеющие общие биологические, национально-культурные, профессионально-функциональные и иные общественно значимые признаки.

Среди социальных групп, во-первых, выделяются такие общности людей, в которые их объединяют общие расовые, этнические, национально-культурные признаки, включая религиозно-конфессиональные. Эти признаки имеют одну особенность - они неизменяемы, присущи человеку от рождения. Поскольку национально-культурные и религиозно-конфессиональные признаки человек получает в детские годы, они формируют основы его мировосприятия, его личность и поэтому не зависят от его воли и личного желания <76>. Обычно люди оказываются крайне уязвимыми к проявлению неприязненных чувств, вызванных их принадлежностью к группам, выделяемым по таким признакам. Неприязненные, враждебные чувства к таким группам людей проявляются в высказываниях с целевой установкой на пропаганду наличия отрицательных личных качеств или враждебных, злонамеренных действий, якобы присущих всем

представителям данной группы, а также на формирование негативного отношения ко всем представителям этой группы или обоснование необходимости осуществления противоправных насильственных действий в отношении любого представителя группы.

<76> Религиозно-конфессиональный признак относится к категории неизменяемых на том основании, что он является устойчивым, часто этнически (национально) обусловленным и получаемым, как правило, в младенческом возрасте. Отдельные случаи изменения конфессиональной принадлежности в зрелом возрасте никак не влияют на устойчивость и неизменяемость этого признака применительно к группе в целом.

Во-вторых, выделяются социальные группы, объединяемые по изменяемым функциональным, общественно значимым признакам - по общим социально-групповым, классовым, партийным интересам, по общественно-политическим взглядам, властным полномочиям, социальному статусу, профессиональной и любительской деятельности, месту работы, уровню доходов и по многим другим устойчивым или окказиональным дифференциальным признакам. Группы с такими признаками также подлежат юридической защите в соответствии с положениями **Конституции РФ, ст. 280, 282 УК РФ и Закона** о противодействии экстремистской деятельности. К высказываниям с целевой направленностью на разжигание социальной розни, возбуждение социальной ненависти или вражды к представителям групп, выделяемых на основании изменяемого признака, можно отнести лишь те высказывания, в которых автор устанавливает целевую причинность между наличием отрицательных личных качеств, присущих якобы любому представителю выделяемой группы, и результатами деятельности этой группы, оцениваемыми как преступные, злонамеренные, аморальные, приносящие осознанный вред обществу и т.п. <77>. В этом случае автор объясняет негативные, вредные результаты действий выделяемой группы лиц не низким уровнем профессиональной подготовки, квалификации или отсутствием мотивации к достижению позитивных результатов, а ущербными морально-нравственными качествами личности всех людей, составляющих эту группу.

<77> Такие признаки речевой деятельности, как призывы к насилию (в форме агитации и пропаганды), к убийству людей, выделяемых по неизменяемым или изменяемым социальным признакам, всегда рассматриваются как противозаконные речевые действия.

II.5.3. Мотивом враждебных, ненавистнических действий, реализующимся в текстах с коммуникативными признаками экстремизма, служит предубеждение - неприязненное чувство, которое говорящий испытывает к людям иной расовой, этнической, национальной, религиозной, конфессиональной принадлежности. Предубеждения против какой-либо социальной группы обычно вызывают у человека эмоциональный дискомфорт, чувство тревоги и как следствие неприязнь к представителям такой группы. Одним из источников, формирующих предубеждение, являются отрицательные стереотипы, сложившиеся в обществе относительно той или иной группы людей, об их культурных традициях, мировоззренческой, поведенческой, социально-коммуникативной практике. Невозможно априорно утверждать, что любое прочно устоявшееся мнение о какой-либо группе лиц обязательно ошибочно, - вероятно, некоторая часть выделяемой группы будет соответствовать стереотипу. Однако можно утверждать без всяких дополнительных условий, что распространение стереотипа на каждого представителя такой группы обязательно будет ошибочным.

Если в основе высказывания лежит предубеждение, то оно формирует соответствующую коммуникативную ориентированность речевых действий. Определение авторской цели обнародования текста выходит за рамки задач экспертного исследования, поскольку они никак не связаны с функционально-прагматической направленностью содержания текста, а сводятся к удовлетворению социальных, политических, экономических, творческих или иных интересов автора.

Цель экспертизы - установить, реализованы ли в тексте функционально-прагматические признаки тех речевых действий, которые квалифицируются законом как экстремистские. Специальное доказывание наличия авторского умысла на разжигание национальной, религиозной розни не входит в компетенцию

эксперта, так как умысел <78> на преступление (прямой или косвенный) устанавливает суд. Целевая направленность речевых действий определяется исключительно языковой (т.е. понятийно-семантической и риторической) выраженностью потенциала морально-нравственного воздействия на мнение слушателей, текстовой реализацией установки на формирование в сознании слушателей определенного мыслительного результата. Ключевая проблема, которую обязан доказательно и объективно решить эксперт, заключается в определении способов языкового воплощения в тексте понятийно-риторического содержания, носящего человеконенавистнический, противоправный характер. Эксперт должен обладать специальными познаниями, чтобы выявить и охарактеризовать информационные факты, свидетельствующие о содержательной направленности речевого действия, но умысел действий автора, т.е. причины его действий, его мотивацию, можно выяснить в ходе следствия внешними для лингвистического анализа методами.

<78> Доказать "прямой умысел действий" - значит установить, что виновный осознавал направленность своих действий, обращенных именно на возбуждение национальной вражды, и желал совершить такие действия.

II.5.4. Полным композитным высказыванием, имеющим необходимые понятийно-содержательные **признаки враждебных речевых действий**, способных вызывать общественно опасные последствия, является высказывание, в котором автор присваивает всем представителям определенной группы негативные признаки, отрицательные свойства или враждебные намерения и поэтому считает необходимым ограничение их законных прав и свобод и (или) осуществление в отношении их противоправных или насильственных действий. Направленность речевого действия на вредные последствия определяется путем исследования содержания рассуждений, реализуемых в одной из возможных комбинаций понятийно-риторической схемы: исходная посылка - обоснование - вывод.

Понятия "ненависть", "неприязнь", "вражда", "рознь" являются базовыми для понятийного аппарата экспертной работы. Обычно эти слова используются в качестве названий различных оттенков недружественных взаимоотношений, но в согласии с позицией [ст. 282 УК РФ <79>](#), в которой эти понятия разделяются, можно выделить понятийные различия, позволяющие в целях более точной интерпретации различных случаев употреблять их с самостоятельными смысловыми нагрузками.

<79> [Статья 282 УК РФ](#) "Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства" предполагает три различающихся способа реализации квалифицирующего признака: 1) возбуждение ненависти; 2) возбуждение вражды; 3) унижение достоинства.

Выражение ненависти, реализующееся в форме мнения, следует отличать от разжигания ненависти, воплощенного в пропагандистском композитном высказывании. Этическое, нравственное обоснование чувства неприязни к людям, выделяемым на основании их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, являясь коммуникативной задачей высказывания, содержит необходимые и достаточные признаки противоправного речевого действия. Целевая направленность таких высказываний состоит в пропаганде мысли о том, что чувство неприязни является справедливым и обоснованным чувством в отношении всех лиц, выделяемых по неизменяемым (физическим) или изменяемым (социальным) признакам.

Понятия "возбуждение" и "разжигание" ненависти или вражды, так же как и "оскорбление" или "унижение" чувств граждан, их чести и достоинства, относятся к числу судебных квалификаций (т.е. к числу юридически установленных фактов), поэтому их не следует использовать в выводах экспертного исследования. Эксперт должен обосновывать и доказывать наличие в тексте понятийных признаков, характеризующих понятия "возбуждение розни", "разжигание вражды", а также уметь подтверждать это с помощью процедур функционально-прагматического анализа и понятийно-риторического синтеза структуры фрагментов текста.

Для обоснования наличия в высказывании признака разжигания ненависти, вражды необходимо, во-первых, установить стороны неприязненных отношений; во-вторых, охарактеризовать выделяемые

признаки объекта неприязни; в-третьих, установить задачи и цели высказывания.

Квалифицирующий признак разжигания вражды, ненависти проявляется в таком агитационном воздействии, которое способствует формированию у слушателей мнения об оправданной необходимости совершения насильственных действий, направленных на причинение вреда здоровью, ущемление законных прав и интересов всех лиц, выделяемых по признаку расы, происхождения, языка, культуры, быта, религии <80>.

<80> Такие агитационные действия обычно осуществляются от имени конкретного социально-политического субъекта (партии, общественного объединения и т.п.) либо от имени неопределенного субъекта (типа "все мы", "каждый из нас" и т.п.).

Например, автор сообщает слушателям о фактах (или фактоидах), свидетельствующих об оскорбительных, пренебрежительных, враждебных, агрессивных и тому подобных действиях одной социальной группы в отношении другой группы, объясняя эти факты злонамеренностью, присущей всем представителям первой группы, и призывает слушателей дать справедливый твердый отпор, чтобы наказать виновников агрессивных действий. В этом случае эксперт может сделать вывод, что коммуникативной задачей высказывания является обоснование мнения о сознательном причинении одной группой лиц вреда всем другим группам населения, а его целевая направленность состоит в агитации к совершению противоправных насильственных действий в отношении выделяемой группы.

Другой возможный вариант противоправного высказывания реализуется в понятийно-риторической конструкции, в которой автор высказывает мнение о наличии у какой-либо социальной группы негативных моральных качеств, свойств, пороков, проявляемых в поведении, подтверждает свое мнение соответствующими фактами (или фактоидами) и делает вывод о закономерности совершения враждебных действий в отношении любого представителя этой группы.

Квалифицирующий признак возбуждения розни, ненависти (социальной, расовой, национальной или религиозной) рассматривается как пропагандистское воздействие на мнение слушателей. Возбуждение вражды или розни является коммуникативным результатом высказываний, обосновывающих необходимость враждебного отношения ко всем лицам, выделяемым по изменяемым или неизменяемым признакам.

Коммуникативной задачей такого высказывания является обоснование мнения о том, что группа лиц, выделяемая по неизменяемым признакам, испытывает крайне враждебные чувства к той группе лиц, к которой говорящий относит и себя. Враждебные чувства выделяемой группы лиц являются необоснованными, немотивированными, поэтому слушатели должны быть крайне осторожными в отношениях с ее представителями, должны объединиться, чтобы наказать и победить зло, и т.п. Целевая направленность таких высказываний может варьироваться начиная от пропаганды необходимости неприязненного отношения ко всем представителям выделяемой группы, необходимости срочных ответных действий и кончая прямыми призывами к насилию.

В качестве примера, иллюстрирующего подобный тип высказываний, приведем краткое содержание анонимной статьи "Крах четвертого рейха, или Скотобаза - на кол!". В ней автор обвиняет евреев в злонамеренных действиях против русского народа, а также в их причастности к нацистским преступлениям. Эти суждения становятся аргументами для авторского вывода о необходимости враждебного отношения к евреям, сопровождающегося призывами к изъятию у евреев имущества, в том числе с применением насилия. В частности: "Нам кажется достаточно доказательств для утверждения, что сегодняшний РУССКИЙ живет в стране, оккупированной его же убийцами. Выход из этой жутки видится лишь в индивидуальных действиях решительных и отважных". Результаты функционально-прагматического исследования текстовых фрагментов этой статьи, соответствующих полным композитным высказываниям, позволяют эксперту дать ответы на следующие вопросы:

Вопрос 1. Содержится ли в представленных на исследование материалах пропаганда превосходства или неполноценности граждан по признаку принадлежности к расе, национальности, религии или социальной группе?

Ответ на вопрос 1. В представленных на исследование материалах не содержится речевых признаков пропаганды превосходства или неполноценности граждан по признаку принадлежности к расе, национальности, религии или социальной группе.

Вопрос 2. Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания, обосновывающие необходимость враждебного, неприязненного отношения к людям в связи с их расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежностью?

Ответ на вопрос 2. В представленных на исследование материалах содержатся высказывания, обосновывающие необходимость враждебного, неприязненного отношения к евреям.

Вопрос 3. Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания, обосновывающие или оправдывающие необходимость совершения противоправных насильственных действий в отношении лиц, выделяемых по признаку принадлежности к расе, национальности, религии или социальной группе?

Ответ на вопрос 3. В представленных на исследование материалах содержатся высказывания, обосновывающие необходимость совершения противоправных насильственных действий в отношении евреев.

Вопрос 4. Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания, призывающие к совершению противоправных насильственных действий по отношению к лицам, выделяемым по признаку принадлежности к расе, национальности, религии или социальной группе?

Ответ на вопрос 4. В представленных на исследование материалах содержатся высказывания, призывающие к изъятию имущества у евреев, в том числе высказывания, обосновывающие применение насилия.

Сообщение о личном неприязненном отношении к части людей, выделяемых на основании их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, должно рассматриваться как выражение мнения, которое само по себе может быть конфликтным, но не противоправным <81>.

<81> Конституционное право на свободу слова позволяет выражать свое мнение. При этом высказывание, состоящее из конфликтного мнения и его обоснования в форме мнения (фактоида), может быть конфликтным.

Возбуждающими рознь, ненависть и разжигающими вражду, ненависть называются высказывания, коммуникативной задачей которых является опорочение какой-либо социальной группы с целью оправдания совершения противоправных действий или побуждения к этим действиям. В таких высказываниях фактические данные используются с искажением субъектно-объектных отношений и нарушением количественных пропорций ("они все действуют против нас"). Ложность, фиктивность сведений, искажения в изложении фактов сочетаются с негативными (уничжительными, оскорбительными) оценками всей группы и негативными мнениями о целях деятельности и причинах поступков этой группы.

Различие в понятиях "разжигать вражду" и "возбуждать вражду" можно усмотреть в том, что "разжигают" вражду к кому-либо для последующих агрессивных действий против них, а "возбуждают" вражду для обоснования либо оправдания необходимости негативного отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

Для того чтобы суд мог квалифицировать высказывание в качестве юридического факта разжигания вражды и ненависти, требуется доказать, что автор интерпретировал реальную ситуацию или событие как причину такого социального конфликта между "плохой социальной группой" и остальной частью общества, который невозможно разрешить без ответных агрессивных действий.

Для обоснования наличия признака разжигания розни, вражды лингвисту требуется доказать речевое воплощение призыва, побуждения слушателей к совершению противоправных действий, необходимость

которых обосновывается говорящим, против любого представителя выделяемой группы. Если в высказывании сообщаются какие-либо факты, то они, при необходимости, должны удостоверяться специалистами в соответствующей области знаний. Если факты были искажены или подверглись неоправданному обобщению, то это может служить одним из объективных доказательств агитационной направленности умозаключений автора, призывающих к противоправной деятельности.

Таким образом, квалифицирующий признак разжигания розни, вражды реализуется в форме агитационного воздействия на поведение слушателей, побуждающего их на ответные действия. В противоположность ему признак возбуждения ненависти, розни реализуется обычно в форме пропагандистского воздействия на эмоциональное состояние аудитории.

Признак "возбуждение розни" наличествует в высказываниях, в которых утверждения о национальном, религиозном, расовом превосходстве или исключительности одной группы противопоставляются мнению о генетической, биологической, социальной, нравственной ущербности или порочности всех представителей другой группы, выделяемой по признаку принадлежности к какой-либо расе, нации, религии. Такие высказывания, как правило, имеют целевую установку на социальную, политическую или экономическую дискриминацию всех представителей группы, поскольку характеризуют их как ущербных, низших, недостойных равных прав людей.

Унижение национального достоинства и религиозного чувства реализуется путем распространения высказываний (о культуре, обычаях, психологических особенностях, верованиях, исторических событиях, документах и символах, входящих в число национальных или религиозных ценностей), обосновывающих либо оправдывающих необходимость враждебного, неприязненного или презрительного отношения, а равно отрицающих социальную значимость, этнокультурную ценность группы людей, выделяемой по признаку происхождения, расы, языка, культуры, быта, религии.

II.5.5. Коммуникативные задачи и целевая установка речевых действий экстремистского толка.

Между реализацией задач высказывания, с одной стороны, и направленностью речевого действия - с другой, существует тесная связь. Речевые действия с коммуникативными признаками экстремизма (или высказывания экстремистского толка) характеризуются сочетанием специфических коммуникативных задач и выраженной целевой установкой их автора - между ними возникают отношения целевой причинности. Это когда задачи характеризующего выделения (экспликации) главного объекта высказывания связаны с необходимостью обоснования причин такого способа описания референта.

Коммуникативные задачи экстремистских речевых действий реализуются:

- в высказываниях, обосновывающих, одобряющих, оправдывающих правомерность и справедливость ненавистнического, враждебного, нетерпимого, неприязненного отношения к лицам, выделяемым по признаку расы, происхождения, языка, культуры, быта, религии;

- в высказываниях, формирующих мнение о необходимости и правомерности использования насильственных действий, направленных против отдельной личности как представителя социальной группы;

- в призывах к изменению сложившейся ситуации путем насильственных действий, направленных против любого представителя какой-либо социальной группы;

- в призывах к физическому уничтожению людей в связи с их идеологическими, политическими взглядами или социальной принадлежностью.

Целевой направленностью или целевой установкой таких высказываний является:

- пропаганда взглядов, обосновывающих, одобряющих, оправдывающих правомерность враждебного, нетерпимого, неприязненного отношения к лицам, выделяемым по признаку расы, происхождения, языка, культуры, быта, религии;

- пропаганда убеждения в наличии отрицательных качеств и пороков, присущих любому человеку из группы лиц, выделяемой по национальному, религиозному, социальному признаку или по признаку

происхождения;

- агитация, направленная на изменение политического строя, обострение социальной ситуации в стране путем агрессивных, насильственных действий против лиц, выделяемых по признаку расы, происхождения, языка, культуры, быта, религии;

- агитация с использованием лозунгов, призывов, побуждающих (провоцирующих, подстрекающих) слушателей к агрессивным, насильственным действиям против социальных групп, одобряющих такие действия.

Для решения перечисленных задач и достижения цели высказывания в тексте используются риторические конструкции убеждающего воздействия на мнение слушателей. Коммуникативные задачи высказывания могут осложняться указанием на условия, влияющие на возникновение причины и определяющие способ действия причины. Например, если автор указывает на одно явление как на обоснование или оправдание другого явления, то части такого высказывания связаны обуславливающими понятийно-риторическими отношениями, в которых могут быть реализованы любые типы причинно-следственных связей, детерминированные определенными условиями (внутренними, внешними, волевыми, неволевыми, приспособительными, взаимозависимыми и др.). Если автор указывает на необходимость совершения каких-либо действий для достижения требуемого результата, то части такого высказывания объединяются целевой связью (способ - результат, средство - цель).

Реализация целевой установки высказывания заключается в обосновании целесообразности, справедливости, правомерности установления понятийной предикативной связи между объектами композитного высказывания. Целевая установка высказывания соотносима с представлениями о конечной цели аргументатора, которая заключается в том, чтобы добиться согласия аудитории не только с выдвигаемыми утверждениями, но и с приводимыми доказательствами и (или) обоснованиями. Ведь, соглашаясь с ними, слушатель конвертирует "чужой" интуитивно-ценностный тип информации в "свой" логико-рациональный, эпистемический тип информации.

Целевая направленность высказывания на пропаганду чего-либо, агитацию за что-либо, а также коммуникативно-риторические конструкции смешанного (агитационно-пропагандистского) типа вскрываются с использованием процедур функционально-прагматического исследования текста.

Цель пропаганды - убедить, заставить слушателей поверить в справедливость, обоснованность, этическую ценность авторских утверждений относительно излагаемых социально-политических, мировоззренческих, религиозных, морально-нравственных идей или моделей нормативного социального поведения. При пропаганде в качестве обоснования исходного положения обычно используются фактоиды, т.е. такие обобщенные суждения (с квантором всеобщности), в которых характеристики объектов речи могут быть верифицированы лишь частично. В противоположность им факты или фактическая аргументация (т.е. такая, в которой используются суждения, истинность которых верифицируется путем сопоставления с реальностью) в пропагандистских высказываниях встречаются реже.

Задачей пропагандистских высказываний, которые могут быть признаны экстремистскими, является эмоциональное воздействие на аудиторию путем распространения сведений, негативно характеризующих группу людей, с целью формирования положительного (одобрительного) отношения к потенциально возможным противоправным действиям. По этому критерию пропаганду каких-либо идей, взглядов, убеждений необходимо отличать от публичного выражения мнения, которое само по себе не является пропагандой. Аналогично пропаганду каких-либо моделей, способов поведения, а равно пропаганду приемлемости идей, ассоциируемых с предметами (в том числе с предметами нацистской или схожей с ней атрибутики и символики) необходимо отличать от их публичного демонстрирования, не содержащего мировоззренческой пропаганды. Публичное демонстрирование соответствующих предметов или каких-либо действий может носить сугубо информационный характер и преследовать цель достоверного отражения фактов действительности (например, демонстрирование нацистской символики, описание способов изготовления наркотического средства, техники патолого-анатомического вскрытия трупов в учебных или исследовательских целях, новостные сообщения и репортажи с мест преступлений, катастроф, аварий). Кроме того, изложение определенных взглядов или демонстрирование образцов поведения может сопровождаться их негативной оценкой и использоваться как отрицательный пример, т.е. служить элементом пропаганды, формирующей позитивное восприятие прямо противоположных идей и моделей

поведения.

С помощью пропаганды в сознание людей внедряется убеждение, что наличие определенных свойств, качеств какого-либо объекта объясняется теми причинами, о которых сообщает говорящий. Пропаганда продуцирует в сознании слушателей устойчивую обуславливающую связь между объектом и его качественными характеристиками. Пропагандистские цели высказывания решаются с использованием понятийно-риторических структур типа: поскольку существует группа людей... [качественная характеристика объекта речи], то в отношении ее будет справедливым... [враждебное отношение к группе лиц].

Элементом пропаганды может выступать **агитация**, поскольку понятийно-риторические свойства агитации часто близки к пропаганде. Различаются они целью воздействия на слушателя. Целевая установка агитации - внушить адресату мысль о необходимости действовать так, как считает нужным говорящий, побудить адресата к действию (или бездействию) с целью достижения результата, который признается оратором необходимым по морально-нравственным (общественно значимым) причинам.

С помощью агитации в сознание людей целенаправленно внедряется убеждение, что свойства, качества какого-либо объекта или явления таковы, что необходимо действовать определенным образом. Агитация продуцирует в сознании слушателей устойчивую обуславливающую связь между объектом речи и необходимыми действиями. С помощью агитации слушателям внушается обоснованность сценариев поведения типа: поскольку существует группа людей... [качественная характеристика объекта речи], то в отношении ее будет справедливым... [действие, наносящее вред группе лиц].

В некоторых случаях агитация может представлять собой одновременно и **угрозу**. Например, высказывания типа "бей/мочи... (указание на группу лиц)" служат призывом для тех, кого автор побуждает к действию (для субъектов действия). Вместе с тем для тех, кто является потенциальной жертвой противоправных действий (объекты действия), те же самые высказывания воспринимаются как угроза. Такая угроза приобретает экстремистские коммуникативные признаки, если адресатом запугивания служит группа лиц, в отношении которой автор признает оправданным и обещает причинить зло, нанести непоправимый материальный ущерб, причинить значительный вред здоровью любым представителям выделяемой группы. По этой причине угроза как вид экстремистских действий смыкается с агитацией (как смешанный тип коммуникативно-риторической конструкции).

В иных случаях высказывания, содержащие угрозы, могут не иметь явных признаков агитации и свидетельствовать о целевой установке на обоснование или оправдание необходимости враждебных действий в отношении групп людей; ср.: "Русняшки такие русняшки, приехали сюда, живут за наш счет и думают, что и дальше так будут паразитировать на бурятах - порежем [их] на ремни суки! Уже режем и стреляем!" <82>.

<82> Комментарий пользователя см. на сайте: <http://burinfo.org/>.

Угроза продуцирует в сознании слушателей устойчивую обуславливающую связь между адресатом и тем ущербом, который он должен понести в ближайшем будущем. С помощью угрозы адресату внушается мысль, что намерение говорящего нанести физический, материальный или иной вред здоровью и личным интересам адресата является справедливым и обоснованным.

Пропаганда, агитация и угроза часто сопровождаются прямыми обращениями к слушателям с целью заставить, принудить их сделать то, что приказывает, требует, просит, советует говорящий. Для этого им используются различные формы речевого выражения повелительности, значения которого варьируют в двух основных диапазонах волеизъявления: призыв (приказ-требование) и указание (просьба-совет).

Использование императивных конструкций в сочетании с фактоидами является одной из наиболее очевидных форм манипулятивного воздействия на сознание человека <83>. Цель такого воздействия - изменить или создать новые приоритеты деятельности и мировоззрения адресата, вызвать в нем устойчивое стремление к осуществлению действий, склонить слушателя к одобрению, признанию обоснованным и нравственным выполнение действий, которые представляются говорящему наиболее важными. По своему содержанию цели такого эмоционально-волевого воздействия можно разделить на

пропагандистские и агитационные волеизъявления.

<83> Манипулятивное речевое воздействие на чье-либо сознание - это речевое действие, направленное на создание таких фактических и этических оснований, используемых в процессе принятия решения, которые выгодны говорящему.

Воздействие с целью пропаганды или агитации совершается с прямым умыслом, т.е. автор осуществляет речевые действия, направленные на распространение информации, для того, чтобы обнародованная информация оказала воздействие на сознание слушателя и сформировала у слушателей мнение, выгодное говорящему. Соответственно и специфика рассматриваемых действий состоит в том, что они должны совершаться публично или распространяться с использованием средств массовой информации (в печати, по радио, телевидению, в Интернете и др.).

Пропагандистский лозунг - это речевое воздействие имеет целью убедить адресата принять на веру обоснованность и целесообразность высказанной идеи, мысли и отражает ту точку зрения на актуальные общественные проблемы, которая пропагандируется говорящим. С помощью пропагандистских требований говорящий обосновывает необходимость способствовать воплощению того морального императива, который пропагандирует говорящий. Для реализации такого волеизъявления обычно используются языковые средства, выражающие нормативно-нравственную цель, лежащую в основе деятельности социально-политических субъектов, от имени которых выступает оратор. К таким лозунгам можно отнести требования: "Нам нужна русская национальная власть!", "Хватит платить дань Кавказу!", "Вернем Россию русским!". Пропаганда цели не предполагает указания конкретных действий, которые необходимо совершить для ее реализации. Лозунги обращены в будущее, имеют модальность необходимости достижения цели, стремление к которой имеет самостоятельную общественную ценность. Лозунги, в которых используются такие модальные слова, как надо, нужно, необходимо, и временные локализаторы типа пора, настало время и др., фактически взывают к общественному мнению с целью добиться согласия с высказываемым требованием решительных действий, такие лозунги можно назвать воззваниями. Каждое такое воззвание содержит тезис, в котором отсутствует предложение конкретного действия, тем самым аудитории предлагается самостоятельно прийти к выводам, логически вытекающим из предъявляемого пропагандистского тезиса.

В информационных материалах, размещаемых в Интернете, используются также кодовые призывы, содержание которых понятно постоянным пользователям подобных интернет-ресурсов. Например, кодовым лозунгом (подчас также употребляющимся в качестве приветствия или подписи) белых националистов является числовое обозначение "14.88" <84>.

<84> Число 14 может означать: "We must secure the existence of our people and a future for white children" ("Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей") или также "Because the beauty of the White Aryan woman must not perish from the earth" ("Чтобы красота Белой Арийской женщины никогда не исчезла с лица земли!"). Оба лозунга придуманы Дэвидом Лэйном, членом организации белых сепаратистов "The Order". Первый лозунг был вдохновлен утверждением Адольфа Гитлера из первой части, гл. 8 книги "Моя борьба" длиной в 88 слов: "Мы ведем борьбу за обеспечение существования и за распространение нашей расы и нашего народа. Мы ведем борьбу за обеспечение пропитания наших детей, за чистоту нашей крови, за свободу и независимость нашего отечества. Мы ведем борьбу за то, чтобы народ наш действительно мог выполнить ту историческую миссию, которая возложена на него творцом вселенной. Каждая наша мысль и каждая наша идея, вся наша наука и все наше знание - все должно служить только этой цели. Только с этой единственной точки зрения должны мы проверять целесообразность того или другого средства". Число 88 является закодированным приветствием "Heil Hitler!" ("Хайль Гитлер!"), поскольку буква "H" стоит в латинском алфавите восьмой. Число заповедей Дэвида Лэйна также равно 88.

Пропагандистский девиз используется для воздействия на мировоззренческие предпочтения слушателей через инструктивное указание на необходимость достижения конкретного результата,

наносающего физический ущерб объекту действий. Девиз обычно выражает желательность фатального результата, наступление которого говорящий оценивает как справедливый и правильный в отношении группы лиц, выделяемой по культурно-национальному или социальному признаку. Этим девиз отличается от лозунга. В качестве примера можно привести провокационный текст одной из СМС-рассылок: "Смерть русским свиньям и тебе, мразы!", девиз украинских националистов: "Москалей - на ножи!", эстонских радикалов: "Kommarid ahju!" ("Коммунык - в печь!") или девизы некоторых российских радикальных группировок: "Мусоров - в расход!", "Смерть русне!", "Смерть хачам и косоглазым!".

Иногда конструкция пропагандистского девиза содержит идеологическое противопоставление "хорошего" и "плохого" объекта (например: "Слава нации - смерть врагам!"). Угроза нерелевантной группе при таком противопоставлении утрачивает значение буквального девиза и приобретает свойства пропагандистского лозунга с элементами агитации (например, в противопоставляющем высказывании: "Мы разные, правые и левые, националисты и интернационалисты, но цель у нас одна - раздавить гадину!").

От пропагандистских девизов нужно отличать и выделять в отдельный разряд прямые **агитационные призывы**, в которых глагол употребляется в форме 2-го лица единственного или множественного числа повелительного наклонения несовершенного вида (например: "Бей хача!", "Мочи черных!"). Такие призывы могут быть названы прямо побуждающими слушателей к совершению насильственных действий в отношении человека, который указан в призыве или определен в конкретной ситуации.

В качестве девиза используются также **идеологемы**. Этим понятием обозначаются прецедентные тексты, являющиеся по форме волеизъявлениями, лаконично отражающими основное содержание взглядов того или иного политического субъекта (например: "Ничего во имя государства, все во имя нации!", "Не нация для государства, а государство для нации!"). Примером идеологемы, которая формально не содержит слов ненависти, но ясно выражает требование депортации, т.е. нарушения законных прав представителей определенной национальности, служит известный лозунг: "Чемодан - вокзал - Россия!". К разряду идеологем можно отнести и пропагандистские лозунги "России - русскую власть!", "Православие или смерть!".

Лексико-семантические свойства идеологем близки фразеологизованным словосочетаниям, поэтому идеологемы обычно используются ораторами на митингах для воспроизведения таких мыслей, взглядов, которые не нуждаются в развернутой аргументации, поскольку их смысл и концептуальная нагрузка известны слушателям. В экспертном исследовании такого рода имплицитная информация должна быть выражена в явной форме. Например, идеологема "Аллаху Акбар!" или "Аллах Акбар!", используемая в соответствующих ситуациях как боевой клич, может выражать агитационный призыв к насильственным действиям <85>.

<85> Обычно фраза "Аллаху Акбар" употребляется в речи мусульман с иными целями: она используется для выражения радости (подобно русскому "Ура!"), размещена как элемент символики на официальных флагах нескольких исламских государств, используется в тексте государственного гимна Ливии и пр.

Определение коммуникативной задачи и целевой установки высказываний является необходимым и основным результатом исследования, поскольку тексты, содержащие лексику с функциональным компонентом негативной оценки чьей-либо деятельности, наименованием человека по признаку национальности, религии и др., не всегда имеют экстремистскую направленность. Сравним фрагменты из двух песен:

Фрагмент 1

Я ненавижу армию, где голодные солдаты готовят месть

Для вечно пьяных шакалов, потерявших офицерскую честь.

Я ненавижу прокуроров и ментов, кто крутит закон как хочет:

За деньги лишая плахи воров, казня лишь тех, кто заплатить не может.

Я ненавижу то, что люди отдали стране свои силы и годы

И что им плюнули в душу в конце, выкинув на свалку в итоге.

Я ненавижу, что этот быдло-народ не может решить проблемы,

За свои права выйти вперед и лишить себя измены.

Я ненавижу эту жизнь собачью в вонючих кварталах где-то,

Я ничего не могу с этим сделать - я себя ненавижу за это!!!

Ненависть моя - выходит из меня,

Ненависть моя - переполняет края <86>.

<86> Из текста песни Банги Хеп "Ненависть".

В приведенном фрагменте можно выделить риторические признаки выражения авторского нетерпимого отношения к людям, которые нарушают общепринятые морально-этические нормы. Автор открыто заявляет о своем неприятии социальных пороков, которые он оценивает как недопустимые, противоречащие его представлениям о справедливости, честности и добре. Вполне предсказуемо, что выраженное в тексте резкое отрицательное мнение, подкрепленное словесными средствами с негативным оценочным модусом, объектами таких оценок будет восприниматься как обидное или оскорбительное. В этом фрагменте автор не обосновывал необходимости ненавистного или враждебного отношения ко всей социальной группе, не обосновывал необходимости причинения вреда ее представителям. Авторская задача состоит в выражении своего мнения. Для этого он перечисляет те группы лиц и те фактоидные ситуации, которые, по его мнению, связаны с результатами их деятельности. Текст, выражающий личное отношение автора к перечисляемым негативным явлениям и представляющий собой авторскую интерпретацию фактоидов, безусловно следует признать конфликтным. Целевая установка этого фрагмента состоит в выражении авторского мнения о действиях неопределенного множества лиц, выделяемых на основании общего профессионального признака.

Фрагмент 2

Ненависть, ненависть. Снова это чувство.

Огонь внутри тебя, пульсируют виски.

Стаи инородцев в Москве твоей. Негусто

Осталось Белых лиц - ублюдки лишь одни.

Зашел в вагон метро, я еду на работу.

Толпы иммигрантов вокруг меня снуют.

Хари россиян тупо, беззаботно

Места им уступают, работу им дают.

Я - честный работяга и я плачу налоги.

Приезжие жируют, а я торчу в дерьме.

Чурки и косые у дома на пороге.

Я думаю об этом почти как в страшном сне.

Убей их всех - дай ненависти выход.

Ненависть священна, ты имеешь право.

Пусть подохнет ЗОГ, пусть сдохнет инородец,

Для страны твоей - черная отравка.

Убей их всех - дай ненависти выход.

Ненависть священна, ты имеешь право <87>.

<87> Из текста песни Киборга "Ненависть".

Во втором фрагменте авторское неприятие собственного эмпирического обобщения действительности (наличие приезжих, конкуренция с чужими) используется именно для убеждения слушателей в необходимости ненавистного отношения к мигрантам. Фраза "Убей их всех - дай ненависти выход", выражающая требование автора, обращенное к слушателям, входит в состав агитационного высказывания, носящего противоправный характер.

При исследовании подобных текстов с целью их точной лингвистической характеристики необходимо еще на стадии предварительного анализа выделять фрагменты, содержащие понятийно-языковые признаки конфликтности текста для того, чтобы на стадии основного исследования и характеристики текста определять реализованные в нем задачи и целевую направленность.

II.6. Коммуникативные признаки экстремистской речевой деятельности.

Специфика исследования материалов дел, возбужденных по признакам экстремистской направленности, состоит в предмете доказывания. На практике это означает, что эксперт должен исследовать текст как обезличенный информационный факт. Он должен дать интегральную характеристику речевых действий, а не оценивать причины и следствия информационного факта, поскольку мнение эксперта об умысле автора или о возможной реакции аудитории не может учитываться в ходе разбирательства по фактическим обстоятельствам дела.

В процессе анализа информационных материалов объектами исследования выступают письменный или устный текст, видеоматериалы, графические изображения, постеры и т.п. Из них только текстовая информация составляет необходимые исходные данные, которыми может оперировать эксперт. Функционально-прагматическое исследование высказываний, выделенных на стадии предварительного анализа, позволяет эксперту по составу использованных языковых средств и реализованным риторическим конструкциям вскрыть структуру мыслительного содержания текста, дать ему обоснованную характеристику и определить прагматические функции речевых действий.

В соответствии с дефинициями законодательных актов в качестве высказываний с коммуникативными признаками экстремистской речевой деятельности рассматриваются риторические конструкции, реализующие в конкретных фрагментах текста определенные коммуникативные задачи и целевые установки. Для экспертного анализа выделяются три группы высказываний:

- пропагандистские высказывания с коммуникативными признаками экстремистского толка;
- пропагандистские высказывания с коммуникативными признаками экстремистского толка с элементами агитации;
- агитационные высказывания с коммуникативными признаками экстремистского толка.

II.6.1. К пропагандистским высказываниям с коммуникативными признаками экстремистского толка относятся композитные высказывания с понятийно-риторической структурой, содержащей следующие виды целевой направленности:

- обоснование, оправдание мнения о необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - пропаганда, направленная на возбуждение вражды и ненависти);

- обоснование мнения об изначальной неполноценности или порочности, свойственной любому человеку какой-либо социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - пропаганда исключительности, превосходства и неполноценности человека);

- информационное использование нацистской или сходной с ней до степени смешения символики или атрибутики с целью пропаганды идей национал-социализма (юридический запрет - пропаганда и демонстрация нацистской атрибутики или символики).

II.6.2. К пропагандистским высказываниям с коммуникативными признаками экстремистского толка с элементами агитации относятся композитные высказывания с понятийно-риторической структурой, направленной на обоснование или оправдание мнения о необходимости осуществления следующих видов действий:

- насильственные действия по захвату власти или неправомерному удержанию власти в РФ вопреки принятому порядку формирования государственных органов РФ, по созданию незаконных вооруженных формирований в этих целях, уничтожению государственных деятелей, дезорганизации работы или захвату систем жизнеобеспечения, военному вмешательству иностранных государств (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости насильственного изменения основ конституционного строя);

- насильственное изменение территориальных границ РФ, отделение каких-либо административно-территориальных образований с применением насилия (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости насильственного нарушения целостности РФ);

- взрывы, поджоги или иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба, для устрашения населения и для воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а равно организация, планирование, подготовка или финансирование таких действий (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости террористической деятельности);

- действия, нарушающие политические, экономические, социальные права, свободы и законные интересы представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости дискриминации, т.е. нарушение равенства прав, свобод и законных интересов граждан);

- агрессивные, насильственные, жестокие действия, направленные против представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости совершения преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);

- насильственные действия в связи с осуществлением гражданами их избирательных прав (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенного с насилием либо с угрозой его применения);

- насильственное воспрепятствование деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений и иных организаций (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости воспрепятствования законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий,

общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенного с насилием либо с угрозой его применения);

- распространение, а также изготовление или хранение в целях распространения информационных материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости массового распространения заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовления или хранения в целях массового распространения).

II.6.3. К агитационным высказываниям с коммуникативными признаками экстремистского толка относятся композитные высказывания с понятийно-риторической структурой, направленной на побуждение, призыв, подстрекательство к осуществлению следующих видов коллективных и индивидуальных действий:

- насильственный захват власти или неправомерное удержание власти в РФ вопреки принятому порядку формирования государственных органов РФ, создание незаконных вооруженных формирований в этих целях, уничтожение государственных деятелей, дезорганизация работы или захват систем жизнеобеспечения, военное вмешательство иностранных государств (юридический запрет - призывы к насильственному изменению основ конституционного строя);

- насильственное изменение территориальных границ РФ, отделение каких-либо административно-территориальных образований с применением насилия (юридический запрет - призывы к насильственному нарушению целостности РФ);

- взрывы, поджоги или иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба для устрашения населения и для воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а равно организация, планирование, подготовка или финансирование таких действий (юридический запрет - призывы к террористической деятельности);

- действия, нарушающие политические, экономические, социальные права, свободы и законные интересы представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - призывы к дискриминации, т.е. к нарушению равенства прав, свобод и законных интересов граждан);

- агрессивные, насильственные, жестокие действия, направленные против представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - призывы к совершению преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);

- насильственные действия в связи с осуществлением гражданами их избирательных прав (юридический запрет - призывы к воспрепятствованию осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенного с насилием либо с угрозой его применения);

- насильственное воспрепятствование деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений и иных организаций (юридический запрет - призывы к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо с угрозой его применения);

- распространение, а также изготовление или хранение в целях распространения информационных материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов (юридический запрет - призывы к массовому распространению заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовлению или хранению в целях массового распространения).

Перечисленные коммуникативные признаки представляют собой варианты реализации мыслительного содержания, объединенного юридически квалифицирующим понятием экстремистская речевая деятельность. Доказанное наличие этих признаков в тексте означает реализацию коммуникативной задачи высказывания: обоснование, пояснение какой-либо мысли, одобрение, осуждение, оправдание

каких-либо состоявшихся или планируемых социально опасных деяний. Целевая направленность таких высказываний состоит в реализации пропагандистской или агитационной функций коммуникации (в пропаганде каких-либо взглядов, мнений, знаний или в агитации, направленной на побуждение, призыв, подстрекательство к каким-либо действиям).

II.7. Используемые виды анализа текста и их последовательность.

Цель аналитических процедур, которые выполняет эксперт-лингвист, состоит в обосновании связи между средствами плана выражения с элементами плана содержания текста. При переходе от анализа морфосинтаксических и лексико-семантических связей компонентов отдельного предложения к функционально-прагматическому анализу понятийных связей фрагмента текста важно соблюдать непрерывность лингвистического описания, вскрывать и контролировать содержание понятийных отношений, возникающих между пропозициями (минимальными предикативными единицами - наследниками элементов синтаксических конструкций). В этой связи грамматическое исследование текста является необходимой, но частной задачей, подсобным, вспомогательным видом изучения информационных материалов. Результаты этого традиционного - школьного - вида анализа текста обычно не требуется указывать в экспертном исследовании, однако с их помощью устанавливаются компоненты синтаксической структуры предложения <88>. Они в свою очередь дают возможность определить значение конкретных лексико-грамматических отношений как внутри ее сегментов (словосочетаний), так и между ними <89>.

<88> Предложение - наименьшая структурно-коммуникативная единица текста, лингвистически оформленная как предикативная конструкция полной или неполной структуры, понятийно-семантическое содержание которой состоит в том, что объект мысли соотносится с определенным признаком. Предложение, имеющее только главные члены предложения, даже если при них имеются развернутые атрибутирующие словоформы, рассматривается как простое нераспространенное. Распространенным предложением считается, только если в нем имеются компоненты, характеризующие всю предикативную основу предложения. Предложение с одним компонентом (предикативным признаком) преобразуется в риторическую пропозицию с заполненным понятийно-семантическим местом носителя признака (или субъекта, воспринимающего, осознающего предикативный признак), а также места локатива и темпоратива. Сложноподчиненное предложение рассматривается как простое с распространенными членами предложения, в котором придаточные предложения выполняют функцию подчиненных членов предложения, образующих зависимую пропозицию. Таким образом, член предложения может представлять собой слово, словосочетание и целое предложение. Сложносочиненное предложение рассматривается как совокупность нескольких простых, т.е. как два или более, отдельных речевых действий, каждое из которых образует самостоятельную пропозицию.

<89> Особое внимание следует уделять связям полнозначных слов с неизменяемыми, неполнозначными словами, а также со словами служебных частей речи, которые несут значительную логическую, модусную и модальную нагрузку.

Если текст, представленный на экспертизу, содержит всякого рода неправильности, то его необходимо нормализовать, т.е. привести к такому виду, чтобы сам текст и результаты его анализа были понятны любому человеку. Для этого написание слов, порядок следования синтаксисом и синтаксических конструкций приводится в соответствие с действующими правилами орфографии, пунктуации и словоупотребления. Поскольку нормализация текста является одним из элементов его интерпретации, следует внимательно следить за порядком и последовательностью замены неверно употребленного или непонятного языкового средства на верное, понятное, соответствующее языковым правилам и нормативному употреблению <90>.

<90> В ч. II Методики случаи нормализации текста будут рассмотрены более подробно.

Чтобы объяснить функционально-прагматические свойства данного словесного знака, нужно его понять и интерпретировать. Интерпретация знака - это операция установления понятийного равенства,

выполняемая путем замены исходного знака другим знаком или набором знаков на основе общности значений признаков мыслительного содержания знаков, смыслового соответствия одного знака другому. Например, в языковых справочниках (словарях, грамматиках) понятийное соответствие указывается с помощью стилистических помет, толкования слова, указания синонимических соответствий слов, участия в синтаксических конструкциях и т.п. Однако в случаях, содержащих явления грамматической омонимии, такая характеристика может стать недостаточной. Для определения значения слова или синтаксической конструкции необходимо использовать фрагмент текста, представляющий собой полное высказывание о предмете речи, в котором содержатся понятийные признаки, необходимые для восстановления свернутых риторических пропозиций и установления значений межпропозиционных связей. Разберем предложение "У пострадавшего от нападения балетмейстера Филина улучшается зрение" <91>. Из анализа предложения невозможно однозначно понять синтаксическую роль фрагмента от нападения балетмейстера Филина. С равными формальными основаниями его можно рассматривать как предложно-падежное словосочетание, имеющее либо обстоятельственно-атрибутивную связь с причастием пострадавший (пострадавшего от нападения балетмейстера Филина), либо номинативно-атрибутивную связь адъективированного прилагательного пострадавший (осложненного предложной формой субстантива) с именем собственным Филин (пострадавший от нападения балетмейстер Филин). В результате мы получим как минимум два варианта синтаксического анализа предложения, только один из которых может быть подтвержден данными из более широкого контекста.

<91> Заголовок публикации см. в Интернете (<http://www.newsru.com/cinema/29jan2013/filin.html>).

При анализе отдельных предложений эксперт обязан учитывать значения связей всех компонентов, составляющих синтаксическую структуру предложения. Например, в предложении "Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд" <92> словосочетание более двух сроков подряд использовано в функции обстоятельства временной длительности к сказуемому "занимать". Наречие "подряд" <93>, являющееся зависимым словом при сравнительном именном словосочетании "более двух сроков", характеризует качественный признак временной длительности: "без перерыва, в продолжение какого-либо отрезка времени". Обстоятельство "более двух сроков подряд" ограничивает временную сферу действия составного глагольного сказуемого "не может занимать" следующим образом: "занимать -> как долго? = более двух сроков, -> идущих каким образом? = без перерыва".

<92> См.: Конституция РФ. Ст. 81, п. 3.

<93> Омонимия наречия и существительного в слове подряд здесь не рассматривается, поскольку она снимается на уровне формального синтаксического анализа.

Интерпретация ограничения временной сферы в смысле "занимать более двух сроков, в том числе и подряд" противоречит реальному содержанию предложения, поскольку при такой экспликации содержания будут неверно истолкованы коммуникативные связи наречия, а интерпретация этого ограничения в смысле "занимать более двух сроков" игнорирует качественные характеристики, вносимые наречием подряд. Обе эти интерпретации являются ложными. Если они используются в дискуссии с целью убеждения слушателей в подлинности выводов, сделанных на их основе, то такой риторический прием называется манипулятивным вне зависимости от личного мнения и коммуникативных целей оратора.

Вскрытые конструктивные связи плана языкового выражения и функциональные отношения плана содержания позволяют обосновать лексико-семантические значения главных и второстепенных членов предложения, определить большинство лексических значений словоформ, служебных слов, установить понятийную структуру предложения, выделить риторическое ядро данного предложения и определить связи основной и вспомогательных пропозиций. Для этого исследователь должен по структурно-грамматическим формам языкового выражения установить лексико-семантическое содержание языковых знаков, выделить диктумную и модусную части лексических значений компонентов расширенной схемы пропозиции, а затем определить ее функционально-понятийный тип.

Речевая структура высказывания, позволяющая различать значения понятийно-риторических единиц (сообщения о фактах, оценочные высказывания, мнения о качествах, отношениях, событиях и т.п.) и связывающая отдельные фразы в смысловое целое, является полипредикативной, так как содержит некоторое количество пропозиций <94>. Она состоит из единиц, минимальный план выражения которых реализуется в простом предложении, а план содержания - в минимальной предикативной единице <95>, равной одной пропозиции. Установление качественных характеристик логико-смысловых связей, существующих у грамматически сопряженных монопропозитивных единиц, является наиболее ответственным этапом функционально-прагматического исследования текста. Только в результате этой процедуры эксперт сможет определить и доказать наличие определенных коммуникативных задач и целевую установку связного текста.

<94> Обычно термин "пропозиция" используется для обозначения некоей семантической константы (диктума, интенционала, когнитивной части предложения), которая противопоставлена субъективной переменной, характеризующей модальные и прагматические компоненты предложения. При таком понимании "пропозиция" соответствует "логическому внеязыковому факту", содержащемуся в предложении. В настоящей Методике термин "пропозиция" понимается шире - это являющаяся частью высказывания целостная предикатно-актантная единица, в которой сохраняются диктумные и модусные значения, характеризующие данную языковую форму, причем диктумное значение формирует основную часть понятийно-риторической пропозиции, а модусное значение - ее дополнительную часть.

<95> Минимальная предикативная единица характеризуется когерентными связями (предикатной значимостью) и обладает несколькими свойствами: она способна к распространению и осложнению, она обладает субъектным и предикатным семантическими компонентами, грамматически отнесенными к определенному общему пространственно-временному плану.

Пропозиция - это минимальная информационная единица содержания текста, которая объединяет в единую структуру когерентные понятийно-семантические признаки предиката и актантов. Количество пропозиций в одном предложении (простом или сложном) может меняться в зависимости от количества предикатов. Количество актантов определяется семантическими валентностями конкретного предиката. Структурным ядром пропозиции является семантический предикат, т.е. понятие, обладающее семантической валентностью на актантные аргументы, а ее понятийным ядром - предметные актанты, обладающие свойством внеязыковой соотнесенности (референтности).

Структура пропозиции представляет собой предикатно-актантный комплекс значений понятийных признаков. Его функционально-семантические характеристики определяются не только значениями категориально-грамматической группы признаков, но и значениями группы категориально-понятийных признаков. Выделение первой группы признаков значений позволяет по форме синтаксического предиката (сказуемого) и его актантов (подлежащего, дополнения, обстоятельства) установить количественный состав пропозиции. Использование второй группы признаков позволяет по когерентным значениям понятийных признаков <96> подтвердить лексико-семантическое значение предиката (предикативного понятия) и его актантов.

<96> Например, в заголовке статьи "Польский депутат пообещал "раскурить косяк" в здании парламента" значение омонимичной лексики "косяк" можно определить и обосновать когерентностью значений признаков у слов "раскурить" и "косяк".

Важной частью установления функционально-понятийного типа пропозиции являются семасиологический анализ и характеристика языковых средств, использованных в предложении. С их помощью выделяются категориально-понятийные признаки значений лексических единиц, составляющих формально-грамматическую структуру предложения, затем определяется структура пропозиции и свернутые пропозиции воссоздаются до полного простого предложения. Данные о понятийных признаках, реализованных в значении слова, следует брать из толковых словарей. Слова и значения слов, не зарегистрированные в словарях, можно определить по контекстам из Интернета (в этом случае следует

указать адрес страницы сайта). Если требуемое значение лексической единицы в словарях отсутствует или ее толкование не совпадает с употреблением в конкретном контексте, необходимо давать самостоятельную интерпретацию значения данного речевого употребления слова <97>.

<97> Для того чтобы доказать обоснованность даваемой интерпретации контекстного значения слова, эксперт-лингвист должен обладать навыками лексикографической работы. В качестве теоретической основы для этой части исследования можно рекомендовать монографию М.В. Никитина "Курс лингвистической семантики" (СПб., 1996), а также монографию Ю.Д. Апресяна "Исследования по семантике и лексикографии" (Т. I: Парадигматика. М., 2009).

Таким образом, функционально-прагматический анализ предложения состоит из нескольких процедур: установление синтаксической когезии связанных элементов предложения, определение понятийной когерентности языковых средств, выделенных по значениям их семантических признаков, и выделение пропозиций (основных, дополнительных, свернутых). В зависимости от грамматической формы предиката, его функциональных и понятийных отношений с актантами выделяется четыре основных типа риторических пропозиций: факты, мнения, оценки и волеизъявления. В свою очередь эти функционально-понятийные типы различаются по значениям в зависимости от семантических характеристик понятийного субъекта, его предикативного признака и объекта.

Задачей функционально-прагматического анализа является последовательное преобразование формально-грамматической структуры предложений <98> в пропозиции с такими понятийными признаками, которые позволят при синтезе содержания композитного высказывания сопрягать его риторические части в смысловое целое.

<98> Эксперт-лингвист должен обладать практическими навыками традиционного грамматического (морфологического, синтаксического) и семасиологического разбора предложения. Без базовых знаний о языке хотя бы в объеме университетских курсов грамматики и лексикологии невозможно последовательно и доказательно рассуждать о прагматическом содержании и понятийно-риторической структуре связного текста.

Цель функционально-прагматического исследования состоит в определении понятийных функций пропозиций по когерентным признакам их компонентов. Этот вид анализа текста является важным этапом экспертизы, поскольку от его результатов зависит обоснованность экспертных выводов о понятийно-риторической структуре композитного высказывания.

Рассмотрим последовательность выделения свернутых пропозиций, входящих в состав простого предложения <99>. Например, понятийно-семантический анализ предложения "На Сахалине возмущены заявлением главы МИД РФ о мирном договоре с Японией" <100> позволяет установить, что его прагматическая структура состоит из трех пропозиций:

<99> Функционально-коммуникативный вид анализа предложения, предлагаемый в настоящей методике, опирается на результаты исследований и опыт описаний, изложенный в монографиях: Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004; Стародумова Е.А. Синтаксис современного русского языка. Владивосток, 2005 и др.

<100> См. заголовок статьи, опубликованной на сайте: <http://bre.ru/news/22763.html>.

1) "люди, живущие на Сахалине, испытывают чувство возмущения" (первый актант восстанавливается по значению ментального глагола "возмутить" и значению субстантива "заявление" в творительном падеже, мотивированного информационно-речевым глаголом совершенного вида "заявить");

2) "глава МИД РФ сделал заявление, касающееся мирного договора с Японией" (интерпретация пропозиции, свернутой в субстантиве "заявление");

3) "заявление главы МИД РФ стало причиной возмущения людей, живущих на Сахалине" (пропозиция, восстановленная из предикатного синтаксического отношения (= глагол с причинной валентностью на творительном падеже субстантива)) <101>.

<101> Из этого предложения можно также получить импликацию "существуют некие социально-политические проблемы, связанные с мирным договором между РФ и Японией" (бытийная импликация всего предложения).

Из всех выделенных пропозиций, только **вторая** пропозиция имеет лексико-семантические признаки факта. Пропозиции **1** и **3** являются фактоидами, определяемыми по ментальному значению признака сфера действия их предикатов, а пропозиция **1** является фактоидом также и по значению неопределенного обобщения семантического признака человек первого актанта (пациенса).

Прагматическая структура этого предложения включает все выявленные пропозиции: "Люди, живущие на Сахалине, испытывают чувство возмущения, причиной которого является заявление, сделанное главой МИД РФ, касающееся мирного договора РФ с Японией".

При функционально-прагматическом анализе требуется различать сообщение, имеющее речевую форму факта, и действительное событие, внеязыковую ситуацию, которая отражена с использованием этой формы. При прагматическом подходе все то, что может быть подтверждено инструментальными средствами технических экспертиз, является истинным, поэтому речевыми фактами признаются все те сообщения, которые отражают реально произошедшее или происходящее в мире.

Освоенная и познанная часть существующего вне нашего сознания мира приобретает свойства взаимосвязанных фактов. Однако форму факта реальность обретает только в сознании <102>. Факты, производимые нашим сознанием, вне сознания не существуют. В нашем сознании не существует никакой иной реальности, кроме той, что была воспринята и освоена нашими органами чувств. Любой эмпирический опыт, отражая и характеризуя фрагмент реального мира, является при этом элементом сознания. Любые новые факты осмысляются и осваиваются нашим сознанием, объединяясь, встраиваясь и наслаиваясь на схожие факты прошлого опыта. Факт есть элемент мыслимой реальности, которая отличается от мира, существующего вне сознания. Ведь мир, отраженный и хранящийся в сознании, и мир, пребывающий вне сознания, представляют собой принципиально разные по своей природе сущности.

<102> Акты коммуникации также относятся к истинным событиям - речевым действиям, содержание которых подвергается анализу слушателей и исследователей с целью извлечения смысла.

Наличный текст есть объективный факт - часть реального мира. Такие информационные факты, являясь объективными по форме, субъективны по содержанию. Они имеют речевую природу и отражают мыслительное содержание, характеризующее как объект мысли, так и сознание говорящего. Если автор экспертируемого материала воспроизводит чужой текст, то он пользуется цитатой как объективным информационным фактом, не зависящим от воли и сознания автора. Цитаты могут быть проверены на подлинность специалистами, привлеченными для производства комплексной экспертизы. Для этого специалисту следует задать вопрос типа: Является ли добросовестным цитированием высказывание (приводится текстовой фрагмент), приписываемое (указывается автор)?

Например, в документальном фильме Дэвида Дюка "Хабад-Любавич и еврейский шовинизм", размещенном на сайте в Интернете, цитируется статья Ицхака Гинзбурга (раввина религиозной группы "Хабад-Любавич" <103>), в которой тот, ссылаясь на слова основателя любавичского хасидизма Ребе Шнеура Залмана, заявляет:

<103> Иудейское миноритарное религиозное движение, разновидность хасидизма, которое называется также любавичским хасидизмом.

"Души неевреев совсем иного, низшего качества. Они беспросветно порочны и совершенно лишены каких-либо положительных свойств. Если каждая клетка тела еврея божественна и является частью Создателя, значит, и каждая цепочка ДНК также часть Бога. Следовательно, ДНК еврея весьма особенная. Если еврею необходима печень, позволено ли ради спасения его жизни взять печень у проходящего мимо ни в чем не повинного гоя? По моему мнению, Тора это разрешает. Жизнь еврея бесценна. Жизнь еврея бесконечно более свята и уникальна, чем жизнь нееврея".

Если из ответа специалиста выяснится, что Д. Дюк добросовестно цитирует текст И. Гинзбурга, это будет свидетельствовать об использовании соответствующей цитаты в качестве информационного факта, такого факта, который, в частности, содержит утверждение о природном, биологическом превосходстве евреев и соответственно неполноценности остальных людей по признаку их расовой, национальной принадлежности. В этом случае слова основателя религиозной группы Ребе Шнеура Залмана могут быть использованы И. Гинзбургом в целях актуализации мировоззренческих установок прошлого и подкрепления пропагандистских целей своей статьи.

Если обнаружится, что текст статьи И. Гинзбурга цитируется недобросовестно, это будет означать, что автор фильма маскирует собственное оценочное мнение под информационный факт, искажая источник с определенными манипулятивными целями, которые могут быть вскрыты в ходе исследования полного высказывания. В частности, подмена факта мнением может использоваться для решения задачи обоснования необходимости враждебного отношения к людям, выделяемым по религиозной принадлежности.

Лингвист должен уметь выделять и различать объективные и субъективные аспекты знания в содержании информационного факта. Объективное знание - это стабильное консервативное знание о физических свойствах и количественной стороне материальных предметов. Оно не зависит от закономерных или случайных изменений внешнего мира, поскольку, отражая фундаментальные законы природы и воплощая опыт многих предшественников, подтверждается частным опытом, осознаваемым как факт. Объективное знание позволяет сделать закономерные прикладные выводы дедуктивным путем. В частности объективация информационного факта осуществляется указанием на первоисточник, содержащий этот факт.

Субъективное знание - это личное знание об идеальных свойствах качественных сторон материальных предметов, получаемое индуктивным путем в результате обнаружения сходства объектов. Оно абстрагировано от значительной части конкретных условий реального мира, поэтому носит вероятностный характер и способно изменяться вместе с накоплением опыта наблюдения, увеличением объектов рассмотрения и их признаков. Субъективное знание позволяет сделать общие (теоретические) выводы, поскольку оно образуется в результате использования обобщающих качественных характеристик схожих объектов и установления зависимостей между ними на основе интуиции. Субъективное знание является таким же концептуальным, как и объективное знание, но оно имеет статус возможно истинного или гипотетического знания, осознаваемого как мнение (частное или общее).

В практике речевой деятельности субъективное и объективное знание легко сочетаются - любой автор, описывающий действительные события, интерпретирует свои впечатления, согласовывая их со своим знанием мира. Выделяя интегральные и дифференциальные понятийные признаки явления или события, говорящий обобщает свои впечатления не только на основании своего жизненного и языкового опыта, но сообразуясь также с целями и задачами сообщения. Суждения о фактах выражаются и реализуются в речи при помощи лексических средств с предметно-вещественными, конкретно-материальными значениями их интегральных семантических признаков. Поскольку пропозиция факта должна обладать всеми атрибутами объективного мира, то в предложении, обозначающем факт, семантические признаки главных и второстепенных членов предложения должны быть когерентны по значениям предметно-вещественных, конкретно-материальных признаков.

С точки зрения отражения в сознании нашего знания и понимания действительности понятие факта формирует одну из опорных понятийных категорий высказывания. Факты формируют основу мыслимой

картины мира, позволяя прогнозировать будущее и объяснять произошедшее. Любой текст состоит из фактов и различных комментариев к ним, поэтому при анализе содержания текста эксперт должен уметь, во-первых, различать сообщение о факте и комментарии по поводу факта, во-вторых, различать способы риторического использования фактов в описании, повествовании, рассуждении.

Сведения, излагаемые в форме факта, слушатель может верифицировать, т.е. мысленно соотнести понятийные признаки сказанного с теми признаками, которые он сам может выделить в действительных событиях объективными способами. В результате верификации речевые факты могут оказаться истинными (соответствовать действительности), ложными (не соответствовать действительности) или правдоподобными (т.е. частично истинными, частично ложными).

Частично истинные сведения будем называть фактоидами <104> (они рассматриваются в [разд. II.7.2](#)). Фактоиды содержат как объективные, так и субъективные элементы знания. Они верифицируются косвенно путем выделения той части информации, которая может быть проверена методами наблюдения, измерения или подтверждена экспериментально, и той ее части, которая отражает результаты интерпретирующего обобщения действительности.

<104> Фактоид от англ. factoid - принимающий вид факта.

Сведения, излагаемые в форме оценки, слушатель может только интерпретировать, т.е. связать понятийные признаки, характеризующие содержание оценки, с качественными признаками объекта оценки. Пропозиция оценки соотносится с действительностью только в части наличия самого объекта оценки, а в части качественных признаков, придаваемых объекту оценки, слушающий доверяет (или не доверяет) говорящему, поскольку сама оценка зависит от точки зрения говорящего, от его отношения к фактам, мотивировавшим данную оценку.

II.7.1. Факт как функционально-понятийный тип риторической пропозиции. План выражения глагольных форм, способных манифестировать пропозицию факта, ограничен личными формами глаголов несовершенного вида настоящего и прошедшего времени в изъявительном наклонении, а также личными формами глаголов совершенного вида прошедшего времени в изъявительном наклонении.

Любому факту свойственна эмпирическая и дейктическая определенность. Факт обозначается, поскольку он имеет денотативные и референтные свойства, а прагматическая пропозиция факта выражается в форме утверждения - высказывания, в котором отображается понятийная связь конкретного предмета и его апостериорных признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения - как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждение может дополняться словами и словосочетаниями, подчеркивающими достоверность сообщаемого (например: известно, точно, доподлинно, без сомнения).

Факт - характеризующее объект мысли утверждение о событии, происшествии или явлении, которое с точки зрения языкового выражения воспринимается как существовавшее или существующее на самом деле, в действительности. Утверждение о событии как о факте возможно лишь в том случае, если утверждение касается конкретных объектов или количественно ограниченных их совокупностей.

Утверждение в пропозиции факта всегда конкретно. При этом подчеркнем, что характеристика высказывания "быть утверждением о факте" - это свойство самого высказывания, форма выражения информации, объективно ему присущая. Утверждение не перестает быть утверждением, даже если ему предшествует информация о том, что текст отражает только личное мнение автора. Любое высказывание отражает результаты личного восприятия автора. Однако они могут быть выражены как в форме предположения, так и в форме утверждения.

С помощью фактов сообщается об изменениях, которые происходят или произошли в действительности, о наличии предметно-вещественных объектов и их физических свойствах, о состоявшихся событиях в обществе. Причиняющей силой таких изменений обладают одушевленные объекты и силы природы. Значения глаголов с интегральным признаком физического действия, воздействия на физические свойства объекта, деятельности, физиологического состояния, восприятия

физических свойств предмета, его нахождения в пространстве, существования, именованности, перформативности участвуют в качестве предикатного ядра пропозиции факта. В пропозициях с неодушевленными синтаксическими субъектами заняты значения глаголов с интегральным признаком процесса, функции, местоположения, наличного бытия. Связь между условиями и событиями важна при анализе причинно-следственных результатов, в которых предикатный признак всегда имеет соответствующего качества причину, способную его произвести. Для действий это живое существо, для процессов - силы природы.

Материально-вещественные денотаты живой и неживой природы образуют онтологические классы семантических актантов, формирующих материальную основу пропозиции фактов:

- физических фактов: действие, воздействие, процесс, положение, состояние денотатов живой и неживой природы;
- логических фактов: констатация бытийности, верификация чувственно воспринимаемых свойств, родовидовая идентификация денотатов живой и неживой природы;
- количественных данных: количественные характеристики объектов живой и неживой природы;
- социальных фактов: результаты конкретной чувственно воспринимаемой деятельности людей, которые могут быть обобщены и выражены количественными характеристиками.

Категориально-понятийные признаки факта ограничены семантической функцией предикатной репрезентации значений признаков синтаксических актантов, присущих глагольным значениям. В предикатно-актантном комплексе факта преобладает диктумный компонент понятийного содержания, поскольку факты выражают объективное, конкретное, предметное знание о понятиях, материально-вещественные аналоги которых подчиняются законам бытия и не зависят от пристрастий и интересов человека. В сфере фактов используются материально-эмпирические признаки актантных понятий, которые формируют утверждения об объектах, связанных предметно-логическими отношениями.

Факт - это пропозиция, в которой предикативный признак устанавливает или отрицает наличие эмпирически проверяемой связи между конкретными носителями материально-вещественных признаков понятий, между предметным понятием и его количественным или материально-физическим признаком. Пропозицию факта составляет предикативное понятие, актантные места которого заполнены понятийными единицами с денотатными категориальными свойствами (т.е. такими, которые имеют признаки пространственной отграниченности, локализованности во времени и пространстве, референтности физическим телам). Партиципаны (т.е. понятийные участники) пропозиции факта заполняются значениями онтологических признаков предметных существительных:

- репрезентативное название денотатов (имена собственные);
- контенциональные <105> материально-вещественные понятийные признаки денотата (значения, способные совмещать функцию описания предмета с его речевой репрезентацией);

<105> Контенционал, или содержание понятия о предмете, - устойчивая структура отраженных в данном понятии (значении имени) материально-вещественных признаков. В этом случае термин "интенционал" понимается как "стабильное ядро, устойчивая часть вариативного контенционала" (М.В. Никитин).

- идентифицируемые признаки денотатного понятия (временные, пространственные, чувственно, интеллектуально познаваемые признаки, соотношенные с материально-вещественными понятиями).

Отличительной характеристикой факта является его свойство выражать проверяемое, объективное знание о мире, которое может быть либо истинным, либо ложным. Поскольку знания о мире согласуются с общей парадигмой законов бытия, то они подчиняются этим законам и проверяются на соответствие им. В широком смысле пропозиции факта выражают апостериорные знания, полученные людьми при

взаимодействии с природой, с материально-вещественными объектами.

Разберем подробно пример: "Митинг длился два часа". В этом утверждении субстантив митинг имеет значение "собрание людей для обсуждения злободневных вопросов". Любой субстантив представляет собой свернутую пропозицию. В данном случае наличествуют две субъектно-характеризующие пропозиции факта с целевой связью: люди собрались в одном месте в одно время для того, чтобы (эти люди обсудили какую-то определенную проблему в определенном месте в течение определенного времени) <106>. Поскольку эти свернутые пропозиции имеют одни и те же актаны (неопределенный субъект, неопределенный локатив и определенный темпоратив), а их предикатные признаки объединены каузативно-целевой связью, то мы можем преобразовать две пропозиции в одну - субъектно-характеризующую целевую пропозицию: "Некоторые люди собрались с целью обсуждения неопределенной проблемы в течение определенного времени и в неопределенном месте". Эта пропозиция, характеризующая субъектное понятие "люди", осложненное предикатным конкретизатором (люди, обсуждающие проблему), имеет предикативный признак, устанавливающий ее временные границы, - "длился два часа". В результате функционально-прагматического анализа этого предложения эксперт может констатировать сообщение о факте: собравшиеся люди обсуждали какую-то проблему в течение двух часов. На истинность или ложность можно проверить два факта: во-первых, являлось ли собрание людей действительно митингом и, во-вторых, соответствует ли оно указанному количеству времени, в течение которого проходило такое собрание <107>.

<106> Целевая связь конкретизирует экстенционал актантов первой пропозиции, поэтому во второй пропозиции акторы становятся более определенными (т.е. те самые люди, которые там и тогда собрались, они же и обсуждали что-то там и тогда).

<107> Необходимость проверки на соответствие действительности факта "собрание людей для митинга" вызвана различием в экстенционалах этого понятия в общем языке и в юридической терминологии, где "митинг - массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера" (см.: Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях").

Пропозиции фактов можно разделить на несколько видов в зависимости от значений признаков предикативных понятий: физические факты (действия, поступки, деятельность конкретных людей, природные процессы с определенным пространственно-временным континуумом), социальные факты (события, ситуации, не зависящие от воли одного человека, случившиеся в определенном пространственно-временном континууме), бытийные факты (утверждения о существовании конкретного объекта с присущими ему физическими качествами), информационные факты (сообщения о сказанном, оглашенном, решенном каким-либо определенным физическим или юридическим лицом) и количественные данные о материально-вещественных объектах. Возможность проверки фактов на истинность или ложность не исключает того, что использованные языковые средства могут содержать модус оценочного отношения говорящего к сообщаемым сведениям.

При анализе контекста, в котором используется тот или иной факт, необходимо исследовать содержание авторских комментариев, сопровождающих констатацию факта, и характер связи исходного суждения с аргументирующим фактом. В противном случае фрагмент текста, в котором обнародованы статистические сведения <108>, без связи с авторскими суждениями не позволит обосновать целевую установку фрагмента, ср.: "Чаще всего негативные эмоции у сограждан по-прежнему вызывают представители кавказских народов (29%). Значительно реже говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии (6%). По 3% недолюбливают китайцев и евреев. Впрочем, большинство опрошенных одинаково хорошо относится ко всем народам и национальностям (56%)" <109>.

<108> Числовые показатели количественных сведений формируют пропозицию факта (достоверность которого может быть проверена внеязыковыми способами).

<109> Использован фрагмент текста, размещенного на сайте: http://kprf.ru/rus_soc/79465.html.

Указание на факт - это всегда указание на частный случай, в котором субъектный и объектный актаны, как и предикатный признак, конкретны. В высказывании он может выполнять различные функции. Эмпирические данные могут использоваться в качестве аргументирующих примеров, иллюстраций и образцов. Факты также приводятся и в исходной части авторского высказывания как информационный повод для авторских комментариев.

Если факт указывается в качестве аргументирующего примера, то он используется для подтверждения обобщающего мнения о качествах всего референтного класса. Если факт приводится как пример, подтверждающий реальность какого-либо типа поведения, то он используется как образец (или антиобразец) для подражания.

Если факт приводится как исходное утверждение, а в аргументации он анализируется, обобщается или оценивается, то факт становится темой высказывания, обнаружение факта является задачей высказывания, а комментарии к нему - целевой установкой высказывания.

Рассмотрим пример: "Судебный процесс по делу лидера националистической нидерландской Партии за свободу Хеерта Вилдерса, обвиняемого в разжигании межнациональной розни и дискриминации мусульман, к удивлению многих наблюдателей в Европе, закончился полным оправданием политика".

Перечислим утверждения о фактах в этом предложении.

Судебный процесс по делу Хеерта Вилдерса закончился оправданием политика (юридический событийный факт - определяем по значению фазового предиката).

Хеерт Вилдерс - лидер нидерландской Партии за свободу (идентифицирующий факт, указывающий на социальную связь отдельного человека с группой людей).

Хеерт Вилдерс обвиняется в разжигании розни и дискриминации мусульман (юридический событийный факт).

Утверждения о фактах здесь сопровождаются оценочными атрибутами, которыми автор поясняет свою позицию. Например, нидерландскую Партию за свободу он называет "националистической", а "многих" наблюдателей удивило "полное" оправдание политика.

В этом предложении содержится также авторское мнение, которым характеризуется вся фактическая информация ("многих наблюдателей в Европе удивил результат судебного процесса" - мнение о ментальной ситуации).

II.7.2. Мнение как функционально-понятийный тип риторической пропозиции. План выражения глагольных форм, способных манифестировать пропозицию мнения, не имеет ограничений по категориям вида, времени, наклонения. Формально часть пропозиций мнения может быть установлена по наличию в предложении вводных слов и сочетаний с модальным значением неуверенности, сравнения, возможности, предположения, выражающим оценку говорящим степени достоверности сообщения, а также частиц со значением предположения, допущения, возможности, условности, сомнения.

Носителем и выразителем мнения может быть только человек. Выражение мнения предполагает указание на его носителя, поскольку мнение содержит результат интерпретации фактов действительности, результат обобщения личных впечатлений от фактов, а не обобщение самих фактов. Мнение имеет сигнификативные свойства. С помощью мнений сообщается об интеллектуальном, ментальном, этическом, эстетическом отношении человека к фактам, к тем изменениям, которые произошли или происходят в сознании человека под влиянием действий, процессов, событий, произошедших в мире. В отличие от факта, на который достаточно просто указать, авторское мнение требует последующего обоснования, интеллектуальной поддержки. Поддерживающая аргументация предназначена для слушателя, который с помощью мысленного соотнесения услышанного с известными ему правилами языка, законами природы и социальными нормами подвергает рациональному анализу отношения между содержанием мнения и аргументацией.

Разница между констатацией факта и мнением о факте состоит в том, что высказанное мнение о факте (событии, лице) в отличие от утверждения, сообщения о факте предполагает явное указание на носителя мнения. В отличие от факта, который в высказывании является наиболее независимым риторическим компонентом, выражение мнения распознается в тексте по наличию определенных слов и конструкций, указывающих на авторскую интерпретацию действительности с точки зрения важности, целесообразности, эффективности, полезности, моральности, нормативности, нравственности, достоверности. Если такие показатели отсутствуют, то получатель информации вправе полагать, что имеет дело с утверждением, а не с мнением. Мнение, в отличие от утверждения о факте, нельзя проверить на истинность или ложность, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, действительными событиями. Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности существует в сознании говорящего. Пропозиция мнения отражает личный опыт восприятия результатов взаимодействия с другими людьми, объясняет причины их чувств, мыслей и поступков на основании навыков саморефлексии. При выражении мнения используются значения предикатных признаков, формирующих модально-ментальные области субъективного знания. Мнение - это всегда оценочное умозаключение, обобщающее ментальные, эмоциональные, этические результаты личных впечатлений.

Категориально-понятийные признаки мнения относятся к семантической области предикатных признаков, которыми обозначаются результаты интерпретации опыта интеллектуальной рефлексии над внешними проявлениями деятельности одушевленных существ (волевой, интеллектуальной, эмоциональной, социальной и т.п.).

В формировании предикативного ядра пропозиции мнения участвуют значения глаголов с интегральным признаком ментально-интеллектуального действия, восприятия эмоционального состояния, сопоставления, сравнения, осознания, понимания, предположения. Понятиям, образующим актантную структуру пропозиции мнения, говорящий присваивает такие свойства и качества, которые связаны между собой отношениями причинности, детерминированности, обусловленности. Мнение встраивается в понятийно-риторическую конструкцию полного высказывания путем создания имплицативных связей с другими субъективными понятиями, с фактами и элементами объективного знания. В широком смысле пропозиции мнения отражают априорные знания человека, получаемые им при освоении социально-культурных традиций здравого смысла, моральных, нравственных норм и эстетических правил, поддерживаемых обществом.

Мнение - это пропозиция, в которой предикатный признак устанавливает или отрицает модально-ментальную связь между носителями материально-вещественных признаков понятий, между качественными характеристиками понятий, между ментальными или интеллектуальными понятиями. Наличие такой связи подтверждается или опровергается путем формально-логического сличения и согласования сказанного с субъективным опытом восприятия действительности. Пропозицию мнения составляют предикативные понятия, актантные места которых могут заполняться понятийными единицами не только с денотатными категориальными свойствами, но и с сигнификатными свойствами (т.е. такими, которые обозначают понятия, не связанные признаками пространственной отграниченности, пространственной локализованности). К актантам с сигнификатными свойствами относятся:

- существительные с характеризующей функцией значений понятийных признаков;
- существительные с экстенционально-предикатными <110> значениями понятийных признаков;

<110> Экстенционал или объем предикатного понятия - это совокупность тех значений признаков обозначаемого понятия, которые когерентны значениям признаков актантов, восполняющих данное понятие (значение знака).

- существительные, обозначающие отвлеченные (нереферентные) понятийные признаки.

Отличительной характеристикой мнения является его свойство выражать субъективное знание о мире, с которым слушатель может согласиться или не согласиться в той мере, в какой это отвечает его частным интересам. Субъективное знание о мире подчиняется законам бытия только частично, оно

опосредовано индивидуальным опытом обобщения внешних признаков причинно-следственных связей событий.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) - суждение, выражающее чью-то точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться как в форме предположения, так и в форме утверждения.

Мнение в форме предположения распознается по наличию определенных слов и конструкций (например: по моему мнению; мне кажется; я считаю; я полагаю; кто-то думает, что; надо полагать, что и др.).

Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит. Мнение в форме утверждения о состоявшемся событии может быть проверено на полноту соответствия действительности. При этом мнение, в отличие от утверждения о факте, не может быть истинным или ложным, так как отражает не реальную действительность, а ее восприятие человеком, не мир, но его отражение в личной картине мира. Однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение может опираться на факты (этим оно отличается от домысла) и при этом содержать оценку фактов и их комментарии (в этом его отличие от объективного знания).

Любое мнение содержит информацию двоякого рода: во-первых, констатирующие сведения о действительности - рациональную информацию и, во-вторых, ценностную, этическую информацию. Отображаемая действительность может оцениваться как хорошая или плохая (красивая или уродливая, вредная или полезная, своя или чужая, модная или устаревшая и пр.) в зависимости от той системы ценностей, которой придерживается автор высказывания.

Поскольку в пропозиции мнения субъективная оценка качества объекта высказывания наслаивается на объективную (констатирующую) информацию об объекте, то на соответствие действительности может быть проверено только содержание диктума. В суждении: "Обвиняемый X, отказавшись от сделки со следствием, поступил глупо и необдуманно, так как теперь не сможет рассчитывать на смягчение наказания" можно проверить, действительно ли X является обвиняемым, отказался ли он от сотрудничества со следствием и может ли его наказание быть смягчено. Собственно оценочный компонент мнения ("X поступил глупо и необдуманно") верификации не подлежит, поскольку для одних людей поступок X - плохой, неправильный выбор, а для других - целесообразный, правильный.

В некоторых случаях разграничение утверждений о фактах и выражения мнения следует проводить в зависимости от всего контекста высказывания. Например, фраза "X - фашист" может расцениваться как утверждение о факте, если под этим понимается, что X состоял или состоит в фашистской партии. Если же речь идет об идеологических (политических) взглядах X, то такое высказывание является выражением оценочного мнения.

Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, т.е. основанным на обобщении намеренно подобранных отдельных фактов. Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или интуитивно, не анализируя причин, по которым он делает такое умозаключение. В случае, когда в тексте изложен ряд фактов, сопровождающийся каким-то выводом, вытекающим из них, то такой вывод может иметь форму предположения. Вывод может быть неверным по двум причинам:

- 1) одно из логически предшествующих ему утверждений о факте не соответствует действительности;
- 2) ошибочна сама логика рассуждений (факты изложены достоверно, но такой вывод на их основании сделать нельзя, поскольку между ними отсутствует когерентная связь).

Мнение может быть выражено в грубой, неприличной форме. Такое оценочное суждение может порочить честь, достоинство человека, позорить его, негативно влияя на деловую репутацию.

Предположение, в отличие от утверждения, отмечается специальными языковыми средствами - словами, выражающими неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (типа может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть

предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Сомнение - разновидность предположения, когда говорящий предполагает, что событийного факта, о котором он сообщает, в действительности могло и не быть.

Риторический вопрос - высказывание, вопросительное по структуре, но передающее, как и повествовательное предложение, утверждение о чем-либо. С помощью риторического вопроса говорящий интерпретирует утверждение о чем-либо как самоочевидное, все известное.

Мнение может быть выражено в отношении ментальных предикатных признаков субъекта пропозиции. Кратко разберем пример: "Россия переживает в первую очередь не политический и не экономический кризис, а кризис духовный" <111>. В этом предложении утверждается наличие связи между предметным административно-территориальным номинативом (Россия) и атрибутированным ментальным субстантивом (кризис). Предикатная связь имеет значение "подвергнуться чему-либо; испытать какие-либо процессы, явления". Когерентным признаком, объединяющим пропозицию в понятийное целое, служит агентивный признак со значением "человек, люди", который обнаруживается в метонимическом переносе в слове "Россия" (административно-территориальный объект - люди, населяющие этот объект), наличествует в субстантиве "кризис" и в актантных семантических признаках значения глагольной пары "пережить-переживать". Субъектом пропозиции являются "граждане России", объектом пропозиции является субстантив "резкое изменение духовного состояния людей". Основная пропозиция этого предложения может быть выражена словами: (все граждане России испытывают резкое изменение своего духовного состояния). Поскольку автор приписывает определенное ментальное состояние, которое свойственно всем без исключения гражданам России, то такое утверждение следует безусловно расценивать как выражение мнения.

<111> Использован фрагмент текста, размещенного на сайте:
<http://www.1-sovetnik.com/articles/article-886.html>.

Если субъект пропозиции характеризуется предикативным признаком со значением эмотивного предпочтения, то такая пропозиция также является мнением - мнением о предпочтении (преференции). Например: "Демократы наши **любят** народ идеальный, отвлеченный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, что он никогда не существовал и существовать не будет" <112>.

<112> См.: Достоевский Ф.М. Из Записных книжек (источник - Интернет).

В пропозиции мнения предикативный признак приписывается всему классу материально-вещественных объектов, способных занять позицию актанта (например: демократы наши любят народ идеальный, отвлеченный, т.е. все люди, входящие в класс "наши демократы"), либо нереферентному актору приписывается предикативный признак как неизменное атрибутивное качество (например: идеальный, отвлеченный народ никогда не существовал и существовать не будет).

Мнение может быть выражено по отношению к содержанию ментального субъекта пропозиции в сочетании с мерой и качеством проявления предикативного признака. Пример: "Понятие "национализм" настолько ложно вдолблено в наши головы, что уже неосознанно воспринимается как вызов другим народам, как покушение на их национальный суверенитет, как объявление войны другим народам".

Выделим основные структурные части предложения:

- "понятие настолько ложно вдолблено в наши головы, что" - изъяснительный союз;
- "понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее вызов другим народам";
- "понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее покушение на их национальный суверенитет";

- "понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее объявление войны другим народам".

Автор выражает свое мнение по поводу содержания понятия "национализм". Он утверждает, во-первых, что кто-то заставил всех людей усвоить понятие "национализм" с "ложными" (т.е. ошибочными, неправильными) признаками, во-вторых, эти признаки воспринимаются как "вызов другим народам, покушение на их национальный суверенитет, объявление войны другим народам".

В пропозиции мнения часто используются актанты с модусом эмоциональной оценки, а также предикатные признаки, содержащие модусный компонент. Например: "Похихикивая, эти пошлые хохмачи незаметно внедряют в сознание нашего народа, особенно молодежи, пренебрежительное отношение к прошлому Отечества, приглашают вместе с ними посмеяться над славой России, над памятью предков" <113>.

<113> Из интервью Г.А. Богатовой-Трубачевой (источник - Интернет).

В убеждающих высказываниях пропозиции мнения используются для пропаганды взглядов автора. Рассмотрим пример, в котором признаки объекта интерпретируются как уникальные: "Хизбут-Тахрир сегодня во всем мире [...] является единственной партией, которая имеет ясное видение жизни, к которой стремится человек" <114>.

<114> Из журнала "Аль-Ваъй". N 231. С. 17.

Разберем пример, в котором предикатный признак устанавливает связь между предметными нереперентными понятиями: "В сущности в России живут лишь следующие четыре категории населения: 1) русские, 2) желающие быть русскими, 3) дружески относящиеся к русским и 4) враги" <115>. Основную пропозицию этого суждения формирует связь между количественно определенным подлежащим, с генитивом, имеющим предметное значение "совокупность людей (четыре категории населения), и предметным административно-территориальным локативом (в России). Эта связь реализуется в значении глагола жить, значение заполненных актантных мест которого подтверждает его содержание - "иметь место постоянного пребывания, проживать в каком где-либо месте". Эта пропозиция подтверждается автором вводным словом (предложно-падежная форма в сущности). Содержание количественного конкретизатора (четыре категории) уточняется перечислением групп людей, каждая из которых связана с подлежащим-конкретизатором номинативно-характеризующими отношениями: 1) категория называется "русские"; 2) категория называется "желающие быть русскими"; 3) категория называется "дружески относящиеся к русским"; 4) категория называется "враги". Отметим, что сходство перечисленных групп, формально установленное автором, противоречит содержательной неоднородности их понятийных дифференциалов. Объединение понятий по интегральному признаку без учета различий в классификационных основаниях их дифференциальных признаков является одним из манипулятивных приемов убеждающего воздействия, прагматическую цель использования которого можно установить при анализе полного композитного высказывания.

<115> Использован фрагмент текста, размещенного на сайте: http://warrax.net/82/natio_faq.html.

Использование в предложении частиц, употребляющихся для обозначения мнимости, несоответствия действительности, для выражения неуверенности, неточности сообщения, частиц для форм сослагательного наклонения и т.п. переводит содержание пропозиции факта в разряд фактоидов - одной из разновидностей мнения. Фактоиды лишены конкретности, они всегда содержат в себе эмпирическое обобщение. Вместо конкретности очевидного в фактоиде используется узнаваемая наглядность повторяющегося, поэтому в убеждающих высказываниях они часто используются вместо фактов.

Фактоид - мнение, которое воспринимается как факт, но не может характеризоваться в категориях "истинно-ложно", а может только оцениваться как верное, вероятное или ошибочное, невероятное

суждение. Слушатель вынужден принимать или отвергать обобщенные качественные признаки, содержащиеся в фактоиде, доверяя или не доверяя компетенции говорящего. В отличие от пропозиции факта, в основе которой лежат предикативные и актантные признаки, характеристики которых могут быть подтверждены средствами объективного контроля, ложность или истинность фактоидов не может быть проверена по объективным языковым причинам - они характеризуются эмпирической (дейктической) неопределенностью. Это позволяет использовать фактоиды для манипулятивного воздействия на мнение человека, поскольку актанты, участвующие в формировании пропозиции фактоида, либо не обладают денотативным значением, либо нереферентны объектам реальной действительности. Если в пропозиции мнения фактические сведения (описание, повествование) преобразуются таким образом, что информация, подлежащая верификации, понятийно интерпретируется, то такие сведения становятся фактоидом:

- **с обобщающими свойствами**, если признаки, характеризующие участников конкретного события, происшествия, обобщаются до уровня признаков, характеризующих всех представителей какой-либо социальной группы, их постоянное поведение, свойства и черты характера и т.п.;

- **с концептуальными свойствами**, если признаки, характеризующие несколько разрозненных событий, происшествий, обобщаются до уровня явлений, имеющих характер социальных и природных закономерностей, получающих логико-аналитическое объяснение в теоретических предположениях (гипотезах).

Факты с референтными актантами, излагаемые в пересказе сплетен, слухов, также становятся фактоидами, поскольку автор намеренно отказывается взять на себя ответственность за достоверность излагаемых конкретных обстоятельств.

II.7.3. Оценка как функционально-понятийный тип риторической пропозиции. Оценка - это пропозиция, в которой предикативный признак устанавливает или отрицает наличие определительной связи между актантом и ментально-качественным признаком. Оценочное высказывание содержит информацию двоякого рода: во-первых, констатирующую информацию о действительности (диктумную часть) и, во-вторых, интерпретирующую информацию. Любые фрагменты отображаемой действительности могут оцениваться как хорошие или плохие (красивые или уродливые, вредные или полезные, свои или чужие, модные или устаревшие и пр.) в зависимости от той системы ценностей, которой придерживается автор высказывания.

При оценке важен интерпретирующий компонент содержания приписываемого признака, который сообщает слушателю о негативном или позитивном отношении говорящего к объекту высказывания. В пропозиции оценки объекту (предметно-вещественному или предикатному признаку) приписывается качественная характеристика. Тем самым автор присваивает объекту качество, которое уподобляется имманентному признаку. Для этого автор использует сопоставительное сравнение понятий, т.е. сопоставляются значения признаков двух или нескольких понятий, которые могут быть схожи между собой или совсем не схожи. В основании сравнения могут лежать как общие, так и случайные признаки объектов. Оценка важности или обязательности выделяемых признаков или какой-либо степени схожести объектов всегда является субъективной. Сравнения не подлежат логической верификации, их нельзя проверить на соответствие действительности, поэтому они часто используются в целях манипулятивной аргументации, исподволь воздействующей на сознание слушателей. В значениях предикативных признаков и актантов, участвующих в формировании пропозиции оценки, преобладают модусные компоненты с общим интегральным признаком, расположенным на шкале "хороший/плохой". При оценке признака объекта пропозитивный констатирующий компонент скрыт в бытийных презумпциях (пресуппозициях). Этим пропозиция оценки отличается от мнения.

Например: "К сожалению, реальность в Судане говорит, что правительство является марионеточным" <116>. В данном суждении объекту, соотносимому с понятием "правительство Судана", приписывается признак "исполняющий чужую волю, обслуживающий чуждые интересы" с модусом отрицательной оценки. В презумпции этого предложения утверждается, что существует "государство Судан" и существует "правительство Судана". Отметим, что источником сведений в этом предложении автор объявляет "реальность в Судане". Этот риторический прием обычно используется для отчуждения авторской оценки, создания впечатления объективности, беспристрастности оценки.

<116> Из журнала "Аль-Ваъй". N 231. С. 16.

Оценке обычно подвергается не вся понятийно-семантическая структура значений признаков объекта, а только те признаки, которые оказываются связанными данным словосочетанием. Например, определение в словосочетании "острый нож" характеризует не интегральный признак ножа (вещь, инструмент), а дифференциальный признак - режущие или колющие свойства его части. В зависимости от объекта оценки можно выделить и разновидности модусных шкал оценок с интегральным признаком "хороший/плохой":

- рациональные (интеллектуальные) шкалы: "умно/глупо", "целесообразный/нецелесообразный";
- утилитарные шкалы: "полезно/вредно", "удобный/неудобный", "выгодно/невыгодно", "вкусный/невкусный", "приятный/неприятный";
- эстетические шкалы: "красивый/безобразный", "архаичный/современный", "оригинальный/вторичный", "хаотичный/гармоничный";
- социальные шкалы: "свой/чужой", "бедный/богатый", "низы/верхи";
- этические шкалы: "можно/нельзя", "благородно/аморально", "приличный/неприличный", "тактичный/вызывающий", "справедливый/несправедливый" и т.п.

Каждая из этих шкал может совмещать несколько признаков или разделяться на подвиды. Например, в этических шкалах можно выделить:

- юридическую шкалу - "легальный/нелегальный", "разрешенный/неразрешенный";
- политическую шкалу - "прогрессивный/консервативный", "миролюбивый/агрессивный" и т.п.

Такие шкалы субъективных оценок допускают возможность дополнительной модусной характеристики степени проявления признака значениями, выражающими понятия "очень/не очень", "абсолютно/относительно", "предельно/минимально".

Оценки, не содержащие интегральный признак "хороший/плохой", относятся к разряду скалярных количественных характеристик, которые могут быть проверены и подтверждены числовыми значениями. Такие характеристики объектов могут участвовать в пропозиции факта. Например, шкалы приблизительной количественной оценки относительно средней нормы:

- шкалы чувственного восприятия материально-вещественных объектов: "теплый/холодный", "твердый/мягкий", "пресный/соленый", "яркий/темный";
- количественные шкалы: "много/мало", "высокий/низкий", "быстрый/медленный", "далекий/близкий", "широкий/узкий" и т.п. <117>.

<117> То обстоятельство, что для кого-то данная характеристика объекта будет не совпадать с личным восприятием, не означает, что пропозиция факта перестает быть таковой. Для нас важно, что автор сделал некоторое утверждение в форме факта. Если бы автор захотел сообщить свое мнение о факте, он указал бы на это, пояснив словами: по моему мнению, я считаю, мне кажется и т.п.

Оценка может выражаться в нескольких формах: 1) непосредственная прямая оценка с негативным или позитивным модусом: "X - плохой (глупый, неприятный; благородный, цветущий) человек"; 2) вероятностная оценка, опосредованная выражением мнения говорящего: "Мне кажется, X плохой человек", "Я думаю, что на них можно положиться".

Оценка может быть высказана: 1) без прямого сопоставления с другим объектом: "Деятельность предприятия Y приносит пользу горожанам"; 2) в сопоставлении с другими объектами: "В отличие от других предприятий города фабрика Y заботится о своих работниках".

Оценочные высказывания, хотя и не проверяются на соответствие действительности, должны обобщать фактические сведения. Если в тексте отсутствует обоснование оценки, такая характеристика объекта суждения является голословной, оценочной. Например, фраза "X - коррупционер" выражает оценку конкретных действий человека, использующего свои полномочия в целях личного обогащения. Оценивая так человека, говорящий имплицитно утверждает, что ему известны соответствующие факты. Если в тексте приводятся примеры конкретных поступков X, расцениваемых автором как проявления коррупции, то такое высказывание становится оценочным мнением о действиях человека. В этом случае на соответствие действительности могут быть проверены фактические сведения о деятельности X.

Рассмотрим пример сопоставления признаков объектов: "Русская нация - раковая опухоль человечества!" <118>. Здесь сопоставляются формально несхожие понятия, при этом отличительные этические признаки русской нации уподобляются отрицательным утилитарным (качественным) признакам раковой опухоли.

<118> Из высказываний Валерии Новодворской (источник - Интернет).

Приведем пример метафорического сопоставления предикатных признаков объектов: "С упорством моськи Россия твякает из подворотни на всех, в ком инстинктивно чует духовное превосходство над собой" <119>. Здесь именем собственным Россия обозначаются "люди, публично выражающие интересы государства" (в том числе власти России, журналисты и т.п.). Это значение когерентно значениям местоименной определительной группы (на всех, в ком), конкретизированного предиката (инстинктивно чует), а также субъекта, скрытого в атрибутированном субстантиве (духовное превосходство кого-либо). Негативная оценка действий властей России дается через унижительное сопоставление с поведением маленькой собачки. Этот риторический прием в середине XX в. широко использовался в идеологически мотивированных пропагандистских клише.

<119> Из высказываний Бориса Стомахина (источник - Интернет).

Оценка является специализированным видовым понятием по отношению к родовому понятию мнения, поэтому выражение мнения посредством оценочного сопоставления функций объектов является одним из основных приемов убеждающего воздействия. Например: "Всех существующих сегодня в исламском мире, включая Судан, правителей мы считаем орудием для реализации планов неверного Запада, которые направлены на разделение этой уммы" <120>. Здесь "правителей" уподобляют орудию, функцией которого является реализация планов Запада. В пропозиции мнения отражен предикатный признак, который приписывается всем правителям исламского мира: "Осуществлять планы властей западных стран, исповедующих христианство".

<120> Из журнала "Аль-Ваъй". N 231. С. 15.

Резкая отрицательная оценка лица часто выражается с использованием слов и выражений, которые находятся за пределами стилистического спектра официально-делового стиля литературного языка, но иногда используются в языке художественной литературы для передачи оскорбительной или унижительной оценки личных качеств человека. Для оскорбления обязательна неприличная форма оценки, т.е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми. На лексическом уровне неприличная форма выражается в использовании бранных слов, относящихся к разряду обценной лексики <121>.

<121> Обценная лексика (от лат. *obscenus* - непристойный, распутный, безнравственный) - непечатная брань, нецензурные выражения, ненормативная лексика, сквернословие, срамословие. Сегмент бранной лексики различных языков, включающий грубейшие (похабные, непристойные, богомерзкие,

вульгарные) бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию. Одной из разновидностей обцененной лексики в русском языке является матерная лексика, мат (http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%E1%F1%F6%E5%ED%ED%E0%FF_%EB%E5%EA%F1%E8%EA%E0).

В том случае, если личные качества человека сопоставляются с личными качествами какой-либо одиозной фигуры или качественным признаком табуируемого объекта, то такое сопоставление является оскорбительным, задевает честь и достоинство человека, называемого в качестве объекта сравнения. Такое сравнение может также негативно отразиться и на его деловой репутации.

II.7.4. Волеизъявление как функционально-понятийный тип риторической пропозиции. План выражения глагольных форм, способных манифестировать пропозицию волеизъявления, довольно разнообразен. Он включает средства выражения модальных значений, значений повелительного наклонения, будущего времени. Модальные слова, частицы, выражающие различные модальные значения, участвуют в формировании пропозиции волеизъявления. Главным отличием этого типа пропозиции является фактическая нереализованность его предикатного признака. Говорящий, сообщая о своем отношении к главному объекту высказывания, выражает мнение о необходимости осуществления или неосуществления предикатного признака. Например: "Над Россией должен наконец воцариться высший интерес над всем обществом, над всеми политическими дрязгами, и это интерес сохранения, сбережения, приумножения русской нации. Сегодня интересы русского нам должны быть значимее и дороже интересов целых континентов. Сегодня понятие "нация" должно быть нам так же близко, дорого и свято, как понятие "семья" <122>.

<122> Цитата из сочинений Бориса Миронова, распространяемая в блогосфере и на сайтах Рунета.

В волеизъявлении с использованием форм будущего времени говорящий выражает различные оттенки уверенности в реализации предикатного признака. В качестве примера приведем конфликтогенное высказывание: "Исламское государство будет [...] работать для объединения всех мусульманских стран, искоренения влияния неверных, как и будет работать для распространения Ислама как послания, которое бросает вызов всем идеологиям неверных" <123>.

<123> Из журнала "Аль-Ваъй". N 231. С. 11.

Используя инклюзивные формы повелительного наклонения, говорящий побуждает к совместному с ним действию того, к кому обращена речь. Ср. "пойдем, пойдёмте, сделаем, расскажем" в отличие от "пойдите, сделайте, расскажите".

В качестве языковых форм волеизъявления рассматриваются также регулятивные суждения: призывы, лозунги, девизы, идеологемы. В широком смысле регулятивные пропозиции отражают апостериорный опыт взаимодействия людей, опыт социального управления и подчинения.

Пропозиция волеизъявления является наиболее ясным и понятным типом целенаправленного воздействия на слушателей, если выражается в форме агитационного призыва. Например: "Единственный нравственно верный подход к войне (между евреями и арабами) - это еврейская тактика: разрушайте их храмы, убивайте их мужчин, женщин, детей и скот" <124>. Эта цитата иллюстрирует один из случаев пропагандистского высказывания с элементами агитации, имеющего понятийно-риторические признаки оправдания необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности <125>.

<124> Из высказываний Маниса Фридмана, раввина миноритарной религиозной группы "Хабад-Любавич" (цитата из документального фильма Д. Дюка).

<125> О причинно-целевой зависимости вывода от риторической конструкции см. [п. II.10](#).

II.8. Синтез понятийно-риторических единиц содержания текста.

Для лингвистов, не владеющих методикой синтеза понятийно-риторических единиц, переход от анализа грамматических и семантических категориальных связей, присущих компонентам предложения, к анализу прагматической стороны высказывания оказывается во многом непреодолимым. Логический обрыв последовательности системных рассуждений, возникающий при этом, катастрофически сказывается на самой возможности описания результатов прагматического анализа, движущегося как от языковых средств к их семантическому содержанию (иначе - от текста к понятийному содержанию), так и от результатов анализа содержания языковых средств к синтезу мыслительного содержания высказывания по когерентным значениям понятийных признаков.

В Методике излагаются способы и приемы последовательного лингвистического описания и характеристики информационных материалов, результаты которых можно включать в текст заключения для обоснования экспертных выводов. Выше были приведены основные понятия, сопровождавшиеся примерами анализа фрагментов текста с переходом от синтаксической структуры предложения к понятийно-семантической структуре связанных пропозиций. Теперь изложим способы и приемы понятийно-риторического синтеза высказываний с убеждающим типом суждений (мнения, оценки, волеизъявления).

II.8.1. Приемы понятийно-риторического синтеза высказывания. Функциональное описание результатов системной когезии синтаксических единиц, формирующих коммуникативную целостность предложения, позволяет совершить контролируемый выход за пределы отдельного предложения и по когерентным семантическим значениям установить вид контактных и дистантных связей, возникших между пропозициями.

Установив типы пропозиций, составляющих фрагмент текста, и определив их связи, можно приступить к синтезу коммуникативно-риторической структуры высказывания. Последовательная характеристика таких связей позволяет использовать процедуры связывания выделенных пропозиций по когерентным значениям признаков в единую риторическую конструкцию.

В отличие от общей теории аргументации <126>, в которой исследуются способы доказательства в условиях дискурса и с учетом специфики аудитории, цель прикладного аспекта понятийно-риторического синтеза содержания текстов состоит в выделении частей ценностного композитного высказывания и установлении когерентности тематических фрагментов, позволяющих сделать вывод о коммуникативных задачах и целевой направленности текста.

<126> См., например: Рузавин Н.Г. Методологические проблемы аргументации. М., 1997. Риторический подход к исследованию аргументации появился в результате накопления практических знаний о дискурсе, которые невозможно описать средствами формальной логики. В современных работах по основам риторики и теории аргументации отечественные и зарубежные ученые развивают неориторический подход в русле идей, изложенных в работах Хайма Перельмана. См., в частности: Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Из книги "Новая риторика: трактат об аргументации" // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 201 - 264.

На этапе синтеза понятийных связей и отношений между пропозициями по их когерентным семантическим признакам вместе с укрупнением объекта исследования укрупняются единицы исследования, меняется инструментарий понятийного аппарата. В процедурах синтеза реализуется прагматический подход к интерпретации текста. Функционально-прагматический подход ориентирован на то, чтобы в процессах интерпретации содержания использовать логические и ценностные характеристики текста, аналогичные тем, которые активизированы в сознании слушателя при переработке информации, и фиксировать в явном виде понятийную структуру языковой информации.

1. Синтез текстовой информации - это операция связывания элементов высказывания в понятийно-риторическую структуру путем интерпретации типов обусловленности когерентных значений

объектных, атрибутивных и акцидентных признаков элементов выделенных пропозиций.

Между суждениями, составляющими композитное высказывание, могут устанавливаться два вида связей: подчинительно-обуславливающие (целевые, причинные) и композиционно-симметричные (равноправные, перечислительные). При обуславливающей связи суждений обычным является использование местоимений, синонимов, антонимов, лексических повторов. При параллельной композиционной связи, используемой для описания чего-либо или последовательного повествования о чем-либо, выделяется главный объект высказывания, который характеризуется соположенными (объектными или предикатными) семантическими признаками, связанными с другими объектами отношениями (объединения, перечисления, разделения, противопоставления). Формальная связанность текстовых фрагментов, характеризуемая единством грамматических форм сказуемого и подтверждающаяся как наличием общей темы, так и единством объекта высказывания, позволяет установить речевые значения слов (контекстное употребление слова).

В качестве отдельного вида связи предложений рассматривают присоединение дополнительного авторского комментария - присоединительную связь (конкатенацию). В отличие от других типов связи конкатенация не образует самостоятельного текста - это всегда авторское отношение к излагаемому сообщению. Этот вид связи обычно используется в текстах художественной литературы как средство имитации живой непринужденной речи. В этом случае к последовательной или параллельной связи предложений присоединяется авторская ремарка, выражающая отношение говорящего к сказанному. Например: "Вчера обсуждали их работу. Им крепко досталось - и за дело".

В отличие от структурной схемы предложения, организующим ядром которой выступает предикат с его актантами связями, в структуре высказывания понятийно-смысловым центром выступает главный риторический объект, характеризуемый в высказывании. Для того чтобы проанализировать содержательные структуры, характеризующие главный объект речи, необходимо вскрыть семантические связи плана содержания определенного фрагмента текста. Ведь выбор главного риторического объекта не только формирует тему высказывания, но и влияет на понятийно-риторическую структуру текста.

Понятийно-риторическая структура высказывания - реальный лингвистический объект, относящийся к плану содержания, - не вскрывается одним лишь описанием функционально-грамматических взаимоотношений использованных лексических средств. Под структурой понятийного (т.е. мыслительного) содержания понимаются системно-семантические языковые связи, устанавливаемые между отдельными частями полного высказывания с помощью анализа формально-грамматических, лексико-семантических, функционально-синтаксических значений языковых средств воплощения мысли.

Суждения, составляющие композитное высказывание, различаются в зависимости от способа воплощения коммуникативных намерений автора и использованных риторических приемов. И хотя состав и структура суждений, использованных в риторических приемах рассуждения, несколько отличаются от высказываний с коммуникативным намерением описания или повествования, тем не менее все композитные высказывания представляют собой трехчастные конструкции.

Исходная посылка, в которой формулируется тема высказывания, обычно представляет собой простое, полное, двусоставное предложение. Такая синтаксическая структура привычна для слушателей, она позволяет легко понять и запомнить содержание сказанного. Исходное положение должно соотноситься с некоторой информационной проблемой (объектом речи), которая обсуждается и обосновывается в последующем рассуждении. Структура суждений, являющихся доводами, может быть распространенной и довольно сложной. Однако их понятийная связь с исходным положением должна быть понятна слушателям. В качестве обоснования исходного суждения автор может приводить:

- факты, истинность которых подтверждает верность исходной посылки;
- фактоиды, правдоподобие которых подтверждается содержанием посылки;
- оценочные мнения, правильность которых подтверждается совместимостью с прошлым опытом или предпочтительностью с точки зрения ценностей;
- оценки, справедливость которых устанавливается соответствием той или иной норме,

соответствием целям и интересам аудитории.

Цель речевого действия заключается в выводе или обобщении высказывания, обычно она формулируется так же кратко, как и посылка.

2. Виды понятийно-риторического синтеза фрагмента текста и структурные единицы прагматического исследования текста:

- для функционально-понятийного связывания фрагмента текста в качестве исходных единиц синтеза используются пропозиции: факты, мнения, оценки, волеизъявления;

- для синтеза понятийно-риторической структуры текста единицами описания являются коммуникативные типы утверждений и суждений: констатирующий, убеждающий, директивный. Они могут включать в себя одну или несколько пропозитивных единиц, вскрытых при анализе, а при синтезе коммуникативных типов образуются пропагандистские и агитационные риторические структуры, создающие полное композитное высказывание.

3. Специфические характеристики убеждающего речевого акта. Информационная структура высказывания - это структура его содержания, определяемая понятийно-семантическими отношениями, возникающими между линейно расположенными суждениями. Между ними устанавливаются тематические отношения, мотивированные значением обусловленности предикативных признаков пропозиций (причинные, целевые, функциональные отношения) и (или) обусловленные когерентными значениями понятийных признаков агентных и объектных актантов, выражающих мереологические, пространственно-временные, перечислительные, сопоставительные отношения <127>.

<127> См., например: Сусов А.А. Каузальные риторические отношения // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 55 - 81; Он же. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник Воронежского гос. унта. Сер. Филология. Журналистика. 2006. N 2. С. 133 - 138.

Полная понятийно-риторическая структура композитного высказывания состоит из трех частей:

1) доказываемое положение (исходное суждение) - в форме мнения или факта, являющегося информационным поводом, темой всего высказывания;

2) обосновывающий довод - в форме оценочного суждения или оценочного мнения о факте исходной посылки;

3) выводное следствие - в форме умозаключения (решения), содержание которого тематически связано с содержанием исходной посылки и обосновывающих доводов.

Приведем пример полного высказывания: "Кабарда испокон веков занимала доминирующее положение в крае. Она не только стояла на более высоком уровне социально-экономического, политического и культурного развития, чем многие народы региона, но она обладала самыми плодородными землями и огромной территорией. Все соседние народы - балкарцы, карачаевцы, осетины, ингуши, чеченцы - занимали в основном горные части Северного Кавказа и всегда ощущали острую нехватку земельных угодий... И только Кабарда могла отводить им эти земли для их поселения... Таким образом, постепенно эти народы оказались в вассальной зависимости от Кабарды" <128>.

<128> Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С. 181 - 182.

Здесь автор дает оценку уровню развития различных этносов, проживавших на территории Северного Кавказа. При этом культурное развитие этнических групп определяется в противопоставлении "более высокий уровень развития - менее высокий". Добавим, что этнические группы противопоставляются и по признаку "свой-чужой" с акцентом на исходное суждение - доминирующее положение Кабарды, которая

является для автора "своей". Коммуникативная задача высказывания состоит в изложении авторской позиции о том, "кто от кого зависел на Северном Кавказе". Цель высказывания сводится к доказательству исконных прав Кабарды на владение самыми плодородными земельными угодьями Северного Кавказа. (Учитывая этническое многообразие народов Кавказа, тема высказывания и его цель являются конфликтногенными.)

Минимальная структура убеждающего высказывания, будучи неполной, может состоять лишь из двух частей:

1) внедряемый в сознание слушателей фактоид - в форме суждения о действиях людей или их личных качествах;

2) оценка этого фактоида - в виде квалификативно-оценочной характеристики результатов этих действий или деятельных проявлений личных качеств этих людей.

Приведем пример двухчастного высказывания:

"И одним из таких методов колониальной политики было изгнание адыгов и других горцев, которые сопротивлялись России, со своей исторической Родины, Родины предков, которую они защищали не одно столетие от многочисленных завоевателей. Эта политика изгнания горцев со своей территории в Османскую империю явилась, особенно для адыгов, настоящей национальной катастрофой, настоящим, ничем не прикрытым геноцидом царизма по отношению к адыгскому народу" <129>.

<129> Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. С. 224.

Здесь автор выражает суждение, что "изгнание горцев со своей исторической Родины было частью (методом) колониальной политики России". Этому суждению автор дает оценку: "Эта политика... явилась ничем не прикрытым геноцидом".

Использование риторической конструкции "фактоид - оценка фактоида", подменяющей собой конструкцию "факт - обобщающий вывод из факта", позволяет автору, манипулируя фактоидами в речевых действиях, активно вводить в сознание аудитории ложные утверждения. Из курса математической логики известно, что из ложного утверждения может следовать любой вывод (в том числе и правильный). Поэтому чтобы экспертный вывод из высказывания был адекватен содержанию текстового фрагмента, исследоваться должно не отдельное утверждение или вывод из него, а все рассуждение целиком, весь ход авторской мысли. Добавим также, что предлагаемые в методике схемы коммуникативно-риторических структур композитного высказывания не столько служат для анализа реальных рассуждений, сколько могут быть использованы в качестве образцов, задающих минимальную нормативную структуру любого полного высказывания.

В реальном тексте структура двухчастного убеждающего высказывания может быть усложнена за счет дополнительных поясняющих и уточняющих риторических частей, поэтому композитное высказывание может быть довольно пространным. Например:

"В дореволюционных да и во многих работах советских историков говорится, что якобы кабардинцы устраивали набеги на русские крепости и населенные пункты" и поэтому Россия развязала эту войну.

Утверждать, что причиной Русско-Кавказской войны были набеги горцев на русские крепости и населенные пункты, - значит быть абсолютно некомпетентным в вопросах войны и мира. Досадно еще и то, что "набеговой" причинности этой войны придерживаются и некоторые кавказоведы. Набеги с древнейших времен были обычным явлением жизни народов приграничных районов. Образом жизни адыгских князей и дворян было наездничество. Они не представляли себе жизни без набегов на другие народы, населенные пункты своих соплеменников и т.д. Часто случалось, что с набегов начинались кровопролитные и затяжные войны.

Но на Северном Кавказе набеги горцев были реакцией, ответом на действия царских властей против

них; набеги нельзя считать причиной большой Русско-Кавказской войны, тем более что объектами набегов горцев были не Москва, Тула, Воронеж, не вся Россия. "Набеговая концепция" по существу схожа с "цивилизующей ролью колонизаторов". Она нивелирует имперский характер политики царизма и самое главное - уравнивает в ответственности за войну агрессора и его жертву. По такой "теории" получается, что на огромных просторах Сибири, Средней Азии, Кавказа царская Россия только и делала, что оборонялась от нападений агрессивных соседей и, чтобы обезопасить себя, аннексировала чужие земли и покоряла народы. Это абсурд! Россия не одно столетие захватывала у горцев земли, создавала на них русские и украинские поселения, строила военные крепости и укрепления и к 60-м гг. XVIII в. перешла к открытым военным действиям против народов Северного Кавказа и развязала эту войну" <130>.

<130> Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. С. 204 - 205.

В этом примере, как и в более кратком фрагменте (разобранном выше), излагается авторское понимание причин конфликтов во взаимоотношениях между Российской империей и народами Северного Кавказа. Высказывая свое мнение о причинах конфликта в форме оценочных суждений, автор выражает взгляд <131>, согласно которому народы Кавказа, оказавшись в роли жертвы, воевали с царскими войсками, отстаивая свою независимость. Автор категорически отвергает версии о добровольном присоединении Кабарды к Российской империи, а также называет абсурдом объяснение причин Русско-Кавказской войны практикой набегов горцев на русские поселения, подрывавшей экономическую жизнь на прилегающих к Кавказу территориях.

<131> Тот факт, что излагаемый автором взгляд соответствует марксистско-ленинскому подходу к историческим процессам, должен подтвердить специалист-историк. Вывод о противоречивости обоснований и голословности выводов (т.е. сделанных на основании мнений и оценок вместо фактов) историк и лингвист могут сделать совместно.

Коммуникативная задача высказываний заключается в обосновании мнения, что единственным виновником бед, постигших адыгов (черкесов, кабардинцев) в XIX - XX вв., была Российская империя, проводившая на Северном Кавказе захватническую колониальную политику.

Целевая направленность высказываний состоит в пропаганде обвинений Российской империи, связанных с результатами ее политики в отношении народов Северного Кавказа. Поскольку в тексте не приводятся фактических данных, которые бы подтверждали мнение К.Х. Унежева, постольку его высказывания строятся по риторической схеме манипулятивного воздействия на мнение слушателей (в данном случае - студентов). Ведь для обоснования исходного оценочного мнения автор приводит аргументы, которые в свою очередь сами являются фактоидами или оценочными мнениями, а обуславливающую связь между условием и результатом (причинно-следственную связь действий) автор заменяет отношением ментально-целевого повода <132> и модусной характеристики совокупного целевого результата физических действий (функционально-квалификационная связь событий) (ср.: набеги были важной частью национальной культуры адыгов, но в нужный момент были использованы Россией для оправдания своих колониальных захватов и геноцида адыгского народа).

<132> Поводы - это качественно оцениваемые события или действия, которые сами по себе не могут вызвать рассматриваемого следствия, но являются информационной причиной ментально-волевого импульса, включающего реальный механизм причинно-следственных взаимодействий. Повод содержит такую модусно-целевую интерпретацию реальных событий, которая оправдывает последующие действия. Отношения информационного повода и реального действия можно рассматривать как проявление целевой причинности речевых действий.

II.8.2. Исходная посылка, суждение - это часть высказывания, представляющая собой утверждение о связи между каким-либо объектом мысли и его признаком (или о связи между несколькими объектами), доказываемое в ходе последующего рассуждения. В том случае, когда выводное умозаключение в

высказывании формально отсутствует, исходная посылка высказывания выполняет функцию умозаключения, справедливость которого автор стремится обосновать примерами, фактами, сведениями. Трехчастная структура высказывания при этом сохраняется. В самом общем смысле обосновать некоторое суждение - значит привести такие убедительные или достаточные аргументы, в силу которых это суждение должно быть принято слушателями. Исходная посылка в виде мнения является той мыслью, которую автор стремится внушить слушателям, сделав ее составной частью их убеждений.

Содержание исходного положения задает тему высказывания, в которой выделяется главный риторический объект. Побудительные мотивы, по которым автор выбрал ту или иную тему высказывания, лежат за пределами лингвистического анализа, однако сама тема должна быть связана с таким утверждением, справедливость которого, по мнению автора, нуждается в обосновании. Если в посылку убеждающего высказывания автор помещает факт-повод, то содержание такой посылки обычно находится в отношении смыслового контраста или согласования с конкретными законами природы или общественными нормами. Используя факт (или фактоид) в качестве информационного повода, автор тем самым готовится сообщить слушателям о возможном несоответствии факта какому-то закону или норме. Если темой обсуждения является оценочное мнение автора, то содержание темы должно по какому-то признаку контрастировать или конкурировать с нормами, принятыми в обществе для объектов данного класса.

Обосновывающий довод представляет собой одно или несколько связанных утверждений в виде фактов, сведений, мнений, предназначенных для поддержки и пояснения исходной мысли.

II.8.3. Аргументация - это речевая деятельность по обоснованию исходной посылки такими доводами, которые способствуют изменению позиции или убеждений аудитории. Аргументацией обосновывают, объясняют, доказывают непротиворечивость и взаимосвязь исходных положений с предлагаемыми аргументами, которые предположительно должны быть известны слушателям и с которыми они, по всей вероятности, согласны. Аргументирующая часть высказывания обычно ясно выражена в тексте, имеет форму утверждений, содержательно связанных и соотносенных по смыслу (в противном случае содержание всего высказывания останется непонятным слушателям).

В зависимости от целевой направленности высказывания аргументация может использоваться для обоснования.

Под обоснованием понимается часть высказывания, в которой приводятся фактические или этические доказательства справедливости исходного положения. Обоснование - это часть высказывания (вид аргументации), в которой объясняется, почему надо думать или делать именно так, как заявляет автор, а не иначе. Обоснование имеет форму эксплицитного (т.е. ясно выражаемого) модального утверждения с положительным модусом. Оно представлено в тексте в виде доводов (доказательств), имеющих системно-смысловую связь (в данном случае - причинно-следственную) как с доказываемым исходным положением, так и с выводом.

Следует отличать суждения, обосновывающие необходимость совершения какого-либо действия, от суждений, обосновывающих неотвратимость возникновения какой-либо ситуации или события как следствия состоявшихся событий. В качестве примера рассмотрим фрагмент текста из открытого письма Б. Березовского, в котором он выражает уверенность, что "смена режима произойдет исключительно силовым путем" <133>. Он пишет: "Насилие Путина над обществом - свершившийся факт. Поэтому силовое противостояние общества и путинского режима неизбежно. Те, кто отрицает это, - либо глупцы, либо трусы, либо кремлевские политехнологи, стращающие Площадь кровью" <134>.

<133> Фрагмент открытого письма Б. Березовского "Рожденным не в СССР". Полный текст доступен в Интернете.

<134> Там же.

Неизбежность предстоящего следствия обосновывается автором такими обстоятельствами, в которых он не видит иного способа разрешения существующего, по его мнению, социально-политического

конфликта. Само по себе такое высказывание не содержит обоснования необходимости совершения соответствующих действий, так как в нем отсутствует положительная оценка противоправного способа действий. Установление коммуникативной задачи в подобных случаях требует анализа всего контекста высказывания. В причинно-следственной (каузальной) риторической конструкции, в которой неизбежность некоторых событий описывается как естественная закономерность, обычно используется нейтральный модус. Такие способы описания характерны для научных текстов. Если же автор сопровождает суждение о неизбежности событий выражением одобрительного отношения к ним, то тем самым он выражает и личную заинтересованность. По выражению одобрительного отношения к совершению противоправных действий или наступлению негативных последствий (событий) устанавливается не только коммуникативная задача такого высказывания, но и его пропагандистская направленность.

1. Оправдание кого-либо является одной из разновидностей обоснования совершенного действия. Оно используется для доказательства наличия положительных качеств у какого-то объекта в связи с его действиями либо одобрительной оценкой чьих-либо действий. Оправдание является контраргументом для противодействия возможному согласию слушателей с имеющимися негативными оценками объекта речи, обвинениями в его адрес, которые автор данного текста опровергает фактическими или этическими доказательствами.

Как и в случае с обоснованием действия, суждения, оправдывающие необходимость совершенных кем-либо действий, следует отличать от суждений, обосновывающих неизбежность совершенных кем-либо действий. Для сравнения приведем пример:

"Самое страшное в последних московских взрывах то, что по крайней мере одна из террористок была человеком взрослым, уравновешенным, образованным. Она совершенно не походила на безумную дикарку или "фанатичку", ее явно не накачивали наркотиками, не одурманивали - зачем? Она сама, с ясной головой и твердым шагом пошла взрывать невинных. И себя. Это значит только одно: она давно жила в том самом аду, терять который было не жаль. И еще она потеряла надежду. Можно было, конечно, уйти из жизни в одиночестве, но, видимо, ей хотелось... только ли отомстить? А может, еще и докричаться? Прокричать напоследок про удушающую власть беззакония, про собственное бесправие, беззащитность, смертный страх за родных - про то, что мы не хотим знать, когда это касается других. Она не сомневалась: иначе ее просто не услышат. Теракт - это еще и уродливая, больная попытка коммуникации с оглохшим миром" <135>.

<135> Фрагмент статьи М. Кучерской "Вечные ценности: провал коммуникации".

Каузальная конструкция оправдания необходимости действий должна сопровождаться одобрительным, положительным отношением к их совершению, но в приведенном примере, представляющем собой обоснование неизбежности действий террористки, признаки оправдания совершенных взрывов отсутствуют. Поэтому высказывания журналиста по конфликтной социальной проблеме хотя и являются конфликтогенными, но целевой направленности на оправдание террористической деятельности не имеют.

2. Обвинение кого-либо также является разновидностью аргументации. Обвинение используется для обоснования мнения о низких морально-нравственных качествах какого-то объекта и его действий. Обвинением называется часть композитного высказывания, в которой ответственность за действия, негативно оцениваемые говорящим, возлагается на какого-либо человека или группу лиц. Обвинением является также утверждение о совершении человеком противоправных действий или действий с негативными последствиями.

Посылки и доводы неизбежно располагаются последовательно, линейно, они связаны друг с другом имплицативной (т.е. мотивирующей или обуславливающей) связью, образующей понятийно-риторическую структуру с общим тематизирующим элементом, предикатные признаки которого имплицативно связаны друг с другом. Рассмотрим пример:

"Россия не является демократической страной, и США должны действовать исходя из этого представления, считает политик. "Внутри России контроль всегда на повестке дня, главные отрасли

промышленности национализированы, независимые СМИ подавлены, легальных оппозиционеров избивают и сажают в тюрьмы. Россия использует свои естественные ресурсы как политическое оружие, и она заигрывает с нестабильными и опасными режимами", - суммировал свое отношение к Москве Бейнер" <136>.

<136> http://www.gazeta.ru/politics/20n/10/26_a_3812998.shtml

Исходное мнение (Россия не является демократической страной) в тексте статьи объединено с итоговым выводом высказывания (США должны действовать исходя из этого представления). Выделенное суждение и умозаключение находятся в причинно-следственных отношениях. Темой высказывания является характеристика социально-политической ситуации в России (с точки зрения американского политика Д. Бейнера). В качестве аргументации используются фактоидные суждения, которые Д. Бейнер делает от своего имени.

Коммуникативной задачей высказывания является обоснование мнения о необходимости США строить свои отношения с Россией как с недемократической страной.

Целевая направленность высказывания состоит в пропаганде обвинения в том, что Россия не является демократической страной. Добавим, что в понятийно-риторической структуре всей статьи это высказывание используется в функции аргумента к базовому тезису, сводящемуся к агитационному требованию прекращения политики "перезагрузки" в отношениях между США и Россией.

II.9. Риторическая структура аргументации.

При исследовании информационных материалов с признаками убеждающего воздействия особое внимание следует обращать как на фрагменты текста, в которых дана аргументация <137>, подтверждающая мнение автора, так и на выводы, ради которых было обнародовано данное высказывание. В рассуждениях, призванных убедить в чем-либо слушателя, в качестве аргументов обычно используются сведения о фактах, мнения о фактах и эмоциональные оценки фактов, а выводы часто содержат обобщающие мнения в форме декларативных волеизъявлений (требования, советы, клятвы, обещания и т.п.). В качестве поясняющего примера разберем фрагмент текста:

<137> Риторической аргументацией называется такой вид речевой деятельности, который используется не столько для подтверждения истинности или ложности знаний об объекте, сколько для убеждения слушателей и непротиворечивого обоснования правильности, уместности, приемлемости, справедливости или несправедливости каких-либо суждений об объекте высказывания.

"В субботу в Москве планируется митинг под лозунгом "Хватит кормить Кавказ". Нам непонятна логика официальных московских властей, давших санкцию на проведение митинга, имеющего явный националистический подтекст. Основной лозунг акции мы считаем ксенофобским и подчеркиваем, что словосочетание, лежащее в его основе, мы рассматриваем как разжигание межнациональной розни. Считаем своим долгом отметить, что в условиях крайне хрупкого межнационального мира в современной России подобные мероприятия недопустимы" <138>.

<138> См.: заявление Совета Общественной палаты РФ от 22 апреля 2011 г.

В предложениях приведенного фрагмента выделяются следующие функционально-коммуникативные типы пропозиций:

1. Предложение "В субботу в Москве планируется митинг под лозунгом "Хватит кормить Кавказ" содержит сообщение о предполагаемом социальном факте, который является информационным поводом для всего высказывания (выделяемая пропозиция: [кем-то] планируется митинг).

2. Предложение "Нам непонятна логика официальных московских властей, давших санкцию на проведение митинга, имеющего явный националистический подтекст" содержит сообщение об административно-волитивном факте (пропозиция факта: власти дали санкцию) в контрасте к оценочному мнению Общественной палаты (ОП) о возможной тематике и основном содержании митинга (пропозиция мнения: митинг имеет подтекст). Умозаключение (нам [ОП] непонятна логика официальных московских властей) содержит фактоид "ОП не понимает содержания отношения между результатом" - "положительная санкция властей" (пропозиция факта) и целью предстоящего "митинга с подтекстом" (пропозиция мнения ОП).

3. Предложение "Основной лозунг акции мы считаем ксенофобским и подчеркиваем, что словосочетание, лежащее в его основе, мы рассматриваем как разжигание межнациональной розни" выражает оценку тематики митинга (пропозиция оценки: лозунг мы [ОП] считаем ксенофобским), оценочное мнение о целях его организации и возможных результатах (пропозиция мнения: мы [ОП] рассматриваем как разжигание...).

4. Предложение "Считаем своим долгом отметить, что в условиях крайне хрупкого межнационального мира в современной России подобные мероприятия недопустимы" выражает обязывающее оценочное умозаключение (пропозиция волеизъявления ОП: считаем долгом отметить) о социальном факте (пропозиция факта: подобные мероприятия), являющемся понятийно-смысловым центром высказывания.

Диктум высказывания содержит:

- указание на автора текста - Совет Общественной палаты (местоимения: нам, мы);
- сообщение о предполагаемом социальном факте (планируется проведение митинга), риторический объект социального факта - митинг под лозунгом;
- сообщение о волитивном факте (официальные московские власти дали санкцию на проведение митинга); риторический объект волитивного факта - "те самые московские власти, которые дали санкцию на митинг";
- сообщение о причине негативного мнения Совета Общественной палаты (отрицательное отношение к этим фактам: нам непонятна логика властей (-> потому что) митинг имеет подтекст, лозунг считаем ксенофобским);
- обоснование умозаключения Совета Общественной палаты относительно социального факта - понятийно-смыслового центра высказывания (подобные мероприятия недопустимы).

Модус высказывания содержит:

- косвенную оценку действий московских властей (через оценку предполагаемой цели митинга);
- оценку тематики и основного содержания митинга;
- оценочное мнение о результатах митинга;
- обязывающее оценочное мнение о социальном факте.

Понятийно-риторическая структура фрагмента состоит из следующих частей:

- исходная посылка, сообщающая о главном объекте высказывания, проблеме и теме высказывания (митинг под лозунгом "Хватит кормить Кавказ" [кем-то] планируется);
- соположенная посылка, содержащая мнение о факте получения разрешения на проведение митинга от московских властей (нам непонятна логика официальных московских властей, давших санкцию на проведение митинга);
- довод, обосновывающий обстоятельную объектную связь с исходным утверждением (является атрибутивным оценочным суждением о содержании митинга; выражен причастным оборотом в

предложении 2: митинга, имеющего явный националистический подтекст);

- дополнительный довод, содержащий оценочное суждение о цели главного объекта высказывания (использован в предложении 3: основной лозунг акции мы считаем ксенофобским);

- оценочное умозаключение о планируемом социальном факте (содержится в предложении 4: подобные мероприятия недопустимы).

Морально-этическим императивом, с которым соотнесено высказывание, служит законодательная норма, согласно которой власти обязаны пресекать любые проявления ксенофобии и национализма, возбуждающие межнациональную рознь. Тематическим поводом к высказыванию служит сообщение о предстоящем социальном факте - митинге.

Коммуникативной задачей высказывания является обоснование наличия морально-этического конфликта между нормативным требованием и решением московских властей.

Целевая направленность высказывания состоит в пропаганде мнения о недопустимости проведения подобных мероприятий, усиленной предупреждением о негативных последствиях - предполагаемом конфликтогенном результате митинга: разжигание межнациональной розни в условиях крайне хрупкого межнационального мира.

Реализуемая коммуникативная задача высказывания состоит в обосновании справедливости оценочных суждений об исходной посылке - предстоящем социальном факте (планируется митинг), а целевая установка высказывания заключается в обнародовании оценочного мнения (подобные мероприятия недопустимы), обоснованного прогнозируемым следствием (разжигание межнациональной розни) из социального факта.

На основании лингвистического анализа содержания высказывания эксперт может сделать вывод о том, что смысловым ядром высказывания является тематика планируемого митинга, выраженная в его лозунге. Две пропозиции высказывания - административно-волеитивный факт и социально-деятельностный факт - связаны обуславливающей зависимостью: результат одного действия противоречит цели другого действия (ср.: московские власти дали санкцию, хотя митинг имеет подтекст).

Эксплицировать понятийное содержание лозунга "Хватит кормить Кавказ" можно следующим образом: "кто-то требует прекратить (хватит) содержать на иждивении (кормить) народы, проживающие на территории, относящейся к Кавказу" <139>.

<139> В лозунге последовательно использованы два слова с метонимическими переносами значений (эксперт-лингвист должен, в случае необходимости, уметь доказать это).

Экспликация содержания лозунга вскрывает его политико-экономическую направленность и не дает оснований для выделения коммуникативных признаков, которые соотносились бы с признаками, указанными в ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности. Исходя из этого эксперт может сделать вывод о том, что содержание лозунга носит потенциально конфликтогенный, но не экстремистский характер. Конфликтность лозунга по всей видимости, отражает противоречие сложившейся ситуации - непропорционального распределения федеральных бюджетных средств между равноправными регионами (экономический протекционизм). Делая такой вывод, эксперт сталкивается с проблемой, которую он не вправе решать самостоятельно. Это проблема соотношения реального положения дел и его отражения в языковой действительности. В данном случае эксперт должен вскрыть фактическую (диктумную) сторону высказывания и указать на необходимость проверки ее соответствия реальности <140>. Если утверждение о непропорционально больших субсидиях кавказским республикам окажется ложным, то оценочные мнения Совета Общественной палаты о целевой установке организаторов митинга, выраженной в его лозунге, будут обоснованы. В противном случае аргументацию ОП можно охарактеризовать как содержащую понятийно-логические признаки субъективной вторичной интерпретации планируемого факта. В заявлении Совета Общественной палаты тематическое содержание митинга - обсуждение обоснованности государственной политикой экономического протекционизма в отношении жителей Кавказа -

домысливается и интерпретируется как заведомо дискриминационное, направленное на ущемление политических и социальных прав народов Кавказа.

<140> Эта проблема является центральной в экспертизах, связанных с обвинениями в клевете, - лингвист обязан доказывать наличие утверждений, имеющих речевую форму констатации фактов. Факты необходимо в дальнейшем проверить на истинность или ложность. Эта часть исследования обстоятельств дела находится вне компетенции лингвистов.

Констатацию фактов и количественные характеристики следует отличать от эмоциональных оценочных суждений уже на этапе функционально-прагматического анализа. Констатация факта не должна объединяться с его модусной характеристикой. Пропозиция факта, взятая сама по себе, не может характеризоваться какой-либо определенной целевой установкой даже в том случае, если автор дает оценочные характеристики самому предикативному признаку факта или субъектам - участникам факта. Разберем подробно следующий пример:

"Лучшими летчиками - асами Второй мировой войны считаются немцы, и именно те из немецких летчиков, кто воевал у нас, на Восточном фронте и сбивал наши самолеты. Причем цифры умопомрачительные. Если 15 наших лучших асов сбили за войну от 41 до 62 немецких самолетов, то 15 немецких асов - от 203 до 352 советских самолетов".

Авторы, исследующие или комментирующие военно-политические, социальные и иные конфликты, часто не желая того, принимают сторону одного из участников конфликта. Косвенным подтверждением этого служит выражаемое ими мнение (т.е. субъективное утверждение). Оно не может быть проверено опытно-аналитическим путем, практикой, поскольку выступает первым и необходимым этапом образования нового (отвлеченно-обобщающего) знания, основанного на некоторых общих или частных утверждениях о фактах, соотносимых с прошлым знанием. На основе фактических сведений автор строит логическую конструкцию, которая позволяет получить выводное знание о правильности, правдоподобности высказанного мнения. Для того чтобы обосновать свое мнение, автор должен встроить его в определенную понятийно-риторическую конструкцию, проверяемую индуктивными методами.

Анализ фрагмента позволяет обосновать наличие следующей функционально-прагматической структуры предложений:

"Лучшими летчиками - асами Второй мировой войны считаются немцы" - оценочное мнение, в котором "лучшими летчиками-асами" - оценка; "лучшими считаются немцы" - обобщенное мнение. В презумпции находятся бытийный факт (существовали немецкие летчики-асы) и социальный факт (была Вторая мировая война).

"...И именно те из немецких летчиков" (уточнение объекта мнения), "кто воевал у нас" (уточняющий социально-деятельностный факт), "на Восточном фронте" (уточнение локатива факта) "и сбивал наши самолеты" (уточняющий инструментально-физический факт).

"Причем цифры умопомрачительные" - эмоциональное оценочное суждение, содержащее оценку количественных сведений.

"Если 15 наших лучших асов сбили за войну от 41 до 62 немецких самолетов, то 15 немецких асов - от 203 до 352 советских самолетов" - количественные данные, соотнесенные с оценкой результатов деятельности "наших лучших асов" и "немецких асов". В презумпции находятся бытийные факты: существовали советские и немецкие асы, наличествовали самолеты (с атрибуцией: "немецкие", "советские").

Предвзятость оценки приводимых автором фактов можно установить с помощью специалистов-историков, поскольку оценочное мнение о том, на чьей стороне воевали лучшие летчики-асы, подтверждается сопоставительными данными военной статистики (фактическими данными), в которых понятие "сбитый самолет" должно использоваться в одном и том же смысле. По утверждениям специалистов, в немецкой статистике референтами этого понятия (т.е. сами материальные объекты -

"сбитые самолеты") становились любые выведенные из боя самолеты противника, а не только подтвержденное личное уничтожение вражеского самолета в бою, как это понималось при учете воздушных побед в советской армии <141>. Подобные пропагандистские уловки <142>, взятые сами по себе в отрыве от анализа целевой установки сообщения, все же нельзя признать направленными на унижение достоинства и репутации советских летчиков (т.е. группы людей, выделяемой по профессиональному признаку).

<141> Добавим также, что данные о сбитых самолетах нельзя рассматривать и в отрыве от количества боевых вылетов, проведенных боев. Один из самых результативных немецких асов - Хартманн в общей сложности совершил за годы войны 1425 боевых вылетов, в 800 из них вступал в схватки. Иван Кожедуб сделал за войну 330 боевых вылетов, провел 120 боев. Получается, советскому асу на один сбитый самолет требовалось 2 воздушных боя, немецкому - 2,5 (<http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/ge/publ/03.dat>).

<142> Подмена экстенционала понятия в аргументе является обычным пропагандистским приемом, используемым в целях, которые необходимо устанавливать дополнительно при анализе полного высказывания.

Семантическая экспликация выделенных фрагментов текста, содержание которых соотносится с пропагандистскими и агитационными высказываниями, имеет конечную цель - характеристику понятийно-риторических структур с коммуникативными признаками противоправного деяния. Она достигается путем последовательного укрупнения характеристики языковых средств, использованных для выражения мыслительного содержания (начиная с функционально-семантического анализа лексико-грамматических, морфосинтаксических средств языкового выражения и заканчивая понятийно-риторическим синтезом мыслительного содержания).

Если объем исследуемого текста позволяет выделить и собрать фрагменты с риторическими признаками убеждающего воздействия в тематические группы, то результаты исследования функционально-понятийных характеристик таких групп можно использовать в качестве предварительных экспертных выводов без изложения результатов синтаксического и семасиологического анализа предложений, составляющих фрагменты. В этом случае объяснение и доказательство полученных результатов можно начинать с анализа функционально-понятийной структуры отдельных суждений, которые в совокупности достаточно полно охарактеризуют целевую направленность этих фрагментов текста. В итоге будут выделены и объяснены те коммуникативные единицы содержания, которые являются базовыми единицами данной текстовой информации. Например, во фрагменте "Палачи русского народа и других народов России не привлечены к уголовной ответственности, они продолжают и далее свою преступную деятельность" выделяются две пропозиции, состоящие из объекта характеристики и его предикативного признака:

Пропозиция 1 состоит из объекта ("палачи русского народа и других народов России") и предикативного признака ("не привлечены к уголовной ответственности").

В пропозиции 2 объекту высказывания ("палачи русского народа и других народов России") приписывается предикативный признак ("продолжают и далее свою преступную деятельность").

Предикативные признаки выделенных пропозиций связаны одним из видов обуславливающих видовременных отношений последовательности, реализуемым в модели:

Предикативный признак 1: "не привлечены к уголовной ответственности" [не было совершено действие 1] является условием пропозиции 2.

Предикативный признак 2: "продолжают преступную деятельность" [поэтому совершается действие 2].

Эти связанные пропозиции образуют полипредикативную единицу констатирующей информации, являющуюся для эксперта-лингвиста объектом дальнейшего коммуникативно-ориентированного исследования.

II.10. Умозаключения (выводы) в риторических конструкциях убеждающего высказывания.

При наличии в композитном высказывании итоговых волеизъявлений, склоняющих аудиторию к насильственным действиям, подробное экспертное исследование часто становится излишним. В этом случае следственные и судебные органы способны самостоятельно установить юридически значимый факт экстремистской речевой деятельности - агитационные высказывания, склоняющие слушателей к противоправной деятельности.

Умозаключения, логически завершающие высказывания с признаками пропаганды враждебного, ненавистного отношения к представителям групп, выделяемым по неизменяемым и изменяемым признакам, эксперт должен исследовать специально. Можно вывести функциональную зависимость авторского вывода от общей риторической конструкции высказывания. Представляется, что эту зависимость можно трактовать также и как причинно-целевую. Характеризуется она следующим образом:

Прямой агитационный вывод автора используется в высказываниях, содержащих аргументацию негативной оценки действий всех представителей какой-либо группы как противоправных и призыв к противоправным действиям против всех представителей этой группы.

Обобщающий агитационный вывод автора используется в высказываниях, содержащих эмоциональный комментарий к фактическим примерам противоправных действий отдельных представителей группы и призыв к противоправным действиям против любого представителя этой группы.

Агитационно-пропагандистский вывод из авторского отношения применяется в высказываниях, содержащих аргументацию мнения автора о негативном отношении к какой-либо группе людей и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности противоправных действий против любого представителя этой группы.

Агитационно-пропагандистский вывод из авторской оценки применяется в высказываниях, содержащих аргументацию негативной оценки автора личных качеств представителей какой-либо группы и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности противоправных действий против любого представителя этой группы.

Прямой пропагандистский авторский вывод используется в высказываниях, содержащих аргументацию негативной оценки действий представителей какой-либо группы как противоправных и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности негативного отношения ко всем представителям выделяемой группы.

Обобщающий пропагандистский авторский вывод употребляется в высказываниях, содержащих эмоциональный комментарий к фактическим примерам противоправных действий отдельных представителей группы и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности негативного отношения к любому представителю этой группы.

Пропагандистский вывод автора по аналогии отношения применяется в высказываниях, содержащих аргументацию мнения о негативном отношении к какой-либо группе людей и вывод об обоснованности и оправданности негативного отношения к каждому представителю выделяемой группы.

Пропагандистский вывод автора по аналогии качества применяется в высказываниях, содержащих аргументацию негативной оценки личных качеств отдельных представителей какой-либо группы и вывод об обоснованности и оправданности негативного отношения ко всем представителям этой группы.

Часть II. МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО К НАЗНАЧЕНИЮ, ПОЭТАПНОМУ ПРОВЕДЕНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Раздел I. ПЕРВИЧНАЯ ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

I.1. Общие положения.

Первичная оценка содержания информационных материалов производится должностными лицами правоохранительных или контролирующих органов государственной власти, в компетенцию которых входит обнаружение и пресечение оборота информации, содержащей признаки противоправной экстремистской речевой деятельности <143>. По результатам такой оценки может быть принято одно из следующих решений:

<143> В некоторых случаях оценка содержания информационных материалов может быть дана и обычными гражданами, выступающими в роли заявителей, требующих от должностных лиц принятия мер по пресечению распространения противоправной, на их взгляд, информации. Однако принятие правового решения по факту распространения соответствующей информации находится в компетенции официальных органов.

1) о наличии в информационном материале явных признаков экстремистской речевой деятельности и принятии мер реагирования в связи с его распространением (вынесение предупреждения в адрес редакции СМИ, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и др.);

2) об отсутствии оснований для ограничения распространения информации по признакам экстремистской речевой деятельности;

3) о необходимости назначения и производства экспертизы (исследования) для решения вопроса о наличии или отсутствии признаков экстремистской речевой деятельности.

1.2. Основания для принятия правового решения без назначения и производства исследования.

Назначение и производство исследований информационных материалов не является обязательным для всех случаев совершения экстремистских речевых действий. Необоснованное назначение экспертизы может приводить к затягиванию сроков принятия решения и нецелесообразному распределению трудовых и финансовых ресурсов. В приказе Следственного комитета РФ отмечается, что при установлении в ходе процессуальной проверки очевидных признаков преступления органы следствия должны принимать решение о возбуждении уголовного дела с последующим получением заключения эксперта <144>.

<144> **Приказ** Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. N 109 "О мерах по противодействию экстремистской деятельности" // СПС "КонсультантПлюс".

К очевидным признакам противоправной речевой деятельности относятся агитационные высказывания, призывающие к совершению противоправных насильственных действий. В частности, к таким действиям можно отнести:

1) насильственное изменение основ конституционного строя: вооруженное выступление против представителей власти; насильственное лишение свободы, причинение вреда здоровью, убийство политических деятелей; насильственное ограничение прав и свобод граждан и другие подобные действия;

2) насильственное нарушение целостности Российской Федерации: вооруженный захват территорий и населенных пунктов; насильственное переселение, депортация и иные насильственные действия в отношении граждан; вооруженное вмешательство иностранных государств и другие подобные действия;

3) террористическая деятельность: взрывы, поджоги, производство массовых отравлений, совершение аварий и катастроф, приводящих к гибели людей или причинению имущественного ущерба;

4) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни с применением насилия: агрессивные, насильственные, жестокие действия, направленные против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью; уничтожение или повреждение имущества, принадлежащего лицам какой-либо расовой, национальной, религиозной или социальной группы;

5) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо с угрозой его применения: ограничение свободы, причинение вреда здоровью, физическое насилие в отношении граждан в связи с их участием в выборах или референдуме; насильственное принуждение граждан к голосованию за конкретного кандидата или политическую партию и другие подобные действия;

6) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо с угрозой его применения: ограничение свободы, причинение вреда здоровью либо угроза физического насилия в отношении должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления в связи с реализацией ими своих полномочий; ограничение свободы, причинение вреда здоровью либо угроза физического насилия в отношении членов общественных и религиозных объединений или иных организаций в связи с их общественной или религиозной деятельностью; совершение взрывов, поджогов, иных действий, препятствующих выполнению указанными органами своих функций, и другие подобные действия.

По результатам первичной оценки должностным лицом самостоятельно может быть принято решение об отсутствии в информационном материале признаков экстремистской речевой деятельности. В частности, основания для ограничения оборота информации отсутствуют в следующих случаях:

1) в информационном материале содержатся призывы к изменению основ конституционного строя и изменению территориального устройства РФ ненасильственными способами: требования об изменении законодательным путем системы органов государственной власти, порядка их формирования, требования распустить органы власти, вынести на референдум вопрос о выходе субъекта РФ из состава РФ, призывы к созданию альтернативных органов власти, к открытому неповиновению властям страны и другие действия, не связанные с применением насилия;

2) в информационном материале приводится фактическая информация о представителях национальных, расовых, религиозных групп, не сопровождаемая оценочными высказываниями (демографическая статистика; количество правонарушений; уровень рождаемости и др.);

3) в информационном материале содержится негативная информация о деятельности должностных лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления без призывов к совершению противоправных насильственных действий;

4) в информационном материале демонстрируется нацистская атрибутика или символика либо атрибутика или символика экстремистских организаций вне контекста (без каких-либо комментариев, ссылок, описания), позволяющего установить информационное предназначение такого демонстрирования;

5) в информационном материале содержатся призывы к совершению ненасильственных действий, нарушающих свободное осуществление гражданином своих избирательных прав или нарушающих тайны голосования: побуждение к отказу от выдачи бюллетеней избирателям, к вмешательству в заполнение бюллетеня избирателем, к отстранению кандидатов, призывы к подкупу избирателей и др.;

6) в информационном материале содержатся призывы к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций ненасильственными способами: призывы к неповиновению, к отказу от сотрудничества, к бойкоту товаров и услуг и др.;

7) в информационном материале содержатся признаки обвинения лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей преступлений, не относящихся к экстремистской деятельности;

8) информационный материал представляет собой обращение граждан в органы власти с жалобами на действия конкретных должностных лиц, в том числе содержащее сведения о совершенных или совершаемых преступлениях, так как запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности

указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц (ст. 6 Федерального закона "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации").

1.3. Основания для назначения и производства исследования информационных материалов.

В отношении информационных материалов, в которых отсутствуют очевидные признаки, позволяющие принять правовое решение о квалификации содержания информации как правомерного или противоправного, целесообразно назначение исследования. К такой информации относятся пропагандистские материалы следующего содержания:

1) обосновывающие или оправдывающие необходимость либо неизбежность насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности РФ;

2) обосновывающие или оправдывающие необходимость либо неизбежность совершения террористического акта (вынужденность действий террористов, безысходность их положения);

3) обосновывающие или оправдывающие необходимость ненавистного, враждебного отношения к человеку в связи с его национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежностью.

В приведенных случаях прагматический анализ информационного материала позволяет установить в его содержании признаки убеждающего воздействия, т.е. направленности на формирование положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности. При отсутствии таких признаков должно быть обеспечено свободное распространение идей, мнений и информации.

Информационные материалы, предположительно пропагандирующие превосходство или неполноценность человека в связи с его национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежностью, следует направлять для производства исследования, поскольку требуется выявление признаков пропаганды (убеждающего воздействия). Описание различий между представителями указанных в законе групп, не содержащее их качественную оценку, не содержит признаков экстремизма.

Материалы, в которых для подтверждения каких-либо фактов или обоснования мнений демонстрируется запрещенная законом символика или атрибутика, следует направлять для производства исследования, поскольку требуется доказывание факта использования соответствующей символики в пропагандистских целях.

Раздел II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭКСПЕРТНОЙ РАБОТЫ

II.1. Участие специалиста на стадии назначения экспертизы (исследования).

При назначении и производстве экспертных исследований информационных материалов по делам об экстремистской деятельности взаимодействие между лицом, инициирующим такое исследование, и соответствующими специалистами начинается, как правило, еще до вынесения постановления (определения) о его назначении. Это вызвано прежде всего необходимостью установления ряда обстоятельств, относящихся к формальной стороне экспертной работы. Так, если экспертиза назначается экспертному учреждению (в экспертное учреждение), то в запросе о проведении исследования его инициатор выясняет статус учреждения, наличие необходимых специалистов, возможные сроки проведения экспертизы. При назначении экспертизы конкретному специалисту должны запрашиваться сведения о его образовании, специальности, занимаемой должности, стаже экспертной работы. Наличие указанных сведений позволяет правоприменительному органу должным образом мотивировать выбор эксперта (экспертного учреждения) либо указать причины, по которым кандидатуры экспертов (экспертных учреждений), предложенные участниками процесса, были отклонены.

Участие эксперта (специалиста) на первоначальном этапе назначения исследования не может быть ограничено лишь формальными процедурами. В частности, чтобы не затягивать сроки проведения экспертных работ, может оказаться целесообразным первичное ознакомление эксперта с объектом исследования еще до вынесения постановления о его назначении. Во-первых, это позволит определить пригодность информационного материала для исследования (например, проверка его "читаемости", в том

числе при предоставлении текстов в электронном виде). В некоторых случаях с экспертом можно согласовать объем предоставляемых материалов - полный или сокращенный вариант (например, если спорные высказывания имели место в ходе дискуссии, при общении на форуме и для исследования предлагаются лишь фразы отдельных лиц вне контекста всей ветви дискуссии). Во-вторых, ознакомление специалистов с содержанием информационного материала поможет правильному решению вопроса о требуемых знаниях экспертов, привлекаемых для исследования конкретного материала, и соответственно о виде назначаемой экспертизы. В-третьих, выполнение экспертной работы на возмездных условиях предполагает определение стоимости и сроков проведения такой работы с учетом объема и содержания материала. Наконец, в-четвертых, важнейшим этапом назначения экспертизы (исследования) является составление перечня вопросов, которые ставятся на разрешение специалисту. На этом аспекте взаимодействия между лицом, назначающим экспертизу, и тем, кто ее будет проводить, следует остановиться более подробно.

Практика проведения экспертиз свидетельствует о необходимости согласования содержания вопросов, предлагаемых на решение специалистам. Случается, что в обращениях, направляемых в адрес экспертной организации, вместо вопросов формулируются общие пожелания со скрытой констатацией типа: "...просим выделить и охарактеризовать экстремистские высказывания, имеющиеся в прилагаемых брошюрах..."; "...просим изучить направляемые книги, дать компетентную оценку и соответствующее заключение об отсутствии в них признаков экстремизма...". В таких случаях следует согласовать с лицом, направившим материалы, конкретные экспертные задачи. Перечень рекомендуемых вопросов в зависимости от категории дел предложен в ч. I Методики.

Вопросы должны соответствовать компетенции привлекаемого специалиста и быть конкретными, т.е. предполагать однозначный ответ. Следует избегать вопросов, на которые специалист будет вынужден отвечать предположительно, опираясь не на текст, а только на собственное мнение. К таким вопросам, безусловно, относятся вопросы о целях автора или предположительной реакции слушателей. Например: Что хотел сказать автор? Возбуждает ли текст социальную, расовую, национальную или религиозную рознь? Способствует ли содержание данного материала формированию у слушателей отрицательного образа нации, расы, религии, подкреплению негативного этнического стереотипа? В чем выражается опасность для России, российской государственности и общества в целом предоставленный DVD-R-диск (той или иной религиозной, политической или экстремистской организации)?

Вопрос не должен предполагать юридически квалифицирующих оценок текста, которые даются судебными инстанциями и правоприменительными органами. Например, вопросы типа: Является ли данная статья экстремистской? Имеются ли в статье экстремистские высказывания? Содержатся ли в статье заведомо ложные обвинения лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, в совершении им экстремистских действий? Содержатся ли в представленных материалах высказывания, направленные на изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации? Внесен ли данный материал в Федеральный список экстремистских материалов?

Вопрос не должен объединять несколько вопросов с юридически квалифицирующими оценками. Например: Содержатся ли в представленных печатных изданиях призывы к осуществлению экстремистской деятельности (разжигание межнациональной, межрегиональной вражды и расовой нетерпимости)? Имеют ли указанные статьи публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности?

На вопрос "о призывах к экстремистской деятельности" эксперт не может ответить буквально, поскольку даже если бы автор прямо призывал "к экстремистской деятельности", что крайне маловероятно, то содержание такого призыва лишено содержательных признаков конкретных действий. То же самое можно сказать и о вопросах типа: Содержатся ли в материалах призывы к разжиганию межнациональной вражды? Содержатся ли в статье призывы к разжиганию расовой нетерпимости?

В качестве примера таких призывов можно привести серию абстрактных графических картин художника А. Тер-Оганьяна под общим названием "Радикальный абстракционизм". Каждая картина имеет эмоционально провокационное поясняющее название, совпадающее с формальными признаками противоправных действий (см. рис. 1 - 2):

Рис. 1. Это произведение направлено на возбуждение религиозной вражды

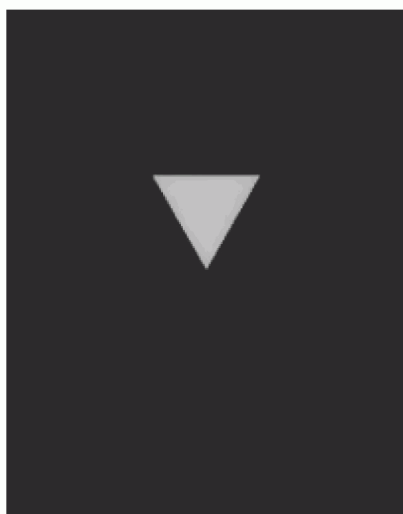

Рис. 2. Это произведение направлено на унижение национального достоинства лиц русской и еврейской национальности

Общее требование к формулировкам вопросов состоит в том, чтобы они позволяли эксперту дать ответ, характеризующий содержание конкретных фрагментов текста. Ниже перечислим типовые ошибки и соответствующие рекомендации к формулированию содержания вопросов:

1. Вопросы, юридически квалифицирующие текст, предлагается переформулировать в вопросы, характеризующие содержательные признаки текста. Вопросы, характеризующие текст, позволяют исследовать его содержание на наличие таких понятийных признаков и риторических приемов, которые дают возможность суду квалифицировать текст как противоправный или непротивоправный. Квалифицирующие вопросы превышают полномочия и компетенцию эксперта - на такие вопросы эксперт не может ответить, характеризуя лишь лексико-грамматические и функционально-прагматические свойства

текста. Например, вопрос "Возбуждает ли текст социальную, расовую, национальную или религиозную рознь?" следует преобразовать в вопрос "Содержатся ли в представленных на исследование материалах обоснование или оправдание враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности?"

Вопрос "Способствует ли содержание данного материала формированию и подкреплению негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии?" следует изменить на вопрос "Содержит ли данный материал негативные характеристики всех представителей какой-либо нации, расы, религии, направленные на формирование враждебного, ненавистнического отношения, подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа этой нации, расы, религии?"

2. Вопросы, включающие в свой состав констатирующие оценочные утверждения о содержании текста, можно разделить на ряд вопросов. Таким образом, устраняется заведомая оценочная характеристика текста, содержащаяся в вопросе. Например, вопрос "Является ли автором высказываний указанной газеты в статьях, содержащих негативную оценку, выражаемую в адрес какой-либо этнической, социальной группы, редакционная коллегия или высказывания с отрицательной оценкой даны в виде цитат, персональных мнений респондентов, личного мнения комментатора, корреспондента или каких-либо официальных лиц?" следует разделить на два вопроса: (1) "Содержатся ли в газетных статьях негативные оценки какой-либо этнической, социальной группы, обосновывающие, оправдывающие, одобряющие необходимость враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку этнической, социальной принадлежности?" и (2) "Если такие негативные оценки имеются, то кто является их автором: редакционная коллегия или высказывания с отрицательной оценкой даны в виде цитат, персональных мнений респондентов, личного мнения комментатора, корреспондента или каких-либо официальных лиц?"

3. Вопросы широкой проблематики, обязывающие специалиста давать развернутые пояснения, следует по возможности переформулировать в вопросы более узкой направленности. Например, вопрос "Имеются ли в статье заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?" следует разделить на ряд конкретных вопросов: "Содержатся ли в статье высказывания, убеждающие в том, что идеология терроризма является справедливой, правильной? Содержатся ли в статье высказывания, обосновывающие необходимость, оправдывающие или одобряющие... (указать, какие именно действия)? Содержатся ли в статье высказывания, призывающие, побуждающие, подстрекающие к... (указать, к каким именно действиям)?"

4. Вопросы о возможных последствиях воздействия содержания текста на слушателя следует переформулировать в вопросы о коммуникативных задачах текста. Например, вопрос "Создает ли у читателя текст указанной статьи представление о террористической деятельности как о форме борьбы за справедливость и социальное равенство?" следует преобразовать в вопросы типа: "Имеются ли в статье высказывания, обосновывающие необходимость террористической деятельности как формы борьбы за справедливость и социальное равенство? Рассматривается ли в статье террористическая деятельность в качестве способа борьбы за справедливость и социальное равенство? Имеются ли в статье высказывания, направленные на обоснование или оправдание террористической деятельности или террористических действий?"

5. Вопросы об авторской цели высказывания следует переформулировать в вопросы о целевой направленности текста. Например, вопрос "Имеется ли цель склонить слушателя или зрителя к совершению экстремистской деятельности?" следует изменить на вопрос о цели воздействия текста "Имеются ли в статье высказывания, содержащие призывы к совершению действий, направленных на устрашение всего населения, отдельных социальных групп, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями?" или "Имеются ли в статье высказывания, содержащие одобрение, оправдание или обоснование необходимости совершения действий, направленных на устрашение всего населения, отдельных социальных групп, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями?"

6. Вопросы о выражении негативного мнения или отрицательной оценке кого-, чего-либо следует соединять с вопросами о коммуникативных задачах и целевой направленности таких мнений или оценок. Например, вопрос "Имеются ли в предоставленном DVD-R-диске высказывания, направленные на возбуждение национальной, религиозной вражды и розни, на унижение национальной чести и

достоинства?" следует преобразовать в вопрос "Имеются ли в представленном DVD-R-диске высказывания, унижающие людей, в связи с их национальной или религиозной принадлежностью и направленные на обоснование или оправдание необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности?" или "Используются ли в текстах данного DVD-R-диска словесные средства, выражающие отрицательные эмоциональные характеристики, унижающие достоинство человека (или группы лиц) по признакам национальности, происхождения, религии, направленные на обоснование или оправдание необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по указанным признакам?"

7. Вопросы, которые касаются возможного противоправного использования информационных материалов, выходят за рамки компетенции эксперта. Например, ответ на вопрос "Могут ли предоставленные для исследования сведения, которые содержатся на DVD-R-диске, быть использованы для вовлечения граждан в деятельность той или иной организации, религиозной или социальной группы и могут ли нанести вред психическому здоровью вовлекаемых и какой?" может быть разрешен не экспертом, а в ходе судебного разбирательства путем изучения фактических обстоятельств и последствий распространения конкретных информационных материалов.

Перечень рекомендуемых вопросов для назначения экспертиз (исследований) по категориям дел см. п. 1.11 разд. I ч. I Методики.

II.2. Порядок приема информационных материалов на исследование.

Постановление (определение) о назначении экспертизы и прилагаемые к нему объекты исследования принимаются в экспертное учреждение с составлением акта об их приеме. При поручении производства экспертизы (исследования) конкретному специалисту указанное лицо расписывается в получении постановления и объектов исследования.

Прилагаемые к постановлению о назначении экспертизы объекты принимаются в упакованном и опечатанном виде. Упаковка должна содержать пояснительные надписи о должностном лице или органе, назначившем экспертизу, реквизиты постановления о ее назначении и иные необходимые сведения. Объекты исследования должны быть упакованы таким образом, чтобы исключить возможность доступа к содержимому без ее повреждения.

В акте о передаче материалов фиксируются дата их поступления, результаты внешнего осмотра поступивших материалов, указываются формальные реквизиты книги, брошюры, плаката, графического изображения, рисунка, фотографии, видеоматериала, аудиоматериала, распечатки содержания сайтов, форумов и т.п. Сведения об отсутствии упаковки объектов либо о наличии повреждений упаковки подлежат обязательному внесению в акт приема, а также сообщаются должностному лицу, назначившему производство экспертизы (исследования). При согласии данного лица на исследование представленных в таком виде объектов соответствующие сведения обязательно указываются в заключении эксперта.

Раздел III. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

III.1. Порядок первичного изучения информационных материалов специалистом.

Поступившие информационные материалы исследуются в три этапа <145>. Первый этап - это ознакомительное чтение, задачей которого является сбор информации путем регистрации и фиксации первичных данных. Цель первичного изучения материалов состоит в выявлении фрагментов текста, тематически соотносимых с поставленными вопросами. В результате предварительного обследования эксперт выясняет тематику текста, определяет причины, по которым данный текст рассматривается как конфликтный, и выделяет фрагменты, тематически и содержательно соответствующие вопросам, поставленным перед ним.

<145> Предлагаемый порядок чтения информационных материалов соответствует трем этапам восприятия: первичный сбор информации, анализ полученной информации и синтез экспертной

информации.

При знакомстве с материалами эксперт должен определить для себя тему и ее главные объекты высказываний, установить внеязыковые факторы, детерминирующие, по мнению автора текста, проблемную (конфликтную, кризисную) ситуацию, выявить критерии, которыми руководствуется автор при оценке описываемой проблемы.

Первое чтение позволяет получить общее представление о содержании и структуре текста, особенностях его графического оформления, использованных иллюстрациях и т.п. При необходимости текст нормализуется в соответствии с действующими правилами орфографии и пунктуации, выделяются фрагменты текста, тематически соотносимые с поставленными перед исследователем вопросами, устанавливаются границы этих фрагментов. В результате первого этапа исследования материалов эксперт устанавливает:

- синтаксические структуры предложений, составляющие выделенный фрагмент;
- семасиологическую характеристику слов, использованных в тексте.

Анализ использованных языковых средств и тематического содержания экспертируемого текста должен помочь специалисту сформулировать задачи исследования и те выводы, которые можно сделать по прочтении данного информационного материала. При выработке задач и цели экспертизы специалист должен специально исследовать вопрос о возможных смысловых вариантах понимания текста и отобрать рациональные аргументы, которые подтверждают правильность тех или иных выводов. Сопоставление аргументов, их качественная оценка осуществляется на следующих этапах изучения материалов.

Результаты первого этапа ознакомления с материалами должны создать предпосылки для анализа объекта исследования в относительно чистом виде. Текст должен быть тематически фрагментирован, выделены главные и второстепенные объекты текста, вскрыты смысловые связи, существующие между темами и между объектами.

Второй этап - это изучающее (аналитическое) чтение, включающее все виды лингвистического анализа по выявлению и экспликации контекстных значений использованных языковых средств. Для этого исследуются фрагменты с конфликтными темами и фрагменты текста с конфликтогенным оценочным содержанием. Формируется тематический перечень выделенных фрагментов. Этот перечень соотносится с вопросами, поставленными для экспертного разрешения, и коммуникативными признаками экстремистской речевой деятельности, характеристика которых приведена в ч. I Методики.

При определении границ выделенных фрагментов следует руководствоваться принципами понятийно-смысловой достаточности и полноты. Для этого в выделяемом фрагменте обязательно должны сохраняться признаки, позволяющие установить его коммуникативно-риторическую значимость, т.е. то, ради чего был обнародован этот текст, какие взгляды, представления, утверждения пропагандируются, какие действия автор предлагает слушателям осуществить. Содержание выделяемого высказывания должно также сохранять понятийную связь с целевой установкой текста. В выделенных фрагментах определяются главный тематический объект фрагмента, речевые средства с положительным или отрицательным модусом, пропозиции волеизъявления (призывы, лозунги, идеологемы, риторические вопросы и т.п.). Устанавливаются структура связей и функции отношений, существующих в высказывании. Фрагмент, содержащий высказывание по определенной теме, обычно состоит из предложений, в которых каждое последующее предложение содержательно дополняет и развивает предыдущее, повторяя различными языковыми средствами наиболее значимую информацию, становясь основой для понимания последующей информации. Второй этап знакомства с материалами позволяет сравнивать выделенные фрагменты друг с другом, а также соотносить содержательную структуру фрагментов с вопросами, поставленными перед экспертами.

Таким образом, во время второго этапа осуществляют:

- проверку риторических границ выделенных фрагментов;
- определение структурных особенностей выделенных композитных высказываний;

-
- выделение основных и дополнительных пропозиций;
 - восполнение недостающей, свернутой информации;
 - выделение исходных, дополнительных и обосновывающих, поясняющих суждений, положений, доводов, умозаключений, которые использованы в тексте;
 - определение области допустимых экспертных решений и обоснование выбора аргументации эксперта по вопросам, поставленным перед ним.

Целью аналитического чтения является доказательный лингвистический разбор фрагментов текста, содержащих признаки конфликтности темы или высказывания. Именно эти фрагменты нуждаются в детальном анализе их структуры и содержания <146>.

<146> Понятно, что экспертное заключение, построенное на тщательном лингвистическом анализе текста, не может содержать манипулятивной аргументации, апеллирующей к личной компетенции, прошлому опыту или интуиции эксперта (имеется в виду аргументация типа "текст приведенного примера со всей очевидностью явствует, что он имеет экстремистскую направленность", или "факт применения психологических техник в предложенном на экспертизу материале не вызывает ни малейших сомнений", или "вся смысловая ткань текста пронизана экстремизмом, однако привести конкретные примеры не представляется возможным ввиду имплицитного характера экстремистских признаков"). Эксперт обязан доказывать свои выводы не экивоками, а результатами исследования, подкрепленными фактическим материалом.

При лингвистическом анализе формальные характеристики языковых средств рассматриваются как инструмент сопряжения выделенных объектов (референтов) высказывания с характеризующими их понятиями.

Анализ информации - это операция преобразования языкового содержания текста в структуру значений понятийных предикативных признаков, т.е. во взаимосвязанный перечень значений свойств и качеств, характеризующих главный объект мысли.

При таком анализе производится декомпозиция сведений о предмете речи в набор его свойств, качеств и связей, соответствующих понятийной структуре объекта речевой характеристики, устанавливаются источники и причины возможной вариативности понимания текста.

Результатом аналитического чтения является не краткий пересказ содержания текста, а лингвистический разбор фрагмента, части которого имеют общую информационную структуру, связаны риторическими отношениями, единством предмета высказывания и общностью аргументации. При этом необходимо обращать особое внимание на фрагменты, содержащие негативные суждения о людях, выделяемых автором в отдельные группы по признакам общности их политической, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Если такие фрагменты будут обнаружены, то необходимо выделить полное высказывание, позволяющее определить функцию фрагмента в риторической структуре текста.

При этом иногда приходится восстанавливать смысл отдельной фразы (особенно в форме лозунга, призыва), взяв за основу коммуникативную ситуацию, в которой она была употреблена. Последовательная фиксация результатов аналитического чтения позволит эксперту собрать аргументацию, доказывающую наличие в тексте именно этого содержания, а не какого-либо другого. Данные, собранные в результате второго чтения, должны быть лишены субъективного характера. При тех же условиях такие же данные должны быть получены другим исследователем, пользующимся той же методикой.

Третий этап - это синтетическое чтение. Этому виду чтения подвергаются фрагменты текста, выделенные и разобранные во втором чтении. Теперь уточняются смысловые границы выделяемого фрагмента, учитывающие полноту и достаточность содержательной характеристики главного объекта высказывания, при необходимости составляется тематическая рубрикация фрагментов текста. Эксперт

осуществляет:

- последовательный синтез и экспертную оценку высказываний;
- рациональную интерпретацию высказываний с целью воспроизведения их основных положений в формате исследования, экспертизы;
- свертывание информации с целью создания текстов-экстрактов (тематическая рубрикация высказываний, характеристика тезисов высказываний, реферативное изложение текста).

Целью третьего этапа исследования материалов являются: обоснование решения об общей понятийно-смысловой структуре текста, характеристика способов и приемов изложения авторских мыслей, создание тематического перечня фрагментов, объединяемых на основании общих коммуникативных задач и целевой направленности, выделение наиболее убедительных аргументов, подтверждающих выводы эксперта. Для верной интерпретации содержания текста эксперт должен использовать не интуицию, а навыки синтеза выделенных понятийных характеристик выбранных фрагментов.

Например, фрагменты текста, содержащие обвинения, должны исследоваться в понятийной связи с тем, на кого автор возлагает ответственность за нанесенный моральный или материальный ущерб. Если автор обвиняет всю группу лиц, выделяемую по национально-культурному или социальному признаку, приписывая ей негативные моральные качества, свойства, пороки, проявляемые в их поведении и действиях, то коммуникативная задача такого высказывания состоит в обосновании мнения о сознательном причинении одной группой лиц вреда всем другим группам населения, а его целевая направленность заключается в пропаганде необходимости враждебного отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности.

Результаты функционально-прагматической части исследования существенно сказываются именно на этапе синтеза. Во время третьего чтения эксперт должен полностью освободиться от любых гипотетических суждений, с тем чтобы гарантировать чистоту результатов, основанных на исследовании текста и опыте применения методики. На этом этапе исследования осуществляется эмпирическая интерпретация данных конкретного информационного материала в соответствии теоретическими понятиями и положениями, изложенными в ч. I Методики. Интерпретация данных текста - наиболее уязвимая для критики часть исследования. В ней раскрывается мыслительное содержание высказывания путем установления связей между значениями грамматических и семантических признаков, характеризующими это содержание, и конструируется экспертное высказывание, соответствующее данному мыслительному содержанию. Качество такой интерпретации напрямую зависит от профессиональных знаний и навыков исследователя.

III.2. Особенности оценки информационного материала при проведении консультации специалиста без производства исследования.

Привлечение специалиста для получения письменной консультации предполагает лишь предварительную оценку обнародованной информации, содержащей отдельные фразы, не составляющие полного высказывания (лозунг, призыв, девиз, оценочное суждение). В этом случае готовится консультативное заключение специалиста, в котором указываются имеющиеся в тексте признаки противоправной речевой деятельности. Этот формат работы не предполагает детальной аргументации, поскольку ее цель состоит в установлении самого факта наличия в тексте высказываний экстремистского толка. Консультации такого рода не отменяют необходимости проведения полного исследования информационного материала, содержащего не только предварительные выводы, но и аргументацию к ним.

Состав научно-исследовательских работ при проведении предварительного исследования информации:

- 1) ознакомление с представленными материалами;
- 2) согласование вопросов;
- 3) подготовка и оформление текста консультативного заключения специалиста.

III.3. Последовательность применения исследовательских процедур.

Если в ходе предварительного исследования были выявлены фрагменты текста, содержащие оценочные высказывания, соотносящиеся с тематикой поставленных вопросов, то проводится анализ выделенных фрагментов на наличие в них смысловых признаков, присущих противоправной речевой деятельности. Для этого выделенные фрагменты исследуются для определения целевой направленности текста на формирование у аудитории враждебного, нетерпимого, резко негативного отношения к кому-, чему-либо или на побуждение аудитории к агрессивным действиям против кого-либо. Наличие в речевых действиях таких целевых установок позволяет констатировать вербальное проявление понятийных признаков, соотносимых с противоправной речевой деятельностью.

Состав научно-исследовательских работ при проведении экспертизы (исследования):

- 1) ознакомление с представленными материалами;
- 2) выделение текстовых фрагментов, имеющих понятийно-тематическое соответствие с поставленными вопросами;
- 3) формулирование вопросов для специалистов, привлеченных к комплексной экспертизе;
- 4) понятийно-риторический синтез и тематическая рубрикация фрагментов текста;
- 5) обсуждение и согласование выводов комиссии экспертов;
- 6) подготовка и оформление текста экспертного заключения по сформулированным выводам.

В целях обеспечения качества заключений в экспертном учреждении может проводиться их внутреннее рецензирование. Для этого руководитель учреждения контролирует полноту и качество исследования, правильность применения методики, соответствие выводов эксперта содержанию исследовательской части. Специалисты обязаны дать исчерпывающие пояснения относительно всех промежуточных и окончательных результатов проведенного исследования, ведь точно такие же пояснения им предстоит давать в ходе судебного заседания.

При производстве и подготовке экспертизы (исследования) используются приемы словесной экспликации результатов исследовательских процедур, включающие последовательное описание значений лексико-грамматических связей и понятийно-риторических структур, полученных в ходе:

- лексико-грамматического анализа структур отдельных предложений, проведенного с целью выявления конструктивных связей словосочетаний, фраз или высказываний с модусом положительной или отрицательной характеристики людей по их неизменяемым признакам, оценки их личных качеств, действий, поведения;

- функционально-семантической интерпретации контекстных значений языковых средств, осуществленной путем замены одного неточного или неясного понятия другим (формально более четким) или уточнением используемых понятий через уточнение их места в какой-либо понятийной системе. С помощью анализа контекста вскрываются анафоры, эллипсисы, переносные или косвенно выражаемые значения трансформируются в явное содержание текста, которое и становится объектом понятийно-семантического анализа. Одновременно понятийные субъекты и объекты действий исследуются на предмет их референтной (внеязыковой) отнесенности, т.е. возможности соотнести используемые в тексте имена, именные группы или их эквиваленты с определенными объектами внеязыковой действительности;

- анализа коммуникативных единиц (суждений, утверждений, доводов) с выделением пропозиций фактов, мнений, оценок, волеизъявлений и определением функционально-понятийной структуры единиц содержания текста;

- синтеза понятийно-риторической структуры высказывания путем интерпретации содержания пропозиций. Тем самым свернутые (или пропущенные) основания суждения и выводы из него

("самоочевидное" знание, допущения, следствия из "жизненных аксиом" и т.п.) вводятся в качестве объекта функционально-прагматического аспекта исследования текста;

- понятийно-риторического синтеза структуры аргументации и тематической рубрикации фрагментов текста. С помощью этой процедуры определяется прагматическая структура высказывания, устанавливаются коммуникативные задачи и целевая направленность высказывания <147>;

<147> Прагматическая структура высказывания определяется в результате анализа содержательных частей авторского рассуждения.

- процедуры соотнесения понятийно-риторической структуры высказываний, содержащихся в выделенных фрагментах, с коммуникативными признаками противоправной речевой деятельности. Формулирование предварительных и окончательных экспертных выводов по выделенным фрагментам текста.

В целом методика лингвистического анализа текстов позволяет произвести последовательное преобразование информации, передаваемой языковыми средствами, в соотнесенную с ней информацию, характеризуемую в единицах и структурах плана мыслительного содержания. При этом результаты контекстной интерпретации лексико-грамматических и функционально-семантических языковых связей должны быть согласованы с результатами анализа и выделения из текста отдельных суждений, имеющих свойство фактов или качество мнений, оценок, волеизъявлений. Процедура установления взаимосвязи высказываний по когерентным содержательным признакам, выделенным на этапе анализа контекста, позволяет наглядно сопоставить результаты лингвистического анализа фрагментов текста с признаками, характеризующими продукцию противоправной речевой деятельности.

Последовательное описание процесса и промежуточных результатов экспертирования фрагментов информационных материалов в основной части исследования позволит специалисту в выводах ограничиться однозначными ответами на поставленные вопросы.

III.4. Изложение исследовательской части заключения.

Исследовательская часть должна иметь упорядоченную рациональную форму. Необходимо следить за риторической структурой рассуждений, с тем чтобы выводы эксперта исключали всякие ссылки на интуитивную очевидность, заведомую ясность, общепонятную наглядность и тому подобную аргументацию, которая не может содержаться ни в исходных суждениях, ни в умозаключениях. При оценке качества подготовки этой части исследования предлагается использовать два критерия: достаточность и достоверность.

Объем исследования информационного факта считается достаточным, если увеличение контекста или привлечение дополнительных фрагментов текста не ведет к существенному изменению результатов, а также не ведет к пересмотру формальной или содержательной характеристики текста в целом.

Исследование информационного факта считается достоверным, если экспертная характеристика его содержания не противоречит правилам лингвистического анализа текста, позволяет делать однозначные выводы о грамматических, семантических и прагматических характеристиках исследуемых фрагментов, принимать обоснованные решения о причинах употребления в данном контексте того или иного языкового средства, а также устанавливать смысловое единство понятийно-риторической структуры высказывания.

Порядок характеристики и глубина экспертного описания текста зависят от особенностей и объема конкретного текста. Важное значение при этом имеют ясность языка и понятность рассуждений эксперта. Лингвист должен быть способен к последовательному выражению содержания экспертируемого текста как с помощью средств общелитературного языка, так и в некоторой терминологической системе понятий. Для этого он должен уметь контролировать язык и стиль исследования информационных материалов. Условия применения языковых средств в экспертных интерпретациях текста должны быть нормированными и регулярными, а правила употребления языковых средств должны соответствовать правилам установления отношений референции между знаком и понятием. Тем более что к этой части исследования неприменимо

требование, которое предъявляется к содержанию ответов на вопросы, состоящее в том, что ответы должны быть понятны лицам, не обладающим специальными знаниями. При описании процесса анализа и синтеза материала, результатов экспертного исследования в ряде случаев невозможно избежать использования специальных терминов, непонятных лицам, не имеющим специальных знаний или не владеющим применяемыми методиками, суть которых иногда оказывается малопонятной даже специалистам. Но как в одном, так и в другом случае должны использоваться только общепринятые либо специально истолкованные терминологические понятия и развернутые формулировки, исключающие двоякое понимание <148>.

<148> Добавим, что иллюстрации к заключению эксперта (в виде фотографий, таблиц и т.п.) и пояснения к ним являются составной частью заключения, а не приложением к нему. Они должны характеризовать фрагменты исследуемого материала, подтверждая экспертные характеристики текста.

Основная часть исследования должна содержать аргументацию результатов лингвистического анализа и синтеза понятийно-риторической структуры спорного текста. Центральной задачей исследования является характеристика высказываний, использованных в риторических конструкциях убеждающего воздействия, а цель экспертного описания состоит в полной характеристике способов и средств языкового выражения понятийных признаков, присущих пропагандистским и агитационным текстам. Именно аргументация эксперта позволяет суду лучше разобраться в существе дела. Выводы должны лишь обобщать, служить итогом рассуждений и аргументов эксперта <149>.

<149> В качестве вспомогательного учебного пособия можно порекомендовать небольшую книгу Энтони Уэстона "Аргументация. Десять уроков для начинающих авторов" (М., 2005) и монографию Н.Г. Рузавина "Методологические проблемы аргументации" (М., 1997).

Эксперт должен анализировать информационный факт, опираясь на лингвистическую методику экспертной оценки текста, а также используя при необходимости знания о достоверности или недостоверности фактических сведений, отраженные в научной и иной специальной литературе. В этом случае итоговый результат исследования будет представлять собой решение аналитической идентификационной задачи - соотнесения выявленных в тексте понятийно-риторических конструкций и конкретных видов пропагандистских и (или) агитационных высказываний с коммуникативными признаками, присущими экстремистской речевой деятельности. В приведенных ниже примерах будет показано несколько приемов изложения результатов исследования.

В ч. I Методики высказывания с коммуникативными признаками экстремистской речевой деятельности были разделены на три группы:

- пропагандистские высказывания экстремистского толка;
- пропагандистские высказывания экстремистского толка с элементами агитации;
- агитационные высказывания экстремистского толка.

Полную понятийно-риторическую структуру композитного высказывания, состоящую из трех частей (доказываемое положение - обосновывающий довод - выводное следствие), имеют пропагандистские высказывания экстремистского толка с элементами агитации. Например, полным композитным высказыванием, имеющим необходимые понятийно-содержательные признаки враждебных речевых действий, является высказывание, в котором автор присваивает определенному лицу (группе лиц) негативные признаки, отрицательные свойства или враждебные намерения и поэтому считает необходимым ограничение его законных прав и свобод, осуществление в отношении его противоправных действий как обоснование необходимости дискриминационных, насильственных действий.

Пример 1. Объектом исследования является информационный материал "Казнь пяти оккупантов НС-бойцами". Информационный материал, содержащийся в видеофайле "Казнь пяти оккупантов"

НС-бойцами", представляет собой видеоролик продолжительностью 1 минута 39 секунд. Видеоряд состоит из пяти частей:

Часть 1 [хронометраж: 00.00 - 00.09] - демонстрируется текст, написанный белыми буквами на черном фоне, следующего содержания:

"Когда в стране введено оккупационное сионистское правительство, когда стоит задача уничтожения Русского Народа и когда те, кто должен нас защищать, продались врагам, те, кто готов умереть за Родину, начинают действовать".

Часть 2 [хронометраж: 00.10 - 00.32] - показывается расстрел из автомата мужчины, судя по внешности, предположительно кавказской национальности, лежащего на земле со связанными за спиной руками. Во время демонстрации видефрагмента используется субтитр следующего содержания:

"Ликвидация насильника. Они насилуют наших женщин и детей. Милиция их покрывает. Только НС вас защитят".

Часть 3 [хронометраж: 00.33 - 01.02] - показывается расстрел двух мужчин, судя по внешности, предположительно жителей Кавказа или Средней Азии, у которых завязаны глаза. Видефрагмент подписан субтитром: "Ликвидация 2 наркопоставщиков. В счет НС изъято 37 400 долларов США".

Часть 4 [хронометраж: 01.03 - 01.35] - видефрагмент начинается с показа двух мужчин, предположительно, судя по внешности, южан, рассказывающих что-то в камеру. Затем показан их расстрел из пистолета. Видеоролик подписан субтитром: "Ликвидация 2 наркопоставщиков. В счет НС изъято 237 тыс. долларов США".

Часть 5 [хронометраж: 01.36 - 01.39] - демонстрируется текст, написанный белыми буквами на черном фоне следующего содержания:

"И так будет с каждым. Слава Руси".

В качестве музыкального сопровождения видефрагментов используется песенная композиция "на мотив" лезгинки с текстом, который воспроизводится с имитацией "кавказского акцента":

Все мы гордый горный народ,
Всяких урусов <...> мы в рот,
Весь наш аул переехал в Москва,
Мы продаем из собак шаурма!
Раньше в ауле <...> баран,
Русские <...> теперь дают нам,
А не дадут, так мы сами возьмем,
Ведь Масквабад - это общий наш дом!
Асса!
Режь урусский башка!
Нас защищает в кепка Лужков,
Мы покупаем урусских ментов,
Мы открываем ларек за ларьком,

Ведь Масквабад - это общий наш дом!
Наш Масквабад - столица Кавказ,
Мы здесь хозяин, и все здесь для нас,
А если вдруг заскучаем слегка,
Будем урусам резать башка!
Все мы антифашисты, антифашисты, антифа!
Все мы антифашисты, антифашисты, антифа!
Едет к соседям дядя Ашот,
Бабу урусскую силой возьмет,
Недавно приехал мой дядя Аслан,
Любит <...> он...

Текст песни направлен на формирование отрицательного, враждебного образа всех выходцев с Кавказа с использованием провокационных высказываний, агитационных призывов и угроз, приписываемых им ("Русские <...> теперь дают нам, А не дадут, так мы сами возьмем", "Режь урусский башка!", "Будем урусам резать башка"), и утверждений о фактах противоправных и осуждаемых действий, которые якобы обычно совершают все выходцы с Кавказа ("Мы продаем из собак шаурма", "Мы покупаем урусских ментов"). В качестве основной идеи используется мысль об опасности скорого поглощения коренного населения Москвы враждебно, пренебрежительно настроенными выходцами с Кавказа ("Весь наш аул переехал в Москва", "Ведь Масквабад - это общий наш дом!", "Наш Масквабад - столица Кавказ, Мы здесь хозяин, и все здесь для нас").

Коммуникативные задачи видеоролика:

- обоснование враждебности приезжих (кавказцев, азиатов) по отношению к русскому населению, утверждение о том, что все они занимаются противоправной деятельностью, в частности наркоторговлей;
- оправдание деятельности национал-социалистов, совершающих убийства людей по признаку их происхождения.

Целевая установка видеоролика:

- пропаганда наличия отрицательных качеств и пороков (наркоторговля), присущих всей группе лиц, выделяемой по признаку происхождения (представители кавказского региона);
- обоснование и оправдание необходимости совершения агрессивных, насильственных действий против таких лиц.

III.4.1. Лексико-грамматический анализ и функционально-семантический анализ предложений являются вспомогательными видами анализа текста, которые включают в себя членение синтаксических структур на конструктивно-синтаксические единицы (подлежащее и сказуемое, главное и зависимые слова), семантико-синтаксические единицы (аргументы и предикаты), коммуникативно-синтаксические (темы и ремы) и логико-грамматические единицы (субъекты и предикаты). Однако в ряде случаев, когда текст является формально или содержательно неполным, такой анализ приобретает самостоятельное значение, поскольку эксперт вынужден использовать такие субъектно-объектные характеристики высказывания, наличие которых может быть вскрыто и доказано исключительно средствами этих видов анализа. Довольно часто информация, организованная таким образом, размещается в социальных сетях, на форумах интерактивных групп и т.п.

В качестве примера рассмотрим подробно высказывание по теме "Как вы относитесь к чуркобесам???"". Особенностью этого текста является наличие местоимений, замещающих негативное оценочное наименование выходцев с Кавказа и из Средней Азии, использованное в вопросе - заголовке темы. В аспекте плана содержания в тексте имеется ясный призыв к насильственным действиям против всех выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Однако с формальной точки зрения в самом высказывании эта группа лиц указывается анафорическими средствами. Эксперт должен уметь доказать, что в высказывании говорится именно об этой группе лиц. Для доказательства наличия этого объекта необходим лексико-грамматический анализ, сопоставляющий тематический заголовок с высказываниями по теме и с призывами, содержащимися в выводах высказывания. Ниже приводится полное описание результатов анализа и синтеза текста.

Пример 2. Текст <150> является первым высказыванием по теме "Как вы относитесь к чуркобесам???"". Автор темы, заявленной на форуме в качестве самостоятельной темы для обсуждения, имеет ник Антоха. Пользователь с этим ником 20 сентября 2008 г. в 15.29 поместил развернутый ответ на вопрос "Как вы относитесь к чуркобесам???"": "Я их мля терпеть не могу это говно нашего общества! они пользуются нами! наш народ на них работает! они заполонили РОССИЮ как тараканы они пользуются нашими женьщинами а женьщинам нравиться так как они их покупают они купили всех!!!! надо избавляться от этого зла пока это зло окончательно не даполонила все!!! это трусливые скоты по одиночке они все боятся а группой они себя чувствуют героями надо повышебать их золотые зубы а их кусками послать домой по почте их нужно мачить пока не поздно!"

<150> Сохранена орфография и пунктуация автора приводимого текста. - Ред.

Для целей лингвистического исследования используется текст, нормализованный в соответствии с действующими правилами орфографии и пунктуации и разбитый на фрагменты в соответствии с понятийно-риторической структурой высказывания:

Фрагмент 1: "Как вы относитесь к чуркобесам???"

Фрагмент 2: "Я их, мля, терпеть не могу - это говно нашего общества!"

Фрагмент 3: "Они пользуются нами! наш народ на них работает! они заполонили РОССИЮ как тараканы; они пользуются нашими женщинами, а женщинам нравится, так как они их покупают; они купили всех!!!!"

Фрагмент 4: "Надо избавляться от этого зла, пока это зло окончательно не заполонило все!!!"

Фрагмент 5: "Это трусливые скоты, поодиночке они всех боятся, а группой они себя чувствуют героями".

Фрагмент 6: "Надо повышибать их золотые зубы, а их кусками послать домой по почте; их нужно мочить, пока не поздно!"

С целью доказательства того, что риторический объект высказывания идентичен объекту тематического заголовка, приведем результаты лексико-грамматического, функционально-прагматического исследования каждой части высказывания и понятийно-риторического синтеза структуры текста. Последовательность описания результатов характеристики текста соответствует рекомендациям, изложенным в ч. I Методики.

Характеристика текстового фрагмента 1.

Тематический заголовок "Как вы относитесь к чуркобесам???" является вопросом, обращенным к читателям раздела материалов форума интерактивной группы "skinhead REVOLT".

1. Семасиологическая характеристика слов:

чуркобес - о выходце с Кавказа или из Средней Азии (жаргонно) <151>.

<151> Толкование этого слова размещено на интернет-сайте по адресу: <http://www.slovonovo.ru/term>.

2. Результаты понятийно-семантического анализа заголовка: выбором оценочного жаргонного слова, негативно характеризующего выходцев с Кавказа и из Средней Азии, автор вопроса определяет свое отношение к этой социальной группе.

3. Коммуникативная задача вопроса: побудить участников интерактивной группы выразить свое отношение к выходцам с Кавказа и из Средней Азии как к этнической группе.

4. Целевая направленность вопроса: заявить о своем резко негативном отношении к выходцам с Кавказа или из Средней Азии.

Характеристика текстового фрагмента 2.

Анализируется фразовый фрагмент текста: "Я их, мля, терпеть не могу - это говно нашего общества!"

1. Нормализованная синтаксическая структура предложения: "Я не могу терпеть их, потому что они - говно нашего общества".

2. Результаты анализа синтаксической структуры предложения: фразовый фрагмент представляет собой восклицательное двухчастное полисубъектное бессоюзное сложное предложение неоднородного состава.

Первая часть предложения ("я их, мля, терпеть не могу") состоит из подлежащего ("я"), глагольного сказуемого ("не могу терпеть") и дополнения ("их").

Вторая часть предложения ("это говно нашего общества") состоит из именной части сказуемого ("это") с пропущенным служебным глаголом "быть" ("это есть") и подлежащего ("говно") с распространяющей именной группой в родительном падеже ("нашего общества").

Значение бессоюзной связи этих предложений определяется значением местоименного существительного "это" <152>. Поскольку именная часть сказуемого второй части предложения ("это") синтаксически связана с дополнением из первой части предложения ("их"), то лексическое ее наполнение зависит от значения дополнения. Части этого предложения связаны атрибутивными отношениями с когеренцией по объекту речи.

<152> Толкование слова "это" см. в семасиологическом [описании фрагмента 1](#).

Косвенная форма "их" местоименного существительного "они" используется в ответе на вопрос "Как вы относитесь к чуркобесам?" и замещает форму родительного падежа этого слова чуркобесов ("я чуркобесов терпеть не могу"). Следовательно, местоименным существительным "это" во второй части предложения замещается слово "чуркобесы".

3. Семасиологическая характеристика <153> слов, составляющих фрагмент 1:

<153> Используются данные БТС.

"я" - местоименное существительное первого лица единственного числа, которое обозначает автора высказывания;

"их" - косвенная форма (здесь: форма родительного падежа) местоименного существительного "они";

используется в функции дополнения;

"это" - местоименное существительное к "этот". Употребляется как указательное слово на границе двух предложений, из которых второе является объяснением, истолкованием первого;

"мля" - междометие, является эвфемическим вариантом междометного употребления общеизвестного бранного слова <154>;

<154> Употребление слова мля было истолковано экспертом самостоятельно.

"говно" - о том, кто является отвратительным, скверным, гадким (грубо, презрительно).

4. Результаты понятийно-семантического анализа предложения: автор утверждает, что его негативное эмоциональное отношение к объекту (я чуркобесов терпеть не могу) объясняется негативной оценкой свойств самого объекта (чуркобесы - говно нашего общества). Предложение имеет форму двухчастного атрибутивного суждения.

5. Функционально-коммуникативная структура суждения. В качестве исходной посылки используется пропозиция мнения, выраженная отрицательным эмотивным предпочтением ко всем лицам мужского пола, которые названы "чуркобесами", а в качестве ее обоснования - пропозиция оценочного мнения о личных качествах этих людей, выраженного через сопоставление с понятием, выраженным словом "говно", имеющим негативный модус.

6. Коммуникативная связь элементов суждения: эмоциональное отношение к объекту (я чуркобесов терпеть не могу) связано отношением обусловленности качественной оценкой объекта суждения (они - говно нашего общества).

7. Результат понятийно-риторического синтеза фрагмента: авторское мнение о группе лиц, выделяемых с модусом негативной оценки, подкрепляемое характеризующим мнением о личных качествах всей группы.

Характеристика текстового фрагмента 3.

Анализируется фразовый фрагмент текста: "Они пользуются нами! наш народ на них работает! они заполонили РОССИЮ как тараканы; они пользуются нашими женщинами, а женщинам нравится, так как они их покупают; они купили всех!!!!"

1. Результаты анализа синтаксической структуры предложения: однородные восклицательные предложения, перечисляющие действия и результаты действия субъекта (в одном случае синтаксического объекта - на них), указанного формами местоимения "они".

Исследуемые восклицания являются структурными элементами, обосновывающими оценочную характеристику людей (это говно нашего общества). В них перечисляются действия, которые, по мнению автора, объясняют эту негативную характеристику. Местоимение "они", используемое в обосновании, означает выходцев с Кавказа или из Средней Азии.

2. Коммуникативная структура исследованных фраз: оценочная качественная характеристика всех выходцев с Кавказа и из Средней Азии мужского пола (они говно нашего общества) обосновывается рядом действий и ситуаций с обобщенными предикатными признаками, результаты которых являются причинами этой негативной характеристики:

"они пользуются нами!" - констатирующее обобщение действий субъекта (они) по отношению к объекту (нами);

"наш народ на них работает!" - констатирующее указание на получателя результатов деятельности субъекта (наш народ), где получателем результатов является косвенный объект (на них);

"они заполнили РОССИЮ как тараканы" - констатирующее обобщение бытийно-пространственных действий субъекта (они) с дополнительной оценкой подобия ситуативного признака субъекта (как тараканы);

"они пользуются нашими женщинами" - констатирующее обобщение действий субъекта мужского пола (они) по отношению к объекту (нашими женщинами);

"а женщинам нравится, так как они их покупают" - констатирующее обобщение эмоционального отношения субъекта (женщинам) к бытийно-посессивной ситуации (ситуация обладания) с субъектом обладания (они), соотношенным с объектом обладания (их, т.е. женщин);

"они купили всех!!!!" - констатирующее обобщение бытийно-посессивной ситуации с субъектом (они), соотношенным с объектом (всех).

3. Функционально-коммуникативная структура суждения состоит из перечисления действий и ситуаций, которые противоречат интересам говорящего. Перечисленные действия служат обоснованием негативного отношения к объекту речи. Ср.: "Они плохие по той причине, что действуют в ущерб моим (нашим) интересам".

4. Результат понятийно-риторического синтеза фрагмента: констатирующее обобщающее мнение с модусом негативной оценки результатов действий группы лиц, выделяемой по признаку происхождения и национальности.

Характеристика текстового фрагмента 4.

Анализируется фразовый фрагмент текста: "Надо избавляться от этого зла, пока это зло окончательно не заполонило все!!!"

1. Результаты анализа синтаксической структуры предложения. Фрагмент представляет собой восклицательное безличное сложноподчиненное предложение с придаточным времени. Главное предложение является безличным (бессубъектным), его распространение придаточным времени означает, что предикатным центром всего фрагмента является модальное безличное сказуемое главного предложения "надо избавляться". Придаточное времени, подчиненное сказуемому главного предложения, обозначает возможный предел развития действия, осуществляемого подлежащим (зло). Модальность необходимости действия, которое указано в главном предложении, обуславливается здесь возможностью предельного развития действия придаточного предложения.

2. Семасиологическая характеристика слов, составляющих фрагмент 4:

"зло" - абстрактное существительное, обозначающее "нечто, что является дурным, плохим, вредным". Это существительное способно принимать на себя значение любого понятия (одушевленного, предметного, предикатного), содержащего признак "быть плохим". В исследуемом контексте слово "зло" имеет значение "плохие люди, действия которых приносят вред как автору, так и всем потенциальным участникам интерактивного обсуждения". В терминах понятийно-семантического анализа значение этого слова включает в свой состав исходное суждение и его последующее обоснование. Иными словами, в данном контексте зло - это "выходцы с Кавказа и из Средней Азии, являющиеся плохими людьми и действующие в ущерб моим (нашим) интересам, т.е. плохо";

"надо" - предикативное наречие; в сочетании с инфинитивом используется в субъективно-модальном значении "необходимости" действия, указанного инфинитивом (синонимы: необходимо, следует, нужно);

"пока" - союз; употреблен в значении временного предела: "до того времени, как".

3. Результаты понятийно-семантического анализа предложения: автор обращается к адресату с призывом-воззванием о необходимости осуществления совокупности действий, направленных на избавление от выходцев с Кавказа и из Средней Азии, иначе наступит время, когда выходцы с Кавказа и из Средней Азии будут действовать в ущерб моим (нашим) интересам везде и всегда.

4. Функционально-коммуникативная структура утверждения. Исследуемый фрагмент является выводом из предшествующего авторского обоснования (выходцы с Кавказа и из Средней Азии являются плохими людьми, так как действуют в ущерб моим интересам). В качестве вывода автор предлагает совокупность действий (избавляться от этого зла) с субъективно-модальной мотивацией необходимости этих действий (надо).

5. Коммуникативная связь элементов утверждения: воззвание связано отношением обусловленности с констатирующими обобщающими суждениями, содержащимися во фрагменте 3.

6. Коммуникативная цель утверждения: агитационное воззвание к осуществлению совокупности действий, направленных на решительное избавление от всех выходцев с Кавказа и из Средней Азии путем их устранения.

Характеристика текстового фрагмента 5.

Анализируется фразовый фрагмент текста: это трусливые скоты, поодиночке они всех боятся, а группой они себя чувствуют героями.

1. Результаты анализа синтаксической структуры предложения: фрагмент представляет собой трехчастное сложное предложение неоднородного состава.

Первая часть предложения ("это трусливые скоты") состоит из именной части сказуемого ("это") с опущенным служебным глаголом "быть" ("это есть") и подлежащего ("скоты") с согласованным с ним прилагательным ("трусливые").

Вторая часть предложения ("поодиночке они всех боятся") имеет свернутую синтаксическую структуру. Оно состоит из наречия бытийного условия, находящегося в определительной связи с подлежащим (в значении "если они существуют отдельно один от другого, то"), подлежащего ("они"), сказуемого ("боятся") и дополнения ("всех").

Вторую и третью части предложения связывает сочинительный союз (а) в сопоставительном значении.

В третьей части предложения ("группой они себя чувствуют героями") подлежащее ("они") координировано с глагольной группой, состоящей из сказуемого ("чувствуют"), возвратного местоимения ("себя"), косвенного дополнения ("героями") и обстоятельства образа действия ("группой").

2. Семасиологическая характеристика слов, составляющих фрагмент <155>:

<155> Используются данные БТС.

"скоты" - форма множественного числа существительного. Здесь слово использовано в значении: грубые, низкие, подлые люди (презрительно);

"они" - местоименное существительное множественного числа, которое замещает слово "скоты". Данное значение подтверждается сочетанием с глаголами чувств (бояться, чувствовать), которые в позиции субъекта действия принимают существительные, обозначающие человека;

"поодиночке" - отдельно один от другого, по одному.

3. Результаты понятийно-семантического анализа предложения: автор утверждает, что все выходцы с Кавказа и из Средней Азии являются трусливыми, подлыми людьми, потому что если существуют отдельно один от другого, то они всех боятся, а если существуют вместе, то они чувствуют себя героями.

4. Функционально-коммуникативная структура суждения состоит из констатирующего суждения и двух сопоставленных ему доводов, ограниченных условиями их реализации.

Констатирующее суждение: выходцы с Кавказа и из Средней Азии являются трусливыми, подлыми людьми (пропозиция оценки);

первое обоснование суждения: "они всех боятся" (пропозиция мнения);

условие реализации суждения: "если находятся отдельно один от другого";

второе обоснование суждения: "они чувствуют себя героями" (пропозиция мнения);

условие реализации суждения: "если находятся вместе".

5. Коммуникативная связь элементов суждения: в качестве исходного суждения автор использует пропозицию оценки личных качеств выходцев с Кавказа и из Средней Азии, в обоснование суждения указывает составной предикатный признак. Исследуемый фразовый фрагмент включает в себя пропозиции мнения, являющиеся качественной характеристикой поведения объекта речи.

6. Результат понятийно-риторического синтеза фрагмента: констатирующее утверждение, направленное на формирование мнения о низких морально-нравственных качествах всех выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

Характеристика текстового фрагмента 6.

Анализируется фразовый фрагмент текста: "Надо повышибать их золотые зубы, а их кусками послать домой по почте; их нужно мочить, пока не поздно!"

1. Нормализованная синтаксическая структура фрагмента: "Надо повышибать их золотые зубы, после этого надо послать их домой по почте кусками. Их нужно мочить, пока не поздно!".

2. Результаты анализа синтаксической структуры фрагмента.

Первое предложение (надо повышибать их золотые зубы, а их кусками послать домой по почте) является двухчастным сложносочиненным предложением с перечислительным значением. Союз (а) в данном случае указывает на временную последовательность действий. Во второй части предложения пропущено модальное слово (надо), которое восстанавливается по признаку наличия свободного (несвязанного) инфинитива (послать = "надо послать").

Второе предложение (их нужно мочить, пока не поздно!) является безличным (бессубъектным) предложением с придаточным времени. Придаточное времени "пока не поздно" отсылает адресата к содержанию придаточного предложения из третьего фрагмента (пока это зло окончательно не заполонило все!!!) и имеет ту же функционально-понятийную структуру.

3. Семасиологическая характеристика слов, составляющих фрагмент <156>:

<156> Используются данные БТС.

"их" - притяжательное местоименное прилагательное (их золотые зубы); используется в функции определения;

"их" - косвенная форма (здесь: форма винительного падежа) местоименного существительного "они" (послать их; мочить их); используется в функции прямого дополнения;

"мочить" - убивать (жаргонное значение);

"повышибать" - последовательно выбить всем, многим.

4. Результаты понятийно-семантического анализа пропозиций волеизъявления автора.

В первом предложении автор обращается к адресату с воззванием о необходимости последовательного осуществления конкретных насильственных действий, направленных на причинение вреда здоровью и убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии.

Во втором предложении автор обращается к адресату с призывом-воззванием о необходимости осуществления совокупности действий, направленных на убийство всех выходцев с Кавказа или из Средней Азии.

5. Коммуникативная связь элементов утверждения: воззвание связано отношением обусловленности с констатирующими обобщающими суждениями, содержащимися во фрагменте 5.

6. Коммуникативная цель высказывания: агитационное воззвание к осуществлению совокупности действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии.

Интегральное исследование фрагментов.

Исследованный текст составляет понятийно-риторическое единство и представляет собой полное высказывание, соотносящееся с темой заголовка "Как вы относитесь к чуркобесам???". Для презентации главного объекта высказывания в тексте используются местоимения 3-го лица множественного числа. В понятийно-риторической структуре авторского высказывания оценки личных качеств всех выходцев с Кавказа, Средней Азии подкрепляются и обосновываются обстоятельно-характеризующими их действиями, в качестве выводов используются призывы-воззвания к осуществлению совокупности действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии. Главным объектом речи являются выходцы с Кавказа или Средней Азии. Выделяемые предикатные признаки когерентны как друг другу, так и объекту речи.

Такая риторическая конструкция согласуется с коммуникативной задачей и отвечает целевой направленности вопроса, заявленного в теме рубрики:

- коммуникативная задача вопроса: побудить участников интерактивной группы выразить свое отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии как к этнической группе;

- целевая направленность вопроса: заявить о своем резко негативном отношении к выходцам с Кавказа или Средней Азии.

1. Исходное суждение высказывания: авторское мнение о группе лиц, выделяемых с модусом негативной оценки, которое подкрепляется мнением автора о личных качествах всей группы.

2. Обосновывающий довод: констатирующее обобщающее мнение с модусом негативной оценки результатов действий группы лиц, выделяемой по признаку происхождения и национальности.

3. Выводное умозаключение: призыв-воззвание к осуществлению совокупности действий, направленных на решительное избавление от всех выходцев с Кавказа и Средней Азии путем их устранения.

4. Дополнительное суждение: констатирующее оценочное утверждение, направленное на формирование мнения о низких морально-нравственных качествах всех выходцев с Кавказа и Средней Азии.

5. Итоговое умозаключение: призыв-воззвание к осуществлению совокупности действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии. Выделенная структура авторского высказывания содержит все специфические признаки композитного высказывания убеждающего воздействия.

Коммуникативная задача высказывания: 1) обоснование резко негативного отношения к выходцам с Кавказа или Средней Азии; 2) обоснование негативного мнения о результатах действий группы лиц, выделяемой по признаку происхождения и национальности; 3) обоснование необходимости осуществления

действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии.

Целевая направленность высказывания: агитация участников интерактивной группы к осуществлению совокупности действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии.

Общий вывод исследования: автор высказывания оказывает речевое воздействие на участников интерактивной группы путем манипулятивного обоснования (т.е. с использованием ссылки на личное мнение, а не на факты) с целью убеждения их в необходимости враждебного отношения к выходцам с Кавказа и Средней Азии.

Автор оказывает на участников интерактивной группы также и агитационное влияние, побуждающее их на осуществление действий, направленных на причинение физического ущерба и на убийство всех выходцев с Кавказа или Средней Азии.

Примечание: Полученные экспертные выводы соответствуют коммуникативным признакам экстремистской речевой деятельности, поскольку содержат пропагандистские и агитационные высказывания экстремистского толка. В частности:

- обоснование, оправдание необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - пропаганда, направленная на возбуждение вражды и ненависти);

- оправдание необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - обоснование или оправдание необходимости совершения преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);

- призывы к агрессивным, насильственным, жестоким действиям, направленным против представителей группы лиц, выделяемой по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (юридический запрет - призывы к совершению преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).

III.4.2. Специфика анализа отдельных фрагментов высказываний, содержащих пропагандистские риторические конструкции. В примерах 1 и 2 были приведены результаты исследования содержания полного трехчастного высказывания, которые позволяют доказать его направленность на пропаганду необходимости осуществления насильственных действий против групп людей, выделяемых по признаку социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности. Между тем объектом анализа могут быть убеждающие высказывания, состоящие из двух частей: 1) доказываемое положение (посылка) - в форме мнения о личных качествах людей или об их действиях; 2) обосновывающий довод - в виде оценочного суждения о каких-либо фактах или оценочного мнения о результатах предикативного признака исходной посылки. Такие пропагандистские высказывания, не содержащие вывода о необходимости совершения каких-либо действий, могут рассматриваться как противоправные в тех случаях, когда речь идет о пропаганде ненавистного и враждебного отношения к группам людей (см. пример 3), пропаганде превосходства или неполноценности человека (см. пример 4), а также о пропаганде идей национал-социализма посредством демонстрирования нацистской атрибутики или символики (см. пример 5).

Пример 3. В статье, опубликованной в Интернете, "Русская свобода или мультикультурализм в России" излагается авторский взгляд на положение русского населения в России. В качестве главного тезиса, который обосновывается в статье, используется утверждение о том, что в стране имеет место геноцид русского народа, осуществляемый "правлящей элитой". При этом действия, непосредственно направленные против русских, по мнению автора, совершают выходцы с Кавказа. В тексте описывается несколько общественно значимых событий, в которых сталкивались интересы русского населения и

выходцев с Кавказа (мероприятия во время мусульманских праздников в Москве, акции протеста на Манежной площади, криминальные конфликты с участием представителей разных национальностей). Особое внимание в статье уделяется доказательству существования этнических организованных преступных групп, среди которых автор выделяет чеченцев, дагестанцев, осетин и ингушей, азербайджанцев. Установление контроля за различными сферами рынка, отраслями экономики со стороны представителей кавказских республик рассматривается в статье как результат целенаправленной политики Президентов страны в последние годы (Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева). Выходцам с Кавказа приписываются агрессивные действия против русского населения, за которые они не несут ответственность, поскольку этнические диаспоры, по мнению автора, обеспечивают безнаказанность правонарушителей. Исходя из описанных обстоятельств в статье обосновывается необходимость проявления неприязни к выходцам с Кавказа, необходимость выражения своего недовольства существующим положением русского народа и необходимость демонстрации "русской свободы", которая трактуется как "желание жить по законам, по справедливости, в уважении окружающих нас людей... ответственность за свой народ, за свою страну, это ненависть к вора, убийцам, растлителям и насильникам... нетерпимость к злу, пороку, гомосексуализму и педофилии, ювенальной юстиции и абортам... одинаковые социальные условия для всех, это отсутствие богатых и бедных, это труд и отдых, здравоохранение и образование". В отношении тех, кто не согласен с изложенными законами "русской свободы", автор обосновывает необходимость принятия мер по исключению из политической жизни и выселению из страны. Несогласные с "приоритетом русской культуры, русских традиций" должны жить, по мнению автора, "за чертой оседлости, в исторически сложившихся национальных образованиях".

Анализ группы фрагментов текста, в которых русское население России противопоставляется выходцам с Кавказа и представителям среднеазиатских республик.

Фрагмент 1:

"...количество выходцев с Кавказа и других среднеазиатских республик в Москве уже давно превысило опасную черту, после которой начинается беспредел вседозволенности и подавления меньшинством русского большинства. Опасная тенденция заселения в Москву и другие города России гастарбайтеров якобы с целью занятия пустующих ниш в строительном и коммунальном секторе производства на деле оборачивается замещением русского населения инородцами. Преступность приобретает все более этническую окраску, что так боятся признать полицейские начальники, причем жестокость расправ выходцев с Кавказа не знает никаких границ. Нас, русских людей, убивают и режут как скотину на скотобойне, спуская кровь и разделявая на мясо. Отнимая нашу собственность и право на жизнь. С криками "Аллах акбар!" молодежь Кавказа насилует девушек, отрезает головы пятилетним детям, стреляет и избивает битами молодых русских ребят. Спортсмены из Дагестана и Чечни отработывают свои удары на русских людях, используя их вместо груши, превратив ринг спортивного поединка в жестокое убийство мирных граждан" (с. 1 - 2).

Фрагмент 2:

"...Чемпион мира Р. Мирзоев убил не дагестанца или чеченца, а русского, сравнимого для них со скотом, с собакой, которую надо бить палкой по голове, чтобы знала свое место в этом кавказском мире" (с. 2).

Фрагмент 3:

"Тогда получается, кавказским народам необходимо быть более равными среди равных, им должны быть дарованы большие права и свободы, чем русскому народу? Это так, ведь ничем другим объяснить такое положение дел нельзя, особенно учитывая постоянное вмешательство в деятельность правоохранительных органов и судов многочисленных диаспор и представительств, которые фактически стали организованными преступными группами, оказывающими влияние на деятельность УВД и государственных учреждений" (с. 3).

Фрагмент 4:

"Прежде всего надо ненавидеть подонков, угнетающих наш народ, надо везде высказывать свое недовольство существующим положением русского народа, демонстрировать выходцам с Кавказа нашу

свободу - свободу жить на своей земле, дарованной нам нашими предками, свободу не покупать товар на рынках, тем самым ослабляя диаспоры экономически" (с. 4).

Фрагмент 5:

"Все, кто не согласен проводить в жизнь законы русской свободы, должны оставить руководящие посты, распустить политические партии и объединения, покинуть территорию России. Те, кто не согласен с приоритетом русской культуры, русских традиций, должны жить исключительно за чертой оседлости, в исторически сложившихся национальных образованиях. Делить соседство с людьми, презирающими нас, русских людей, мы больше не намерены и должны сказать твердое "Нет!" всем угнетателям и душителям русского человека" (с. 4).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах автор последовательно противопоставляет русское население России и выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Миграционные процессы характеризуются как представляющие опасность, угрозу для коренного населения ("количество выходцев с Кавказа уже давно превысило опасную черту", "опасная тенденция заселения"). Приезжие с Кавказа характеризуются как агрессивные, жестокие, они обвиняются автором в замещении русского населения на рынке труда, в насильственных преступлениях против русских, в посягательствах на собственность, что дает основание говорить об "этнической окраске" преступности. Негативную характеристику конкретного лица - выходца с Кавказа, применившего насилие в отношении русского (Р. Мирзоева), автор переносит на всех представителей кавказских республик, обвиняя их во враждебном, агрессивном отношении к русским. Диаспоры и представительства, созданные кавказскими народами, обвиняются в стремлении добиться привилегированного положения, во вмешательстве в деятельность правоохранительных органов. В приведенных фрагментах также содержатся выводы автора, обосновывающие необходимость ненавистнического отношения к выходцам с Кавказа и выражения недовольства существующим положением русского народа. Автор также обосновывает необходимость дискриминационного отношения к тем, кто не согласен с приоритетом русской культуры и русских традиций в России.

Коммуникативные задачи, реализованные в тематической группе фрагментов статьи: обвинение всех выходцев с Кавказа в совершении действий, направленных против русского населения.

Целевая установка фрагментов: обоснование необходимости ненавистного отношения ко всем выходцам с Кавказа.

Коммуникативные задачи статьи: 1) обвинение выходцев с Кавказа в совершении действий, направленных против русского населения; 2) обвинение руководства страны в политике, направленной против интересов русского населения России.

Целевая установка статьи: обоснование необходимости ненавистного отношения к выходцам с Кавказа и принятия мер по изменению политики государства в целях защиты интересов русского народа.

Случаи пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности в современных текстах встречаются относительно редко. Разберем случай пропаганды превосходства или неполноценности человека по расовому признаку.

Пример 4. Объектом исследования является книга В.Б. Авдеева "Расология". Для подробного исследования выделены фрагменты, тематически соотносящиеся с поставленным перед экспертами вопросом о наличии обоснования мнения об изначальной неполноценности или порочности, свойственной человеку какой-либо расовой принадлежности (пропаганда исключительности, превосходства и неполноценности человека по признаку расовой принадлежности).

Фрагмент 1:

"Антрополог констатирует сам факт расовых различий и на этом останавливается, полагая свою задачу выполненной, расолог же, напротив, оценивает их, создает из них иерархию по степени важности,

чтобы научить соплеменников пользоваться ими с выгодой в борьбе за существование лишь для представителей своей расы" (с. 35).

Фрагмент 2:

"Однако бурный расцвет естествознания в XIX веке существенно скорректировал данный архаический усредненный взгляд на мировую историю, ибо за счет развития позитивных статистических методов выяснилось, что далеко не все человеческие биотипы обладают в равной степени способностью к созиданию культуры. Обнаружилось, что объективно существуют биотипы более и менее "ценные" с точки зрения вклада в мировую сокровищницу культуры!" (с. 48).

Фрагмент 3:

"В общественной жизни мы наблюдаем подтверждение следующего незыблемого правила: **чем "ниже" с эволюционной точки зрения социальная или расовая группа, тем быстрее происходит сращение швов на черепе у ее представителей и тем быстрее прекращается у них запрограммированное развитие мозга, что является одной из основных причин их антисоциального поведения при попадании в лоно распространения другой, более "высокой" расы**" (с. 259).

Фрагмент 4:

"**Российская империя, так же как до этого Великая Русь, была основана великорусским племенем, у которого в силу его наследственно обусловленных расовых признаков сам процесс и очередность зарастания черепных швов происходит по модели, свойственной "высшей" расе, в то время как у "инородцев России" преобладает модель, позволяющая отнести их преимущественно к "низшим" расам.**

Этот антропологический принцип мы без труда можем обнаружить в истории любой великой империи и любой великой цивилизации. **"Высшие" расы создают - "низшие" уничтожают.**

Судьба народов, принадлежащих к этим базовым расовым типам, обусловлена самим наследственным принципом развития их мозга и не поддается никакому культурно-просветительскому вмешательству извне. Мировая история является по сути химической ретортой, осуществляющей возгонку "высших" элементов и осаждение "низших" (с. 260).

Фрагмент 5:

"А теперь, уважаемый читатель, давайте вспомним характерный факт недавней истории: демонстрацию аборигенов центральной Австралии, саботировавших Олимпийские игры в Сиднее в 2000 году. Телевизионные агентства, разносившие эту новость по всему миру, умолчали о том, что средняя масса мозга этих "людей" составляет всего 750 граммов. Для того чтобы понять, что такое Олимпийские игры, им просто не хватает критической минимальной массы мозга" (с. 275 - 276).

Фрагмент 6:

"Мир станет прозрачным и понятным в самой своей сути, а большинство повседневных проблем сами собой найдут свое разрешение, едва Вы начнете сортировать "людей" по расово-биологической шкале согласно их ценности" (с. 533 - 534).

Фрагмент 7:

"Базовые стереотипы стратегий поведения различных рас, запечатленные на уровне морфологии и динамического функционирования нервной системы их представителей, проявляют себя во всем многообразии жизненных форм, стилистически безошибочно указывая на первоисточник - конкретную расу. Поэтому совершенно бесполезно, например, объяснять философию Шопенгауэра в цыганском таборе, так как они расово-биологически несовместимы" (с. 545).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах автор прямо указывает, что задачей расолога, в отличие от антрополога, является не просто фиксирование факта различий между существующими расовыми группами, но создание иерархии расовых групп "по степени важности". При этом сам факт принадлежности к "высшей" или "низшей" расе, по мнению автора, влияет на социально значимые способности человека. В частности, в книге даются качественные оценки всем людям одной расы в аспекте уровня их интеллекта, способности к созиданию культуры и т.п. В книге содержится положительная оценка введения и использования иерархии расовых групп. Автор рекомендует читателям руководствоваться в повседневной жизни результатами расологических исследований, сортировать людей в зависимости от их "ценности", что позволяет объяснять, например, причины антисоциального поведения представителей расовых групп. Биологическое (генетическое) превосходство представителей "высшей" расы должно, по мысли автора книги, использоваться в борьбе за существование между расовыми группами.

Коммуникативные задачи, реализованные в тематической группе фрагментов книги: 1) описание различий между представителями расовых групп; 2) обоснование качественной оценки представителей таких групп указанием на различия, характеризующие представителей каждой из них; 3) обоснование существования биологической (генетической) иерархии расовых групп.

Целевая установка фрагментов: пропаганда мнения об изначальной неполноценности, свойственной человеку "низшей расы", и превосходства представителей "высшей расы".

Информационные материалы, содержащие пропаганду идей национал-социализма посредством демонстрации нацистской атрибутики или символики, в силу их кажущейся очевидности довольно часто становятся объектом экспертных исследований. Однако за внешней простотой экспертного исследования по принципу "если есть "свастика", значит, есть и пропаганда идей нацизма" скрываются существенные методологические ошибки. Приведем пример анализа информационных материалов, содержащих пропаганду одобрительного отношения к национал-социализму.

Пример 5. Файл "Wewelsburg - Sieg Heil!" продолжительностью 3 минуты 12 секунд представляет собой композицию из документальных съемок времен нацистской Германии. Съемки массовых собраний и шествий национал-социалистов чередуются с кадрами публичных выступлений лидеров партии Гитлера и Геббельса. Видеоряд включает демонстрацию нацистской символики (свастики).

Наличие звукового сопровождения на немецком языке и субтитров на английском языке может свидетельствовать о предназначенности видеоматериала для международной аудитории. Аудиотекст зашумлен, рифмованная его часть сопровождается музыкой в стиле "рок". Отчетливо различимы постоянно повторяющиеся выкрики "Sieg, Sieg, Sieg, Sieg Heil!" ("Да здравствует победа!").

В представленном выше объеме текста отсутствуют суждения, анализ, заключение относительно демонстрируемых документальных кадров (в том числе демонстрации нацистской символики). Эмоционально-оценочный компонент, определяющий целевую направленность видеоряда, выражается в его звуковом сопровождении. Повторяемый рефреном лозунг национал-социалистов "Sieg, Sieg, Sieg, Sieg Heil!" ("Да здравствует победа!"), а также заключительная фраза "unsere Zeit hat wieder angekommen" ("вновь настало наше время") на фоне демонстрации огненного символа с изображением орла и свастики в круге позволяют констатировать положительную оценку происходящего на экране.

Коммуникативная задача: создание положительного образа германских национал-социалистов путем демонстрации видеоподборки документальных кадров их массовых собраний и шествий, а также кадров публичных выступлений лидеров партии Гитлера и Геббельса.

Целевая установка: 1) формирование положительного отношения к носителям нацистской идеологии; 2) пропаганда и популяризация нацистской атрибутики и символики.

Для экспертных целей к выделяемым коммуникативным объектам относятся наименования людей, обозначаемых по признакам их расовой, национальной, этнической, социальной, политической и тому подобной принадлежности. Особое внимание следует обращать на использование в речи нерелевантных объектов для обозначения групп людей, выделяемых по неизменяемым признакам. Указание на нерелевантный понятийный объект в пропагандистских целях является одним из легальных риторических приемов, позволяющих высказать мнение без прямого указания на обвиняемую сторону (например,

использование абстрактных существительных в качестве составной части наименования коммуникативного субъекта). Так, во фразе "В настоящее время всем коренным народам России угрожают крайне реакционные силы, которые можно охарактеризовать в совокупности как еврейский фашизм, пришедший к власти в результате незаконного государственного переворота" содержится эмоционально воздействующее констатирующее суждение о наличии угрозы всем коренным народам России (обобщенного референтного субъекта) со стороны абстрактного нереферентного субъекта, имеющего оценочные признаковые характеристики (крайне реакционные силы, еврейский фашизм) и негативные предикатные свойства (пришедший к власти в результате незаконного государственного переворота).

Задача этого высказывания состоит в выражении оценочного мнения о нереферентном субъекте, а целевой установкой является констатирующая пропаганда негативного мнения о сложившейся ситуации в России (коренным народам России угрожают крайне реакционные силы).

III.4.3. Специфика анализа отдельных фрагментов высказываний, содержащих агитационные риторические конструкции. В ряде случаев объектом исследования являются отдельные высказывания, содержащие призывы к совершению противоправных насильственных действий, дискриминации и т.д. Волеизъявление, выраженное таким способом, можно анализировать самостоятельно, но и здесь доказательная база выводов будет убедительнее и полнее, если эксперт рассмотрит всю риторическую структуру высказывания или коммуникативную ситуацию речевого действия в целом.

Пример 6. Видеофайл "Москва 2009. Автономная Группа Русского Сопrotивления".

Информационный материал, содержащийся в данном видеофайле, представляет собой музыкальный видеоклип продолжительностью 1 минута 9 секунд. В качестве звукового сопровождения используется песня со словами следующего содержания:

"Смотря в лицо каждый день

Своим страхом, жизнь... [неразборчиво]

Как можно бояться по сути сраженья,

Идти к своим страхам на покоренье.

Всю мою жизнь... [неразборчиво]

В борьбе я готов ее положить, ее положить.

Как можно жить... [неразборчиво]

Страданье везде, вокруг посмотри.

Я буду драться за своего брата.

Я умру, если, если будет так надо.

Причина проста, как кажется мне,

Родная кровь в тебе и во мне.

Это создано страхом, не должно оставаться... [неразборчиво]

Вставай дерись, вставай дерись".

Видеоряд состоит из нескольких взаимосвязанных частей:

Часть 1 [хронометраж: 00.00 - 00.03] - демонстрация изображения человека в маске, выполненного черным и белым цветами внутри круга. По окружности изображения нанесена надпись: "Автономное Сопrotивление".

Часть 2 [хронометраж: 00.04 - 00.14] - зрителю последовательно демонстрируются три слайда, на каждом из которых красными буквами на черном фоне написаны слова, являющиеся частью общей фразы: на первом слайде - "Если ты молод и полон сил...", на втором слайде - "...а средств и опыта не хватает...", на третьем слайде - "Просто ЖГИ!". На третьем слайде под надписью расположена фотография, на которой запечатлен горящий автомобиль.

Часть 3 [хронометраж: 00.15 - 00.30] - начинается со слайда с надписью: "Мишень N 1. ТОРГОВАЯ ТОЧКА ОККУПАНТОВ" и графическим изображением мишени.

Далее следует видеосюжет [00.20 - 00.30], в котором демонстрируется поджог торгового киоска в темное время суток.

Часть 4 [хронометраж: 00.31 - 00.37] - начинается со слайда с надписью: "Мишень N 2. БУРЖУЙСКОЕ <157> АВТО" и изображением мишени, внутри которой надпись: "лексус".

<157> **Буржуй 1.** Презрит. = Буржуа (1 зн.). "Ешь ананасы, рябчиков жуй, День твой последний приходит, буржуй" (Маяковский). -> энц. В 20-е гг. XX в. большевистская пропаганда относилась к буржуазным представителям всех сословий (кроме рабочего класса и беднейшего крестьянства), отсюда презрительная окраска этого слова. **2.** Ирон. О человеке богатом, владеющем чем-л. в большом количестве (обычно скуповатом). Подари хоть один карандаш, буржуй! (БТС. С. 104).

Далее следует видеосюжет [00.34 - 00.37], в котором демонстрируется поджог автомобиля в темное время суток.

Часть 5 [хронометраж: 00.38 - 00.37] - начинается со слайда с надписью: "Мишень N 3 (самая главная). ПСЫ СИСТЕМЫ" и изображением мишени, внутри которой надпись: "МВД". Далее следуют два слайда, на первом из которых демонстрируется фото автомобиля белого цвета иностранной марки, на втором - фото пропуска, находящегося за лобовым стеклом автомобиля. На пропуске отчетливо видны надписи: "МВД РОССИИ. ГУВД по г. Москве. Служба экономической безопасности. Управление по налоговым преступлениям. Оперативное управление". Пропуск выполнен в цветах российского флага и на нем изображены герб России и эмблема МВД. Также виден регистрационный номер автомобиля "К 960 АХ 199 rus".

Далее следует видеосюжет [00.50 - 00.59], в котором демонстрируется поджог автомобиля.

Часть 6 [хронометраж: 01.00 - 01.04] - демонстрация слайда, на котором изображен горящий автомобиль марки "газель". Специальная маркировка автомобиля, а также имеющиеся на его кузове надписи ("ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ", "ОВД") позволяют идентифицировать его как ведомственный автомобиль правоохранительных органов. Под описанным фотоизображением белыми буквами на черном фоне имеется надпись: "ДЕЙСТВУЙ!".

Часть 7 [хронометраж: 01.05 - 01.09] - демонстрация слайда, в котором повторяется изображение человека в маске, выполненного черным и белым цветами внутри круга. При этом по окружности изображения нанесена надпись: "ВОЛНА ТЕРРОРА". Поперек изображения красными буквами написано: "xTERROR WAWEx", снизу - "Музыка: xTERROR WAWEx - В борьбе".

Целевой установкой видеоролика является побуждение зрителя к совершению поджогов имущества. Призыв к таким действиям выражен в форме глагола в повелительном наклонении "жги". Словесными и изобразительными средствами в представленном видеоролике зрителю объясняются основные объекты, по отношению к которым должны совершаться противоправные действия. В трех частях видеоролика последовательно конструируются образы трех "мишеней": "торговая точка оккупантов", "буржуйское авто "лексус" и "псы системы МВД". Каждому словесному описанию соответствует видеосюжет, наглядно демонстрирующий действия, которые необходимо совершить для реализации содержащегося в видеоролике призыва.

В первом случае речь идет о торговой точке "оккупантов", т.е. захватчиков. В контексте видеоролика

под таковыми понимаются приезжие торговцы. Во втором случае в качестве мишени выступает "буржуйское авто".

Обобщение позволяет утверждать, что мишенью в видеоролике является имущество богатых (состоятельных людей). В третьем случае в качестве мишени указано МВД - Министерство внутренних дел.

Таким образом, видеоролик призывает к совершению противоправных действий (поджогов имущества) в отношении приезжих торговцев, состоятельных людей и сотрудников правоохранительных органов.

Следует также учитывать, что не всякая информация, содержащая коммуникативные признаки, соотносимые с признаками экстремистской речевой деятельности, ясно и полно выражает эти признаки. Нередко высказывания, вызывающие к национальному или религиозному чувству, оказываются формально неполными, но содержащими указания на такое восполнение текста, которое известно и понятно адресату. Подобная структура высказываний используется для обоснования авторских рассуждений, а закономерный вывод из них адресат принуждается делать самостоятельно. Обычно такие высказывания звучат на митингах, к ним прибегают в листовках, когда имеется возможность лишь кратко заявить о своей позиции, обнародовать свои главные требования в поиске сторонников для их воплощения. Для таких случаев обычно используются социально значимые, понятные лозунги, имеющие свойства закрепленных в общественном сознании идеологем.

Например, известная идеологема "Россия для русских!" в современном мире используется русскими националистами. Она приобрела признаки пропагандистского лозунга, поскольку используется как идеологический "заместитель" требования к власти о прямом этническом протекционизме. Эта дополнительная (энциклопедическая) информация, составляющая неотъемлемую часть функции идеологемы, понятна большинству граждан России. Однако поскольку в содержании пропагандистского лозунга "Россия для русских!" отсутствуют унижительные характеристики какой-либо национальной группы или явное противопоставление групп людей, то сам по себе этот лозунг не содержит признаков противоправной деятельности. Вместе с тем экспертный анализ этого модально-бытийного суждения (волеизъявления) должен производиться в контексте его употребления. В некоторых случаях вскрывается риторическая уловка, маскирующая понятное противоречие между формально выраженным именем собственным "Россия", референтом которого является "государство с многонациональным составом граждан", и предложно-падежной формой существительного со значением "все русские люди, выделяемые как этническая группа, для которой предназначается названное государство" <158>. Коммуникативная задача использования этой идеологемы определяется по ее содержанию - выражение требования русских националистов как социально-политического субъекта о необходимости предоставления экономических и политических привилегий одной национальной группе. Целевая направленность лозунга заключается в пропаганде этнического протекционизма, ведущего к разделению российского общества по признаку национальной принадлежности.

<158> Отметим здесь, что столь же радикальный лозунг "Русские для России!", но имеющий имперское содержание, не противоречит существующим морально-нравственным императивам.

Внешне похожий лозунг "Москва для москвичей!" содержательно более сложен для анализа. Если он используется в контексте требований о депортации из города лиц, проживающих в нем без регистрации, то это радикальный лозунг (так как основан на требовании немедленного исполнения закона). Если он используется как идеологема, содержащая требование экономических привилегий для коренных москвичей в ущерб лицам, приехавшим в столицу недавно, но проживающим в ней на законных основаниях, то этот лозунг нарушает права, свободы и законные интересы граждан, выделяемых по признаку происхождения. В этом случае только суд, исследовав конкретную внеязыковую ситуацию использования лозунга, сможет установить его коммуникативную задачу и целевую направленность.

Следует учитывать, что призывы, в которых используются наименования лиц (группы лиц) по их расовой, национальной, конфессиональной или социальной принадлежности, далеко не обязательно содержат коммуникативные признаки противоправной речевой деятельности. Например, содержание агитационных призывов "Русский, помоги русскому!", "Русский, поддержи русского!", "Русский, защити

русского!" не может быть признано само по себе противоправным, поскольку в нем отсутствует противопоставление людей по национальному признаку, отсутствует указание на сторону, получающую моральный или материальный ущерб. Возможная конфликтность таких агитационных призывов порождается лишь в случае их вторичной интерпретации, если читатель (или эксперт) возьмется домысливать наличие скрытого противопоставления людей по национальному, религиозному признаку. Однако такие вторичные интерпретации противоречат конкретному содержанию таких призывов, ведь поддержка одного лица не означает автоматически ущемления прав другого.

При анализе информации следует отличать содержание авторских суждений от авторского вывода из этих суждений. С помощью суждений, объединенных причинно-следственной связью и обосновывающих их фактов, создается высказывание, риторическая конструкция которого предназначена для убеждающего воздействия на аудиторию. Практика показывает, что определение направленности текста на разжигание национальной, религиозной розни становится особенно сложным, когда пропагандируемое мнение внедряется в сознание читателя (зрителя, слушателя) путем обобщения фактической информации и переноса негативной характеристики действий лиц, совершивших какое-либо предосудительное деяние, на всех представителей выделяемой группы. В таком случае обязательным является определение меры обобщения фактов - необходимо установить, обобщает ли автор высказывания конкретный факт до атрибутивной характеристики деятельности всех представителей группы, выделяемой по неизменяемому социальному признаку. Характеризует ли автор фактические действия представителей какой-либо социальной группы как неизбежное проявление свойств личности любого ее представителя, соединенное побуждением к насильственным действиям против всех представителей этой группы.

Само по себе изложение тех или иных фактов и сведений исторического, религиозного, политического характера с обозначением участников тех или иных событий по расовому, национальному, религиозному признаку или по признаку происхождения не означает направленности текста на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Исходя из понимания того, что в текстах есть факты и авторские комментарии к ним, следует тщательно анализировать авторские суждения, так как именно они создают высказывания, в которых факты реализуют коммуникативное задание с определенной целевой направленностью.

Речевые действия с коммуникативными признаками экстремизма иногда сопровождаются тенденциозно подобранными, искаженными, вымышленными фактами, а также бездоказательными утверждениями и представлениями, отвергнутыми современной наукой. Различные измышления и домыслы, имеющие форму фактов, перемежаясь с действительными фактами, вводятся в контекст, где они используются в качестве аргументов, подтверждающих негативный образ всех представителей какой-либо нации или религии, позволяющих приписать им враждебные намерения и т.п. Такое умышленное манипулирование информацией объективно способствует созданию в обществе атмосферы национальной или религиозной нетерпимости. Нельзя исключать также возможность непреднамеренного со стороны авторов включения в публикации (озвученные тексты) неосторожных, невежественных и ошибочных суждений, обусловленных их низкой профессиональной квалификацией, недостаточной общей эрудицией. Однако оценка полноты и глубины знаний автора не может становиться предметом экспертного исследования и не должна влиять на общие выводы.

В тех случаях, когда вопросы подлинности приведенных фактов и достоверности сообщений нуждаются в проверке, но выходят за пределы компетенции лингвиста, необходимо привлекать специалистов, компетентных в соответствующих областях знаний (историков, религиоведов, политологов, экономистов, генетиков, антропологов, этнологов, психологов и др.). По тем информационным материалам, для анализа которых признано необходимым использование специальных познаний в области гуманитарных наук, назначается комплексная экспертиза их содержания.

Вопросы должны быть поставлены так, чтобы на каждый из них привлекаемый специалист мог ответить ссылкой на источник или цитатой из него (научной публикации, авторитетного справочника и т.п.) <159>. Комплексная экспертиза объективно распадается на ряд специальных исследований, которые каждый специалист должен проводить самостоятельно. Такая экспертиза хотя и может быть назначена одним общим постановлением, но состоит из нескольких исследований и завершается либо составлением нескольких заключений, либо общим заключением, при этом каждый эксперт подписывает только часть исследования и свои выводы, которые находятся в пределах его компетенции и за которые он по закону

несет личную ответственность.

<159> См. список рекомендуемых вопросов к специалисту в ч. I настоящей Методики.

При несовпадении мнений экспертов назначается надзорная проверка с целью установления причин возникших разногласий. В случае обоснованности возникших противоречий одно из экспертных исследований оформляется как особое мнение. Составление "компромиссных" заключений, совмещающих все имеющиеся точки зрения, недопустимо.

III.4.4. Характеристика текстовой информации, собранной в тематические группы. Обширные тексты, содержащие большой объем разноплановой информации, обычно не нуждаются в подробном лексико-грамматическом анализе каждого предложения. Экспертиза такого текста проводится на основе исчерпывающей выборки фрагментов, которые тематически и содержательно соотносятся с поставленными перед специалистами вопросами.

Формат доследственной проверки позволяет представлять выводы из исследования без подробного изложения доказательств по ним. Требования, предъявляемые к исследованию, проводимому в формате экспертизы, предусматривают полное и объективное изучение представленных материалов <160>. Однако и в этом случае проведение глубокого описания результатов исследования текста является не всегда обязательным. Обычно для обоснования выводов и ответов на поставленные вопросы достаточно изложить результаты функционально-прагматического исследования информационных материалов. По совокупному содержанию тематически разобранных фрагментов, исходя из понятных причинно-следственных отношений, связывающих части композитных высказываний, коммуникативные задачи и целевая направленность каждой такой тематической подборки устанавливаются с бесспорной ясностью. В качестве примера такого исследования приведем функционально-прагматический анализ и понятийно-риторический синтез агитационной брошюры ЛДПР <161>.

<160> О правах и обязанностях эксперта см. ч. I, п. I.10.4, настоящей Методики.

<161> В приведенных фрагментах сохраняются графические особенности оформления текста брошюры.

Пример 7. Для экспертного исследования содержания брошюры были выделены все фрагменты, тематически соотносящиеся с вопросами, поставленными перед экспертами. Эти фрагменты содержат понятийно-семантические признаки конфликтогенности по следующим параметрам:

- признаки оценочных характеристик людей;
- признаки пропаганды превосходства или неполноценности граждан по признаку принадлежности к расе, национальности, религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;
- признаки обоснования необходимости или оправдания совершения противоправных насильственных действий в отношении представителей указанных групп;
- признаки угроз и призывов к таким действиям;
- признаки обоснования, а равно признаки оправдания правомерности ненавистнического, враждебного, нетерпимого, неприязненного отношения к отдельной личности или всей группе, выделяемой по расовому, национальному, религиозному или социальному признаку.

1. Анализ фрагментов текста, в которых высказывается оценочная характеристика представителям русской нации.

Фрагмент 1:

"Русские - одна из величайших, талантливейших, ярчайших наций в мировой истории" ("Будьте русскими - добивайтесь невозможного!", с. 3).

Фрагмент 2:

"Те, кто говорят, что нашей стране якобы двадцать лет от роду, - не знают страны, в которой живут. Создать такое огромное государство и содержать его так, чтобы у его граждан не было проблем с нехваткой продуктов, электричества и воды; справляться с последствиями стихийных бедствий, войн и мятежей - это надо уметь, на это нужен фантастический государственный талант, которого у русского народа в избытке" ("Будьте русскими - добивайтесь невозможного!", с. 5).

Фрагмент 3:

"А что уж говорить о такой черте русских, как универсальная одаренность, охватывающая все формы человеческой деятельности. Удивительная и почти уникальная черта даже в Европе, где нет недостатка в талантливых нациях" ("Будьте русскими - добивайтесь невозможного!", с. 5).

Фрагмент 4:

"Мы талантливы в государственном строительстве, военном деле, в естественных и гуманитарных науках, математике, технике, музыке, живописи, литературе, архитектуре, спорте. Наконец, мы подарили миру первого космонавта. Если мы что-то не придумали первыми, то, значит, мы это освоили быстрее и лучше всех" ("Будьте русскими - добивайтесь невозможного!", с. 5 - 6).

Фрагмент 5:

"Любая концепция национальной политики России должна исходить из факта признания существования русской нации как реального исторического и культурного субъекта, осуществлявшего в течение тысячелетия строительство русской государственности и создавшего признанную всем человечеством великую русскую культуру" ("Мы русские, а не "россияне!", с. 13 - 14).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах содержится обобщенная положительная оценка всех представителей русской нации. Приписываемые русским положительные характеристики даются на основании совершаемых ими действий (создание своего государства, умение справляться со стихийными бедствиями, войнами и мятежами). В тексте содержатся утверждения о наличии у русских "одаренности", "таланта", позволивших им достичь больших успехов и создать "великую русскую культуру". В анализируемых фрагментах отсутствует противопоставление людей по признаку национальности, русские называются "одной из" величайших, талантливейших, ярчайших наций в мировой истории. Универсальная одаренность рассматривается как уникальная черта даже для Европы, "где нет недостатка в талантливых нациях". В тексте отсутствуют утверждения о существовании иерархии национальностей, генетическом или биологическом превосходстве или неполноценности одной национальности (русских) по отношению к другим национальностям.

2. Анализ фрагментов текста, в которых высказывается негативное оценочное мнение о деятельности руководства страны.

Фрагмент 6:

"Несмотря на то что сегодня русским очень тяжело и наша власть ничего не делает для того, чтобы облегчить их положение, нам все-таки нельзя забывать, что успех русского народа - это успех мирового масштаба" ("Будьте русскими - добивайтесь невозможного!", с. 3).

Фрагмент 7:

"В результате действий высокопоставленных подонков сегодня у нас в стране сложилось совершенно нетерпимое положение. Народ абсолютного большинства, русский народ, оказался самым униженным, самым бесправным из всех народов" ("Если мы себя не уважаем, то никто нас не будет уважать", с. 10).

Фрагмент 8:

"...В психологии деятелей партии власти - бывших коммунистов и комсомольцев - по-прежнему сохраняются представления о России как о многонациональном государстве, каковым объективно был Советский Союз, где партноменклатура делала все, чтобы разделить его народ на некие "нации", а его территорию на мнимые "республики".

Понятно, что это обращение к мнимой "многонациональности" исключительно удобно для того, чтобы отказать русским в их законных правах на Россию" ("Мы русские, а не "россияне!", с. 11 - 12).

Фрагмент 9:

"Нет никакого мифического "экстремизма" со стороны русских. Есть реальный экстремизм партии власти, разваливающей великую Россию. Есть близорукая национальная политика, приведшая к тому, что значительная часть граждан уже готова согласиться с отделением Кавказа от России с помощью бетонной стены, лишь бы прекратить беспредел выходцев с Кавказа" ("Русский народ требует единого государства", с. 16).

Фрагмент 10:

"Разумные люди понимают, что виноваты не населяющие Кавказ народы, а чиновники, ведущие Россию к расколу. **И ЛДПР призывает, пока еще не поздно, покончить с такой предательской политикой со всей решительностью.** Альтернативой может быть только гражданская война. Война эта будет на радость врагам России" ("Русский народ требует единого государства", с. 18).

Фрагмент 11:

"Ненависть к партии власти никогда еще не была у нашего народа столь сильной, как сегодня. Видя рост протестных настроений, мы можем утверждать, что страна стоит на пороге социального взрыва, который может принять неконтролируемые формы и привести к катастрофе нашу страну" ("Русский народ требует единого государства", с. 20 - 21).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах высказывается негативное оценочное мнение о деятельности руководства страны. Представители власти ("наша власть", "деятели партии власти", "высокопоставленные подонки", "чиновники") обвиняются в проведении политики, направленной против интересов русского народа. Осуществляемая в стране национальная политика, по мнению автора, ведет к расколу страны и гражданской войне, что является катастрофой для государства. В тексте отсутствуют высказывания о каких-либо конкретных государственных деятелях. Критика автора содержит негативную оценку проводимой политики, но не содержит унижительных характеристик или оценок конкретных личностей, а также не связана с призывами к противоправным насильственным действиям, а равно не содержит одобрения или оправдания какой-либо противоправной деятельности.

3. Анализ фрагментов текста, в которых высказывается мнение автора о необходимой форме государственного устройства России.

Фрагмент 11:

"СЕГОДНЯ У ВСЕХ НАРОДОВ РОССИИ ЕСТЬ ПРАВА. У ВСЕХ, КРОМЕ ОДНОГО - ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА" ("Если мы себя не уважаем, то никто нас не будет уважать", с. 10).

Фрагмент 12:

"...Россия была, есть, и должна быть государством единой нации, которую составляют русский народ и те народы, что связаны с ним историей и культурой" ("Мы русские, а не "россияне!", с. 12).

Фрагмент 13:

"Продолжается выдавливание русского населения из национально-территориальных образований. В школах автономий русский язык уступает место "языку титульной народности" вне зависимости от того, принадлежат ли к этой титульной народности учащиеся или они являются русскими" ("Русский народ требует единого государства", с. 19).

Фрагмент 14:

"Есть ли у русских вообще своя территория? Увы, партия власти постоянно подчеркивает, что Российская Федерация не является национальным государством русского народа в том смысле, в каком Башкортостан, к примеру, является национальным государством упомянутой в его конституции "башкирской нации". Никто из лидеров РФ никогда не апеллировал к "воле русского народа" так, как апеллирует к "воле чеченского народа" глава Чеченской Республики" ("Русский народ требует единого государства", с. 20).

Фрагмент 15:

"Каков же, на наш взгляд, лучший путь для решения русского вопроса (а его решение сегодня становится условием нашего выживания)?

Это путь конституционной реформы, предусматривающей превращение России в унитарное национальное государство русского народа, уважающего равноправие союзных с ним народов.

Россия должна быть в конституционном порядке признана государством, учрежденным русским народом, самоопределившимся на всей территории России. РУССКИЙ НАРОД ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИЗНАН ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИМ, а прочие населяющие Россию народы - союзными русскому народу и составляющими вместе с ним единую политическую нацию" ("Русский народ требует единого государства", с. 21).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах выражается мнение автора об оптимальной форме государственного устройства для России. В тексте утверждается, что существование у национальных меньшинств своих территориальных образований и отсутствие таковых у русского населения приводит к ущемлению прав русских, в том числе к "выдавливанию" их из национальных регионов. По этой причине предлагается проведение конституционной реформы, которая приведет к образованию унитарного государства вместо федерации. При этом новое государство должно стать национальным государством русского народа, уважающего равноправие союзных с ним народов. Политическую нацию России должны образовать государствообразующий русский народ и союзные народы. В тексте отсутствуют призывы либо обоснование или оправдание необходимости насильственного изменения административно-территориального устройства государства.

4. Анализ фрагментов текста, в которых анализируются причины "антикавказских настроений".

Фрагмент 16:

"Вместо цивилизованных рыночных отношений сформировался дикий, преступный рынок с монопольным господством криминальных, в основном нерусских, группировок" ("Если мы себя не уважаем, то никто нас не будет уважать", с. 9).

Фрагмент 17:

"У Северного Кавказа своя особая специфика. Эта территория всегда была зоной нестабильности. За последние 300 лет чаще всего войны шли на Кавказе, в основном на Северном Кавказе, поскольку там проживает много различных народов" ("Русский народ требует единого государства", с. 17).

Фрагмент 18:

"В реальности "антикавказские" настроения разделяют люди самых разных национальностей, в том числе и многие представители самих кавказских народов, измученные творящимся в этом крае беспределом сепаратистов и бандитов" ("Русский народ требует единого государства", с. 21).

Фрагмент 19:

"Вспомним 2 эпизода, произошедшие в 2010 году: убийства выходцами с Северного Кавказа двух болельщиков футбольного клуба "Спартак" в Москве. В июле погиб Юрий Волков, в декабре - Егор Свиридов.

Оба события вызвали широкий общественный резонанс. 11 декабря 2010 года прошла акция памяти Егора Свиридова - тысячи людей вышли тогда на Манежную площадь Москвы.

Собравшиеся там молодые москвичи были возмущены не столько самим фактом убийства на межэтнической почве (грабежи и убийства происходят во всем мире, и дело тут не в национальности преступников), сколько попустительством правоохранительных органов" ("Правосудие для всех", с. 22).

Фрагмент 20:

"2011 год вновь подтвердил наши худшие опасения. Вот только несколько вопиющих примеров надругательства над русскими. В январе убили Максима Кольцова, в июне - боевого полковника - патриота Юрия Буданова, в августе погибли от насильственных действий со стороны представителей "дружественных" народов Иван Агафонов (в Москве) и Даша Максимова (в Казани). И это лишь самые громкие процессы. А еще стали достоянием гласности случаи насильственного захвата русских людей и обращения их в рабство, где многие из них провели не один год(!) в нечеловеческих условиях! Вот конкретный пример - Андрей Попов пробыл в рабстве на территории Дагестана 11 лет.

ЛДПР ЗАЯВЛЯЕТ: НУЖНО ПРЕСЕЧЬ НА КОРНЮ ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНД И ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РФ!" ("Правосудие для всех", с. 27).

Фрагмент 21:

"Россия и без мигрантов - многонациональная страна. На нашей земле живут малые народы, не имеющие собственной государственности. У них, как и у нас, нет другой родины, кроме России. Они, разумеется, нуждаются как в защите своей культурной самобытности, так и в интеграции в русское общество.

Но эта задача, увы, до сих пор никак не решается.

И малые народы России все более отдаляются от общерусской культуры и русского общества в целом.

Более того, мы наблюдаем вспышки сепаратизма" ("Мигранты", с. 44).

Фрагмент 22:

"Нам очень необходима репатриация нелегальных мигрантов, по возможности мирная и согласованная с правительствами их стран" ("Мигранты", с. 46).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах автор анализирует причины "антикавказских настроений" и объясняет их наличием преступных этнических группировок, а также криминальными конфликтами с участием выходцев с Кавказа и представителями русской национальности. Северный Кавказ в тексте называется "зоной нестабильности" ввиду продолжительного периода войны в этом регионе. В анализируемом материале отсутствуют высказывания, в которых дается обобщенная негативная характеристика всем представителям какой-либо национальности. Объектом авторских оценок являются "криминальные нерусские группировки", "сепаратисты и бандиты" и в качестве фактической основы выражаемого мнения используются ссылки на противоправные действия конкретных лиц (убийства болельщиков, похищение человека). Высказывания автора направлены также на привлечение внимания к недостаткам работы правоохранительных органов, обязанных обеспечивать неотвратимость юридической ответственности участников криминальных конфликтов на межэтнической почве. В исследуемом материале автор высказывается за жесткое противодействие нелегальной миграции, так как она является катализатором социальной напряженности. В

качестве вывода автор указывает на необходимость репатриации нелегальных мигрантов. Призывы к совершению противоправных насильственных действий, а равно обоснование или оправдание необходимости таких действий в отношении лиц какой-либо национальности, религиозной принадлежности в тексте отсутствуют.

Общие выводы исследования.

Брошюра "ЛДПР. Русские. Пора делать выбор!" представляет собой агитационный материал Либерально-демократической партии России, в котором содержится общий анализ социально-экономической, национальной, миграционной политики страны в аспекте защиты прав русского населения. Основная цель брошюры - пропаганда предлагаемой ЛДПР политики, направленной на улучшение социально-экономического положения русского народа. Возможная конфликтность представленного на исследование материала может быть обусловлена конфликтностью темы, обсуждаемой в ходе пропагандистской кампании, - межнациональных отношений в многонациональном государстве. Выражение авторского мнения об оптимальной форме государственного устройства, о формах самоопределения национальных меньшинств, о закреплении государствообразующего статуса русского народа, соединенное с критикой действующей власти, направлено на защиту лишь одной национальной группы - русских. Однако в тексте не содержится противопоставление интересов других проживающих в России национальностей, обоснование или оправдание необходимости ненавистного или враждебного отношения их друг к другу. Содержащиеся в материале отрицательные оценки и характеристики связаны с преступными действиями представителей различных этнических групп. Преимущественное описание преступных действий, направленных против русского населения, обусловлено авторской позицией о необходимости защиты интересов наибольшего по численности этноса русских. В материалах отсутствуют высказывания, пропагандирующие превосходство либо неполноценность человека по признаку национальности, убеждающие в существовании иерархии и обосновывающие неравноправие между представителями таких групп. В тексте не содержится унижительных и оскорбительных характеристик представителей национальных, расовых или религиозных групп, отсутствует также поощрение вражды или насилия между такими группами.

То обстоятельство, что эксперт не привел в качестве обоснования своих выводов полный анализ текста, включающий лексико-грамматическую, понятийно-семантическую и функционально-коммуникативную характеристику фрагментов, не означает, что такого исследования не проводилось. Поскольку текст брошюры написан простым, понятным языком, хорошо структурирован и не содержит трудных для понимания мест, эксперт счел возможным не включать в текст заключения результаты вспомогательных этапов, которые были им получены при аналитическом чтении. Результаты синтетического чтения - исчерпывающая выборка потенциально конфликтных фрагментов и тематическая рубрикация фрагментов - приведены в основной части исследования. Приводится также и подробная характеристика понятийно-риторических связей высказываний. Предварительные выводы по каждой тематической рубрике однозначны и могут быть сличены с конкретным содержанием выделенных фрагментов. В целом текст приведенного заключения соответствует формату консультации специалиста без производства исследования.

III.4.5. Особенности анализа конфликтогенных материалов, не содержащих признаков противоправной речевой деятельности. Основной причиной, по которой тот или иной информационный материал попадает в сферу внимания правоохранительных органов и впоследствии становится объектом исследования, является наличие в его содержании конфликтогенных элементов. Это могут быть негативное мнение о каком-либо аспекте политической, экономической, профессиональной или иной социально значимой деятельности человека (или группы людей), негативное суждение о функциональных и личных качествах человека, занимающегося общественно значимой деятельностью, обвинение властей в создании и намеренном поддержании возникающих проблемных, конфликтных, кризисных ситуаций и т.п. Поскольку такая негативная информация распространяется среди неограниченного круга лиц, то у представителей тех групп людей, которые подвергаются публичной критике, неизбежен психологический дискомфорт. Обращение указанных лиц к юридическим механизмам защиты себя и своей группы следует считать нормальной человеческой реакцией на "информационный раздражитель". В то же время правоприменительные органы и эксперты, дающие содержательную оценку распространяемой информации, должны руководствоваться только установленными в законе критериями противоправности речевого поведения.

В тех случаях, когда по результатам исследования эксперты приходят к выводу об отсутствии в материалах коммуникативных признаков экстремистской речевой деятельности, но в содержании материала обнаруживаются конфликтогенные высказывания, целесообразно провести их исследование и указать причины, по которым они не могут юридически квалифицироваться как проявления запрещенной речевой деятельности. Соответствующие мотивировки делают экспертные выводы обоснованными и объективными, а также не позволяют оценивать конфликтогенную информацию как "безобидную" или "нейтральную" и не дающую никаких оснований для проверки.

Характеристика наиболее распространенного случая выражения конфликтогенного мнения, не являющегося противоправным, содержится в Постановлении Пленума ВС РФ: "Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды". Речевой оборот "сама по себе не должна рассматриваться" означает, что указанная критика все-таки может быть юридически квалифицирована как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды, но лишь при определенных условиях, а именно при наличии установленной посредством анализа текста целевой направленности на обоснование необходимости ненавистного или враждебного отношения к людям либо побуждения к действиям против них.

Если критические высказывания содержатся в анализируемом материале, но используются для реализации иных целевых установок, об этом следует указать в общих выводах исследования. В таком случае ответы на вопросы о наличии в тексте признаков экстремистской речевой деятельности должны быть категорически отрицательными. Рассмотрим два примера из проведенных исследований (см. примеры 8, 9).

Пример 8. Анализ стенограммы религиозной проповеди.

Фрагмент 1:

"А в одном только индуизме миллионы богов. Сейчас записал просто некоторые... (слово неразборчиво), что есть буддисты, иудеи, даосисты, католики, конфуционисты, мусульмане, протестанты, синтоисты. Если говорить об Африке и Азии, то там, например, силам природы воздают почтение, животным, растениям, вот, каким-то предметам. Или, например, сотни миллионов людей поклоняются изображениям. И так можно продолжать бесконечно. Но возникает вопрос: есть ли живое существо или живой Бог, который достоин поклонения?"

Фрагмент 2:

"Получается, можно такой сделать определенный вывод, важный вывод: чтобы Богом был истинный Бог, нужны знания, чем больше, тем лучше. А чтобы поклоняться ложным богам, или, как тут написано, "демонам", то знания не нужны, особо ничего не требуется. Нужно просто что-либо делать, и уже это опасно. Но скажите, пожалуйста, вас пугает неизвестность? Вызывает беспокойство? Ну, какая-либо неизвестность? Интересно, что неизвестность представляет опасность. <...> Но где неизвестность, скажите, пожалуйста, может ли там ну какая-то быть вероятность, что там может быть определенная ложь? Ну, если это неизвестность, мы не знаем. Может. А формы поклонения, основанные на лжи, - это ложные религии. Итак, согласно этим двум стихам, мы можем увидеть, что люди поклоняются всего лишь двум богам. Вот всех людей можно разделить на две категории: истинному Богу-Иегове, к которому, чтобы приблизиться, поклоняться, нужны обязательно знания. И Сатане и демонам. Форма поклонения, которым знания особо не нужны. Мы можем как это понять, что многие демоны, многие боги, вот, например, если говорить об индусах, то они признают 330 миллионов божеств. Писание синтоизма упоминает где-то 8 миллионов богов. Так все запутано. Сколько же демонов, непонятно, да? Но как понять, что действительно, хотя много демонов, но все равно две стороны: либо служим Богу истинному, либо демону".

Фрагмент 3:

"Так и много различных религий, различных мнений, и все равно они все занимают сторону Сатаны-дьявола. Поэтому, если ты думаешь, какому Богу ты поклоняешься, понимаешь, что либо настоящему Богу, либо Сатане, больше никому".

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах автор обосновывает актуальность вопроса о выборе Бога, достойного поклонения, тем, что люди поклоняются многим богам. Для этого приводятся в пример различные религиозные учения и культы. При этом для поклонения истинному Богу, как следует из текста, необходимы знания. Поэтому с отсутствием знаний связывается понятие "ложные Боги", т.е. "демоны". Из указанных посылок в тексте делается вывод о том, что все люди делятся на две категории: 1) поклоняющиеся истинному Богу-Иегове; 2) поклоняющиеся Сатане и демонам.

Фрагмент 4:

"Получается, чтобы поклоняться истинному Богу, нужны знания. То есть, например, Библия рассказывает, какое его имя, какое у него тело, где он живет, например, что он живет на небе, что у него духовное тело. Иегова является, согласно Библии, настоящим Богом, всемогущим Создателем, Творцом. Вот тот, кто действительно достоин поклонения" (с. 2).

Фрагмент 5:

"Итак, нам нужно действительно установить, кому мы поклоняемся. Мы постарались, согласно Библии, увидеть, кто является настоящим Богом. Но теперь нужно посмотреть, кто твой Бог. Можем даже постараться взять какие-то некоторые общепринятые религиозные обычаи и представления, но в свете Библии их посмотрим. Итак, Библия помогает установить, кому мы поклоняемся, например, по обычаям. Поклонения изображению. Как вы думаете, можно поклоняться Богу при помощи изображения? <...> любые предметы, которые могли быть созданы для того, чтобы использоваться в поклонении какому-то из божеств, или даже Богу истины, или эти предметы обожествлялись, - это неправильно. Все другое мы можем рисовать, но то, что связано с обожествлением, вот, например, икона. Она просто так для красоты сделана или она создана специально для поклонения?" (с. 3).

Фрагмент 6:

"Вот, например, в одном из крупных городов России был ход верующих, и там везли икону, ну какой-то Богоматери. Их много: Владимирская, Казанская и т.д., запутаться можно. И вы знаете, что люди шли, шли, шли. Они говорят, что в принципе мы поклоняемся Богу, но икона помогает, нам так проще. Но когда везли эту икону, они к кому пришли? К Богу или к этой иконе? Или еще интересно, что были охранники, еще некоторые с оружием охраняли эту икону. Разве она не может, если это святое что-то, сама себя защитить? Или бывает так, что кто-то вешает ну такие священные, ну святые предметы для них, вот, отворачивается... (неразборчиво), а она падает. Повесили, уходят, она бац, опять падает. Можно ли, например, эти предметы повесить лицом кверху, а можно перевернуть вверх ногами и повесить и уйти? Да, конечно, можно. Но является ли это Богом?" (с. 4).

Фрагмент 7:

"Или такая, например, особенность: межконфессиональные действия или межконфессионалисты. То есть ну это мнение, оно основано на том, что все религии хороши. Свидетели Иеговы хороши там, протестанты, католики - все они хороши. Но давайте подумаем, дорогие друзья: например, некоторые из них верят в переселение души, что душа летает, например планирует. Согласно Библии, веришь ли ты этому? Или, например, "под новым небом" и "новой землей" они понимают это в буквальном смысле. <...> Или, например, что есть такие верующие христиане, которые считают, что все после смерти идут в Царство Бога. Возникает другой вопрос: для чего тогда существует человек как существо, человек для земли, если все потом будут духами? Но самое главное, может быть, не эти особенности, а самое главное, может быть, кто-то считает, что много сходств, особенности, отличия - это кто для них является Богом. Это самое важное. И поверьте, что если их исследовать, хотя бы чего-то коснуться, Бог у всех разный практически или что-то похоже, но это не совпадает с тем Богом, о котором мы читаем в Библии" (с. 4).

Фрагмент 8:

"Вот сегодня многие называют себя христианами, но во многие магазины заходишь, и что мы там видим? Домовых. Видим, можно все-таки при помощи Библии проверять, кто является настоящим Богом"

(с. 4 - 5).

Фрагмент 9:

"Но если говорить вообще о людях, которые нас окружают, мы посмотрели, что можем при помощи Библии разоблачать определенные обряды и обычаи" (с. 5).

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах содержится авторское толкование положений Библии, направленное на критику обрядов, обычаев представителей других вероучений, прежде всего христианских. В частности, не соответствующим библейским предписаниям признается использование в практике богослужения икон. Кроме того, автор высказывает негативное отношение к "межконфессионализму", который понимается им как признание сосуществования различных представлений о Боге в разных религиозных учениях. Как следует из текста, единственным критерием проверки истинности тех или иных религиозных догматов является соответствие их положениям Библии.

Фрагмент 10:

"Итак, как мы можем доказать свое желание, чтобы нашим Богом был Иегова, а не Сатана? Есть такие определенные возможности, как мы можем это делать. Во-первых, немедленно следовать призыву отделиться от любого ложного поклонения или учения. Во-вторых, твердо решиться постоянно узнавать об Иегове все больше и больше. Делать правду и любить своих братьев и не быть похожими на Сатану, который выискивает недостатки. Не быть частью мира, избегая таким образом поклонения Сатане, что, может быть, хотя бы чуть-чуть попробовать, что это значит, чтобы не упустить. Итак, кто твой Бог? Почему этот вопрос так важен? Потому что сегодня люди поклоняются многим богам. А вечная радость ожидает того, чей Бог - Иегова" (с. 7).

Выводы по фрагменту.

В заключительном фрагменте содержатся высказывания, задача которых состоит в том, чтобы убедить слушателей в необходимости восприятия предлагаемых автором представлений о Боге и отказа от других представлений, называемых "ложными поклонениями и учениями". Автор также убеждает в необходимости получения знаний об Иегове, позволяющих из множества богов, которым поклоняются люди, выбрать истинного Бога.

Общие выводы исследования.

Представленный на исследование текст можно лингвистически квалифицировать как речевое действие с признаками убеждающего воздействия. Целевая установка автора - пропаганда основ своего вероучения и агитация к привлечению новых приверженцев вероучения. Для реализации данной установки в тексте решаются следующие коммуникативные задачи:

- 1) обоснование необходимости решения вопроса о том, кто является Богом для каждого отдельного человека;
- 2) убеждение слушателей в том, что положениям Библии соответствует поклонение именно Богу-Иегове;
- 3) убеждение слушателей в необходимости получения знаний об Иегове с целью отказа от иных вероучений;
- 4) негативная оценка представлений о Боге в иных вероучениях и критика существующих в них форм поклонения.

Конфликтогенность представленного на исследование текста может быть обусловлена тем, что его содержание направлено не только на разъяснение основ своего вероучения, но и на критику других вероучений с целью распространения своей веры, привлечения к своей вере новых адептов. По этой причине в тексте содержатся высказывания о разделении всех людей на тех, которые поклоняются

истинному Богу-Иегове, и на тех, которые поклоняются Сатане и демонам. В тексте содержится авторское толкование положений Библии, направленное на критику обрядов, обычаев представителей других вероучений, прежде всего христианских.

Эти рассуждения, взятые сами по себе, не содержат признаков, характеризующих экстремистскую речевую деятельность. Вместе с тем они могут использоваться и в других риторических конструкциях, задачей которых будет обоснование необходимости враждебного и ненавистного отношения к тем или иным религиозным группам либо пропаганда превосходства или неполноценности людей по признаку религиозной принадлежности (с целевой направленностью на побуждение к насильственным действиям в отношении представителей таких групп). Однако в анализируемом тексте соответствующие высказывания используются исключительно в риторических конструкциях с целевой установкой на пропаганду основ своего вероучения и агитацию адептов к поклонению Богу-Иегове и отказу от иных вероучений.

В представленном на исследование тексте отсутствуют высказывания, убеждающие в существовании иерархий качественных различий личности у представителей различных религиозных групп. В тексте не содержится оценок качественных различий между людьми, которые были бы связаны с противопоставлением представителей сравниваемых групп по признаку "высший (лучший) - низший (худший)". В тексте отсутствуют характеристики, которые выделяли бы личные качества представителей одной религиозной группы как лучшие (превосходящие других), а личные качества других - как худшие (неполноценные). Исследуемый текст не направлен на убеждение в существовании особых черт, признаков личности, способностей у представителей какой-либо религиозной группы по сравнению с представителями другой религиозной группы либо в наличии качественных различий между представителями различных религиозных групп, отличающих их в лучшую (превосходство) или худшую (неполноценность) сторону по сравнению с представителями других конфессий.

В представленном на исследование тексте отсутствуют призывы к осуществлению каких-либо агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью.

Пример 9. Анализ стенограммы выступления на митинге.

Фрагмент 1:

"Меня вот в свое время учили, что кто не работает, тот не ест. Кто не производит товаров, кто не производит продовольствия, кто вообще ничего не производит. Спрашивается, каким же образом эти замечательные люди так хорошо питаются? Может быть, Кавказ действительно что-то делает полезное для нас? Друзья, я хочу спросить вас всех, когда последний раз вы в магазине покупали дешевые и качественные чеченские товары? Кто последний раз покупал продукцию чеченского производства? Есть такие? Нету? Не слышу? Так, значит, не было? Нет, значит, продукции чеченского производства? Я, честно говоря, не видел в магазинах и ингушских товаров. Вы знаете, и с дагестанскими телевизорами почему-то какая-то вот непоставка - их нет! Я не вижу точно так же адыгейской электроники, и много чего я еще не вижу. У меня есть такое подозрение, друзья мои, что они не производят там ничего".

Фрагмент 2:

"Они ничего не производят, они не оказывают нам никаких услуг, наконец, нас там просто нет. Возникает вопрос: а хорошо ли кушают кавказцы? А вы знаете, по-моему, они отлично кушают! У них еще остаются деньги на "порше кайены", на "мерседесы", на "мазерати" и на прочую замечательную бытовую технику. И как же это объяснить? Тайна какая-то. Получается, кто не работает, тот ест! А тот, кто работает, то есть мы, почему-то, наоборот, должны отдавать наработанное тем, кто хочет так хорошо кушать".

Фрагмент 3:

"Все-таки Кавказ одну вещь производит. Кавказ производит кавказцев. По-моему, это единственное, что у них действительно хорошо получается. Вот руками что они делают, оно все какое-то плохое. А вот кавказцев они делают хорошо. Так вот, и куда же девается этот единственный товар, который производится на Кавказе? Вы знаете, они почему-то едут сюда. Что они здесь делают? Только что Владимир Тор исчерпывающе ответил на это: они убивают русских. Они это делают постоянно. Более того, когда они это

делают и их иногда все-таки ловят, другие их соплеменники отмазывают их от законного наказания".

Фрагмент 4:

"Возникает вопрос: может быть, на Кавказе перепроизводство кавказцев и недопроизводство всего остального? Так вот, пора кончать с этой странной экономической моделью. Нам не нужно то, что производит Кавказ. Нам нужно, чтобы эти люди жили у себя и, наконец, вспомнили бы, что такое работать руками и кормить себя. Черт возьми, хватит кормить Кавказ! Хватит..."

Выводы по фрагментам.

В приведенных фрагментах оратор обосновывает исходное оценочное мнение о несправедливости сложившейся системы распределения бюджетных средств двумя аргументами.

Во-первых, нарушением принципа соразмерности между трудом и вознаграждением - отсутствием товаров и услуг, производимых на Кавказе, одновременно с высоким уровнем жизни в регионе ("получается, кто не работает, тот ест! А тот, кто работает, то есть мы, почему-то, наоборот, должны отдавать наработанное тем, кто хочет так хорошо кушать").

Во-вторых, увеличением количества населения на Кавказе ("все-таки Кавказ одну вещь производит. Кавказ производит кавказцев. По-моему, это единственное, что у них действительно хорошо получается. Вот руками что они делают, оно все какое-то плохое. А вот кавказцев они делают хорошо"), которое впоследствии переезжает в Центральную Россию. При этом, со ссылкой на слова Владимира Тора, оратор утверждает, что приезжие с Кавказа убивают русских и делают это постоянно. В заключение автор формулирует вывод о необходимости прекращения излишнего финансирования республик Кавказа с одновременным привлечением его жителей к производительному труду на территории их региона ("может быть, на Кавказе перепроизводство кавказцев и недопроизводство всего остального? Так вот, пора кончать с этой странной экономической моделью. Нам не нужно то, что производит Кавказ. Нам нужно, чтобы эти люди жили у себя и, наконец, вспомнили бы, что такое работать руками и кормить себя. Черт возьми, хватит кормить Кавказ! Хватит...").

Фрагмент 5

"А теперь еще один вопрос: если кто-то кого-то кормит, это откуда-то берется? Откуда берутся деньги, которые идут на Кавказ? Я вам скажу: их взяли у нас. У нас! У нас их взяли, их взяли из русских регионов. Это деньги, которые не пошли Псковщине, Новгородчине, Центральной России, которая разорена и в которую не вкладывают ни копейки. Хватит грабить русские регионы, черт возьми, хватит! А теперь последний вопрос: а кто все это делает? Кто берет из одного кармана, из русского, и кладет в другой, в чеченский? Я напомню, что у нас, черт возьми, современная страна, в которой такие решения принимает, как известно, парламент. Вы знаете, у нас есть парламент, Дума называется. И вот эта самая Дума почему-то штемпелюет такого рода решения. А почему? Это же народные избранники, как же это народные избранники грабят собственный народ? Я вам скажу, что в Думе сидит партия, знаете, как она называется? Жуликов и воров! Партия жуликов и воров - это те, кто берет у русских, а дальше садится за один стол с кавказцами и делит эти деньги. Какие-то деньги идут на Кавказ, а какие-то в карманчики этой самой партии, ее замечательным представителям. Так вот, главное сейчас - это долой власть жуликов и воров! Долой власть жуликов и воров! Долой жуликов и воров! Жулики и воры, которые сейчас сидят на шее русского народа и уже, кажется, разъелись до того, что наша шея переломится. Давайте скинем их, пока не переломилась наша шея, а то они уже весят столько, что мы не можем тащить этот груз на себе. Хватит платить дань! Хватит платить дань!".

Выводы по фрагменту.

В приведенном фрагменте автор высказывает мнение о том, что существующая система распределения федеральных ресурсов ущемляет интересы "русских регионов". В частности, деньги, направляемые на Кавказ, должны направляться в Центральную Россию, "которая разорена и в которую не вкладывают ни копейки". В качестве причины такого распределения средств автор называет решения, принимаемые правящей партией ("партией жуликов и воров"), которая, исходя из собственных корыстных интересов, действует в ущерб интересам русского населения. В заключение автор формулирует вывод о

необходимости смены самой многочисленной партийной фракции в Государственной Думе, ответственной, по мнению К.А. Крылова, за "антирусскую" бюджетную политику.

Коммуникативными задачами исследуемого текста являются: выражение авторского мнения о несправедливости распределения федеральных ресурсов в пользу Северного Кавказа, обоснование несоответствия между финансовым положением жителей этого региона и их реальным вкладом в экономику страны, выражение негативной оценки выходцев с Кавказа в связи с совершаемыми ими убийствами русских, а также критическая оценка результатов деятельности "партии жуликов и воров".

Целевая установка выступления на митинге: агитация за прекращение безвозмездного бюджетного финансирования Северного Кавказа и за смену самой многочисленной партийной фракции в Государственной Думе.

Общие выводы исследования.

Представленный на исследование текст выступления К.А. Крылова на митинге на Болотной площади в Москве 22 октября 2011 г. можно квалифицировать как речевое действие с признаками убеждающего воздействия. Анализ коммуникативно-риторической структуры высказываний оратора позволяет выделить убеждающее композитное высказывание, включающее:

1) исходное мнение в виде оценочного суждения оратора - действующая система распределения финансовых ресурсов несправедлива;

2) обосновывающие доводы:

- несоответствие между финансовым положением жителей Северного Кавказа и их реальным вкладом в экономику страны;

- преступная деятельность жителей Северного Кавказа, которые, приезжая в Центральную Россию, совершают убийства русских и остаются безнаказанными;

3) выводное заключение - агитация за прекращение бюджетного финансирования Северного Кавказа.

Конфликтогенность представленного на исследование текста выступления на митинге обусловлена тем, что в качестве одного из обосновывающих доводов используется высказывание, в котором одна группа лиц, объединенных по признаку национальности и происхождения (выходцы с Кавказа - чеченцы, ингуши и др.), обвиняются в совершении действий, направленных против представителей другой группы (жителей Центральной России - русских).

Хотя такое высказывание само по себе не содержит признаков, характеризующих экстремистскую речевую деятельность, но в принципе может использоваться и в таких риторических конструкциях, задачей которых будет обоснование необходимости враждебного и ненавистного отношения к тем или иным расовым, национальным, религиозным или социальным группам (с целевой направленностью на побуждение к насильственным действиям в отношении представителей таких групп). Однако в анализируемом тексте соответствующее высказывание используется для реализации иной целевой установки - агитации за прекращение бюджетного финансирования Северного Кавказа в таком объеме, который позволяет тратить государственные "деньги на "порше кайены", на "мерседесы", на "мазерати" и на прочую замечательную бытовую технику".

Отрицательная оценка деятельности основной парламентской партии как виновника сложившейся системы распределения федеральных ресурсов является, по мнению К.А. Крылова, основанием для агитации за смену власти в Государственной Думе. При этом в тексте отсутствуют призывы либо обоснование или оправдание необходимости совершения насильственных действий, направленных на захват власти, на причинение вреда представителям власти, или других противоправных действий.

Наконец, конфликтогенность исследуемого материала объясняется конфликтностью темы, предложенной для обсуждения участником митинга. Обсуждение проблемы оптимального распределения общегосударственных ресурсов в адрес региональных бюджетов с неизбежностью порождает конфликт

интересов жителей различных регионов страны. Кроме того, изложение авторской позиции по вопросам экономического и политического характера в контексте защиты интересов лишь одной из этнических групп, проживающих в стране (в данном случае русских), обуславливает пристрастную оценку фактического положения дел и является проявлением идеологии национализма <162>.

<162> По данным СМИ, К.А. Крылов приговором Замоскворецкого районного суда г. Москвы был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного [ч. 1 ст. 282 УК РФ](#), и ему назначено наказание в виде 120 часов обязательных работ (http://rapsinews.ru/moscourts_news/20130128/266209496.html).

Раздел IV. ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ И СТРУКТУРА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Текст экспертизы должен быть составлен и структурирован так, чтобы исключить возможность "игры словами", двоякого толкования, рассуждений с произвольными выводами. В структуре текста заключения должно отразиться содержание всего списочного состава материалов, представленных для исследования. Если поступило несколько работ (книг, брошюр, буклетов, листовок), то содержание каждой из них должно характеризоваться самостоятельно. Раздельное изучение и оценка каждого такого издания должны сопровождаться и конкретными выводами по каждой из представленных работ. Это даст дополнительную гарантию от общих выводов, позволяющих запретить информационные материалы обезличенным списком на том лишь основании, что в одном из них были выявлены речевые признаки экстремистских действий. Тот же подход к экспертированию текста следует применять и в отношении многотомных изданий - анализировать и делать выводы необходимо по каждому тому отдельно.

IV.1. Порядок оформления исследования.

Заключение эксперта должно формально и содержательно отвечать требованиям, предъявляемым к официальным документам, имеющим установленный порядок регистрации, проведения, оформления и утверждения. Экспертное заключение готовится в письменной форме на основании результатов исследований, проведенных квалифицированными специалистами. Текст исследования должен состоять из нескольких частей, в которых закрепляются формальные и описываются содержательные стороны представленных информационных материалов:

1) внешняя характеристика представленных на исследование объектов, описание формальных идентифицирующих признаков информационных материалов, включая их материальные носители (бумажные, цифровые, электронные);

2) перечень вопросов, поставленных перед исследователями;

3) дефиниции понятийного аппарата <163>, характеристика методических приемов исследования, критериев сбора и интерпретации данных;

<163> Определенность содержания употребляемых терминов позволяет контролировать правильность их использования, добиваться ясности формулировок доказываемого тезиса и не допускать его подмены в ходе исследования.

4) общая характеристика содержания информационных материалов;

5) упорядоченный исчерпывающий перечень высказываний с указанием решаемых с их помощью коммуникативных задач, согласующихся с целевой направленностью;

6) основные результаты исследования, представляющие собой ясные, непротиворечивые выводы из содержания представленных материалов;

7) ответы на поставленные перед исследователем вопросы, кратко и точно резюмирующие основные результаты исследования и позволяющие представителям правосудия дать ясную правовую оценку и принять мотивированное решение.

Нарушение требований к порядку экспертного исследования может и, безусловно, должно вызывать наступление предусмотренной законом ответственности, признание такой экспертизы как не имеющей доказательственной силы, а также отмену вынесенных судебных решений.

IV.2. Вводная часть экспертного заключения.

Эта часть должна содержать общие сведения об основаниях производства исследования. Здесь фиксируются сведения, идентифицирующие документ и придающие ему официальное юридическое значение. Для этого указываются:

- 1) сведения об экспертном учреждении (официальный бланк учреждения);
- 2) наименование рода и вида экспертизы (дополнительная, повторная, комплексная, комиссионная);
- 3) номер экспертного заключения;
- 4) даты начала и окончания проведения экспертного исследования (заключения);
- 5) основания для проведения экспертизы, указание правомочного органа или лица, назначившего экспертизу;
- 6) дата поступления объектов на экспертизу;
- 7) сведения о лице, поручившем проведение исследований конкретному эксперту (комиссии экспертов);
- 8) отметка о разъяснении эксперту (комиссии экспертов) прав и ответственности, предусмотренных законодательством;
- 9) подпись и расшифровка подписи специалистов, получивших разъяснения о правах и предупреждение об ответственности;
- 10) сведения об экспертах (образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство экспертизы;
- 11) описание упаковки представленных на исследование объектов, ее состояния на момент вскрытия, сведения об имеющихся надписях и реквизитах;
- 12) перечень объектов исследования;
- 13) список вопросов, поставленных перед экспертом (комиссией экспертов), в той формулировке, в которой они содержатся в постановлении о назначении экспертизы. Если же какой-то вопрос сформулирован так, что требует уточнения, то после его дословного воспроизведения эксперт может указать, как именно он понимает экспертное задание (очевидные орфографические, синтаксические или пунктуационные ошибки эксперт исправляет самостоятельно) <164>;

<164> При этом правильнее проводить согласование формулировок вопросов на стадии назначения экспертизы (исследования) вместо их последующей корректировки в тексте заключения эксперта.

14) в том случае, если проводится дополнительная или повторная экспертиза, могут указываться официальные сведения о предшествующих экспертизах.

IV.3. Исследовательская часть экспертного заключения должна содержать следующие сведения:

- 1) результаты осмотра и описание материалов, представляемых на исследование;
- 2) результаты предварительного изучения экспертом объектов исследования:
 - указываются реквизиты книг (название книги, автор, номера ББК, ISBN, название издательства, год издания и др.), компакт-дисков (заводской номер компакт-диска, название фирмы-изготовителя) и т.д.;
- 3) в случае необходимости указываются сведения о:
 - состоянии представленных объектов и их пригодности для производства исследования;
 - достаточности представленных на исследование материалов для ответов на поставленные вопросы;
 - наличии среди представленных материалов других экспертных исследований;
- 4) указание на справочные и вспомогательные источники, потребовавшиеся для проведения исследования;
- 5) толкование используемых в исследовании специальных терминов;
- 6) сведения о примененной методике (методиках) исследования (общепринятые или опубликованные методики указываются со ссылкой на авторов методик, время и место их опубликования; если же методика не стандартизована, то в исследовании подробно описывается ее содержание);
- 7) сведения о примененных автоматизированных программах или программных комплексах (с указанием авторов либо учреждения, их разработавших, места и времени создания);
- 8) последовательность изучения отдельных объектов экспертизы и применения исследовательских процедур;
- 9) описание способов и приемов выявления, анализа и оценки признаков, позволяющих дать ответы на поставленные перед исследователем вопросы;
- 10) цели и условия экспериментальных действий, если таковые выполнялись в процессе экспертного исследования, а также результаты проведенных экспериментов;
- 11) результаты исследований, полученных в ходе производства первичной экспертизы, если проводимая экспертиза является дополнительной или повторной.

IV.4. Синтезирующая часть экспертного исследования.

Синтезирующая часть исследования создается в том случае, если производилась комплексная экспертиза. Она содержит сопоставление результатов исследований, проведенных специалистами разных областей знаний. Обобщение отдельно полученной информации производится в целях формулирования общих выводов. При этом в тексте заключения должно быть отражено, на какие вопросы дали ответы привлеченные специалисты и какие информационные факты они установили. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает текст заключения, содержащий описание проведенных им исследований, и несет ответственность за сделанные в нем выводы.

Правила обоснования предварительных выводов по фрагментам текста. Каждое утверждение аналитика должно сопровождаться фрагментами текста, содержание которых подтверждает его выводы. Например:

1) [Информационные факты, содержащиеся в выбранных фрагментах:] Приводятся фрагменты текста, собранные аналитиком по тематическому принципу.

[Исходное утверждение аналитика:] В приведенных высказываниях автор обосновывает мысль о непримиримой вражде и ненависти, которую идопоклонники, христиане и иудеи испытывают к исламу и

всем мусульманам. Эта ненависть, присущая им изначально, с момента зарождения ислама, сохранилась, по утверждению автора, до сих пор в неизменном виде.

[Предварительный вывод аналитика:] В приведенных фрагментах книги автор дает негативные характеристики христианам и утверждает об изначально враждебности всех христиан и иудеев к исламу и мусульманам.

2) [Исходное утверждение аналитика:] В представленных ниже фрагментах содержатся высказывания, побуждающие к действиям, направленным на разрушение зданий, в которых функционируют органы государственной власти, а также на разрушение и уничтожение объектов собственности граждан и организаций.

[Обоснование утверждения информационными фактами:] Ср.: ...(приводятся фрагменты текста, иллюстрирующие утверждения аналитика).

[Утверждение аналитика:] В тексте также содержатся призывы к противодействию мерам, принимаемым правоохранительными органами для наведения общественного порядка, к совершению поджогов, нарушению уличного освещения, способствующих созданию обстановки хаоса и нагнетанию неразберихи и паники.

[Обоснование утверждения информационными фактами:] Ср.: ...(приводятся фрагменты текста, иллюстрирующие утверждения аналитика).

3) [Исходное констатирующее суждение аналитика:] Иллюстрации, размещенные в разделе "Фотографии" администраторами группы с никами Князь Огняр, Белый Волк, Светослав Орьевиц, характеризуются общей понятийно-риторической направленностью.

[Обоснование утверждения:] Ср.: ...(приводятся иллюстрации текста, подтверждающие суждение аналитика).

[Исходное утверждение аналитика:] На фотографиях и постерах запечатлены сцены скотоложства, педерастии с участием обобщенных персонажей с характерными признаками религиозной и национальной принадлежности. Тематика и комментарии к подборке информационных материалов выражают нетерпимое, неприязненное отношение авторов подборки ко всем людям, выделяемым по расовому, национальному, религиозному признаку, по признаку происхождения или по гомосексуальному признаку.

[Вывод аналитика:] В содержании подборок фотографий и постеров, размещенных в разделах указанных интерактивных групп, выявляются понятийно-риторические признаки выражения чувства неприязни автора подборки по отношению к социальным группам, выделяемым по признаку вероисповедания, происхождения, по национальному и гомосексуальному признаку.

Общий вывод делают эксперты, компетентные в понятийно-риторическом синтезе единиц композитного высказывания. Если основанием общего вывода являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть специально указано в заключении. В случае возникновения между экспертами разногласий по поводу результатов исследований каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, дает отдельное заключение (ст. 22, 23 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности").

Если при производстве повторной экспертизы будут сделаны выводы, которые не совпадают с выводами первичного исследования, то обоснование причин и характера расхождений необходимо подробно изложить в специальном разделе синтезирующей части исследования.

IV.5. Заключительная часть экспертного исследования. Выводы.

Завершающая часть экспертного заключения содержит выводы по результатам проведенных исследований. Заключение эксперта должно представлять собой целостный, логически заверченный, внутренне непротиворечивый документ. Не допускается наличие несоответствий между методической частью, содержанием основного исследования и выводами.

Последовательность изложения выводов должна соответствовать порядку вопросов, поставленных перед исследователями. Представляется правильным в заключительной части повторное изложение поставленных перед экспертом вопросов. В таком случае каждому сформулированному выводу будет предшествовать соответствующий ему вопрос. Такой порядок избавит от необходимости обращения каждый раз к вводной части заключения при ознакомлении с результатами исследования.

Количество ответов обязательно должно соответствовать количеству поставленных вопросов. В противном случае результаты экспертизы могут быть оценены как неполные, что служит основанием для проведения дополнительной экспертизы. В том случае, если эксперт (комиссия экспертов), наряду с разрешением части экспертных задач, придет к выводу о невозможности разрешения какого-либо из поставленных перед ним вопросов (или нескольких вопросов) по существу, специалист должен указать в заключительной части, на какие конкретно вопросы ответить не представилось возможным, с перечислением мотивов принятого решения (например, разрешение вопроса не входит в компетенцию эксперта).

Содержание экспертного заключения должно быть определенным и пониматься совершенно однозначно, а сформулированные экспертом выводы должны быть четкими, ясными и понятными для лиц, не имеющих специальных знаний. Выводы эксперта могут быть:

- категорическими (положительными или отрицательными);
- вероятностными;
- содержать указание о невозможности решения вопроса.

В основу принимаемого решения по существу дела могут быть положены только категорические выводы, т.е. сформулированные в утвердительной форме выводы о наличии или отсутствии устанавливаемого посредством экспертного исследования информационного факта.

Вероятностный вывод эксперта должен представлять собой основанное на результатах проведенного исследования предположение о возможном наличии или отсутствии какого-либо события, связанного с установленным информационным фактом. Причиной формулирования такого вывода может быть специфика поставленной перед экспертом задачи. Например, ответ на вопрос о результативности воздействия информационного материала на аудиторию в отсутствие возможности оценки реальных (наступивших) последствий такого воздействия может носить лишь вероятностный характер. Ведь только экспериментальное исследование результатов такого воздействия может показать, какова вероятность наступления тех или иных последствий при определенных условиях (с учетом обстоятельств распространения информации, социально-демографических и иных характеристик аудитории и т.д.).

Выводы о наличии или отсутствии в представленных на исследование материалах коммуникативных признаков экстремистской речевой деятельности могут быть только категорическими: либо в содержании исследуемых материалов присутствуют запрещенные законом пропагандистские или агитационные признаки, либо такие признаки в содержании отсутствуют. На практике возникают ситуации, когда для исследования представлены информационные материалы, в которых отсутствуют существенные элементы их содержания. Это может быть следствием неполноты фиксации объекта исследования как по объективным причинам (информация уничтожена, недоступна), так и ввиду неправильных действий уполномоченных лиц. Например, по результатам мониторинга интернет-сайтов могут быть изъяты отдельные графические, аудио- или видеоматериалы вне контекста их распространения. В таком случае, несмотря на общий вывод об отсутствии в таком материале коммуникативных признаков экстремистской речевой деятельности, эксперт вправе указать, что соответствующий информационный материал, будучи помещенным в определенный контекст, может использоваться как элемент пропаганды или агитации экстремистской деятельности.

Пример 10. Объектом исследования являлся видеофайл "Churku porezali". Информационный материал представляет собой видеоролик продолжительностью 38 секунд. В видеоролике демонстрируется нападение трех людей на пассажира пригородного электропоезда. Видеоматериал был снят на видео одним из участников нападения. После нападения оператор говорит: "Все, уходим, уходим... в другую сторону... в другую". Выходя из вагона поезда, один из нападавших громко произносит слово

"Россия". Как следует из названия видеоролика, жертвой нападения является выходец с Кавказа или из Средней Азии. В содержании анализируемого видеоматериала отсутствуют какие-либо высказывания, обосновывающие или оправдывающие необходимость демонстрируемого поведения - причинения вреда здоровью выходцу с Кавказа или из Средней Азии. По своему содержанию описанный видеоролик относится к информационному материалу, в котором демонстрируется сцена насилия. Признаки пропаганды каких-либо идей или действий в видеоролике отсутствуют. Взятый сам по себе, этот видеоматериал не может пропагандировать определенные действия или идеи, поскольку в нем отсутствуют призывы, обоснование необходимости или оправдание каких-либо действий или взглядов.

Коммуникативная задача видеоролика: демонстрация реального факта нападения на выходца с Кавказа или из Средней Азии с целью причинения вреда его здоровью.

Целевая установка видеоролика должна устанавливаться с учетом обстоятельств его распространения. Однако исходя из обрывка фразы, начинающейся словом "Россия", можно предположить, что видеоролик снимался с целью пропаганды идей агрессивного национализма.

Видеоролик "Чурку порезали" (файл "Churku porezali") содержит демонстрацию факта нападения на выходца с Кавказа или из Средней Азии с целью причинения вреда его здоровью. Сам по себе данный материал не содержит коммуникативных признаков экстремистской речевой деятельности. Будучи помещенным в определенный контекст (например, если он будет сопровождаться призывами либо обоснованием или оправданием необходимости осуществления демонстрируемых в видеоролике действий), видеоролик может использоваться как элемент пропаганды или агитации экстремистской деятельности.

Вероятностные выводы эксперта не могут быть положены в основу принимаемого решения по существу дела. В частности, в ч. 4 ст. 302 УПК РФ сформулировано общее правило о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. К доказательствам же относятся сведения о фактах, но не предположения. Вместе с тем отрицание доказательственного значения вероятностного вывода не должно влечь за собой поспешный отказ от использования всех данных, установленных экспертом в ходе исследования и описанных в тексте заключения. В частности, результаты исследования, приведенные в примере, могут быть использованы органом предварительного расследования для планирования дальнейших следственных действий в целях установления обстоятельств распространения информационного материала.

Если специалист при проведении исследования обнаружит высказывания, которые имеют значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих высказываниях в свое заключение. Эти выводы излагаются в заключительной части исследования после ответов на поставленные вопросы.

Если же эксперт по каким-либо причинам придет к выводу о полной невозможности производства исследований, то им оформляется сообщение о невозможности проведения экспертизы. Структура такого сообщения законодательно не урегулирована, однако в любом случае оно должно содержать мотивированное изложение причин отказа от производства экспертизы.

Текст заключения заверяется подписью эксперта (комиссии экспертов), расшифровкой подписи с указанием даты постановки подписи.

Перечень использованных при производстве исследований научно-технических средств, справочных материалов и литературных источников и документов, использованных в заключении, прилагается к заключению и служит его составной частью.

Заключение

(ошибки, допускаемые при назначении и производстве экспертиз и исследований информационных материалов)

Эксперту следует учитывать, что его заключение не является окончательным доказательством по

делу, оно не имеет заранее установленного доказательственного значения. Выводы экспертизы суд должен будет исследовать наряду с другими доказательствами, собранными в ходе предварительного расследования уголовного дела либо представленными сторонами при рассмотрении гражданского дела. Если одна из сторон процесса представит недостаточно квалифицированную и малообоснованную экспертизу, она обязательно будет оспорена другой стороной.

В настоящее время широко распространены ситуации, когда по одному и тому же информационному материалу имеются экспертные заключения с противоположными выводами. Причем оба заключения могут содержать немотивированные оценочные суждения и предположения о возможном понимании или вероятном воздействии текста на абстрактного адресата. Порой вся "исследовательская часть" сводится к словарным толкованиям отдельных слов или к неаргументированному изложению личного отношения эксперта к некоторым выражениям и фразам, выхваченным из контекста. Специалист должен уметь избегать эмоциональной преобразующей рефлексии, оторванной от содержательного анализа средств языкового выражения. Даже самые очевидные случаи противоправной речевой деятельности - призывы к насилию, недопустимые с точки зрения этики и морали утверждения, грубые оценочные суждения автора, которые эксперт выделил в исследуемых материалах, - не должны служить причиной самостоятельной юридической оценки текста. Ведь цель экспертизы состоит в установлении наличия или отсутствия языковых фактов, свидетельствующих о противоправной речевой деятельности, а не в правовой квалификации речевых действий. Более того, при составлении юридически значимого документа эксперт обязан строго придерживаться нейтрального стиля. Для этого в экспертном заключении эксперту необходимо последовательно избегать любых оценочных квалификаций как информационного объекта, так и внеязыковых референтов экспертизы. Например, в своем тексте эксперту не следует употреблять слов "секта", "язычники", поскольку их использование может дать повод членам миноритарной религиозной группы, приверженцам традиционных политеистических верований и другим лицам заявить об оскорблении их религиозных чувств. Использование в экспертном исследовании языковых средств с негативным модусом, составляющих "язык вражды", снижает уровень доверия к его результатам, дает одной из сторон возможность обвинить эксперта в ангажированности, личной предвзятости или низкой квалификации.

Ниже приводятся типовые ошибки, допускаемые при назначении и производстве экспертизы информационных материалов, которые влекут за собой необоснованные интерпретации и квалифицирующие выводы о наличии в текстах признаков "экстремистской деятельности". Все примеры взяты из материалов конкретных дел и снабжены ссылками на решения судов <165>.

<165> Содержащиеся в данном разделе примеры предназначены для экспертов, которые должны воздерживаться от приведенных формулировок, могущих поставить под сомнение доказательность выводов экспертизы. В то же время соответствующие примеры, как представляется, будут полезны для правоприменителей, на которых лежит обязанность оценки всех собранных по делу доказательств, включая текст экспертного заключения с точки зрения его относимости, допустимости и достоверности.

1. Одним из ключевых требований закона к проведению экспертиз является строгое соблюдение экспертами пределов своей компетенции. Анализ экспертной практики по делам, связанным с исследованиями информационных материалов, показывает, что невыполнение указанного требования встречается довольно часто.

Ответственность за правильное решение задачи определения конкретного вида специальных знаний, необходимых для разрешения возникших вопросов, лежит на судебных органах или органах следствия, которые уполномочены назначать проведение экспертизы. Между тем среди решений о признании материалов экстремистскими, вынесенных российскими судами, встречаются такие, в которых в качестве доказательства используются экспертные заключения, не содержащие указания ни на ее вид, ни на специализацию экспертов, ее проводивших.

В [Обзоре](#) судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, среди основных ошибок, допускаемых судами и оказывающих негативное влияние на сроки проведения судебных экспертиз, отмечаются: неправильное определение вида экспертизы, неправильное и некорректное формулирование вопросов, подлежащих

разрешению при проведении экспертизы, поручение проведения экспертизы учреждению (эксперту), в чью компетенцию не входит проведение экспертного исследования <166>. Так, например, для выявления понятийно-смысловой направленности текста практикуется назначение и производство социально-психологической экспертизы. Как результат психологи, выходя за пределы своей компетенции, делают квалифицирующие выводы на основании анализа языковых средств передачи информации, обнаруживают в тексте скрытые призывы и т.д. Примером такого рода может служить следующее обоснование судом своего решения: "Согласно заключению по результатам комплексной социально-психологической экспертизы, текст содержит лингвистические признаки, указывающие на действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды, унижение национального достоинства, а также пропагандирующие исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к национальной или расовой принадлежности" <167>. Аналогичная ошибка содержится и в другом решении: "Согласно заключению судебно-психологической экспертизы, проведенной с целью изучения смысловой направленности текстов и идей вышеуказанной литературы, которые в ней высказываются и пропагандируются, установлено, что в содержании брошюр исповедуется религиозная исключительность, содержание направлено на возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства и т.д." <168>.

<166> **Обзор** судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. Верховным Судом РФ совместно с верховными судами республик, краевыми, областными судами и равными им судами проведено обобщение практики применения законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г.) // СПС "КонсультантПлюс".

<167> Решение Ангарского городского суда Иркутской области от 4 сентября 2009 г.

<168> Решение Московского районного суда г. Казани от 17 сентября 2010 г.

В следующем примере нарушение компетенции экспертом вызвано необоснованным назначением религиозно-экспертной экспертизы. Объектом исследования были листовки "За Самару - без олигархов и евреев":

"Вот такие вот, как он, захватили наш район. Долой Хенкина, Верюжскую, Арсентьева. Я Вас, жидов, десяток на тот свет заберу. Русский генерал Альберт Макашов. Кандидат в депутаты Самарской губернской Думы выступает с законодательной инициативой "Черта оседлости для городских чиновников". Руководить городом должны лица титульной национальности. Пора положить конец внедрению евреев и прочих инородцев в органы власти".

Из решения суда следует, что эксперт-религиовед представил следующие выводы: "В материалах не содержится прямых призывов к осуществлению террористической деятельности либо публичного прямого оправдания терроризма, однако есть текстовые элементы содержания, направленные на возбуждение вражды и унижение человеческого достоинства по признаку национальности" <169>.

<169> Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 4 июня 2008 г.

Наконец, в судебной практике есть случай проведения психиатрического исследования информационных материалов. Выводы, к которым пришел эксперт, представляют собой "смесь" лингвистических характеристик текста, определяющих его экстремистское содержание, и результатов применения психиатрических знаний, содержание которых не способствует решению экспертных задач, относимых к данной категории дел. В соответствии с заключением психиатрического исследования "видеоматериал в сочетании с целенаправленной психологической обработкой сознания другими средствами (например, в виде социальной изоляции, ограничения контактов с внешним миром, изучения специальной литературы и тенденциозной подачи информации и пр.) способен оказать негативное влияние на психическое состояние в виде возбуждения острых аффективных реакций, сопровождающихся снижением или полной утратой самоконтроля, совершением неадекватных, разрушительных, агрессивных

действий, а также депрессивных и тревожных реакций. Кроме того, данный материал в сочетании с вышеперечисленными методами психологического воздействия способствует развитию устойчивой деформации личности в виде расстройства типа зависимой личности (шифр F 60.7 согласно международной классификации болезней 10-го пересмотра), а также развитию посттравматического стрессового расстройства (F 43.1 согласно международной классификации болезней 10-го пересмотра). Видео материал в сочетании с систематической психологической обработкой другими методами способен вызвать психическое расстройство у большой группы лиц в виде массовых истерических реакций, истерического психоза по механизмам психического заражения ("эффект толпы") <170>.

<170> Решение Ленинского районного суда г. Уфы от 10 октября 2007 г.

2. Несоблюдение специалистами собственной компетенции часто происходит не вследствие неправильного определения вида экспертизы судебным органом, а в результате действий самих экспертов. Например, в рамках одного из дел проводилась религиозоведческая экспертиза книги. Однако, как следует из решения суда, религиозоведы, выйдя за пределы своих специальных знаний, сформулировали также и вывод об использовании в исследуемой книге методов психологического воздействия, а также о возможности влияния книги на читателей: "Автор книги объявляет себя единственно правильным толкователем основ Ислама и положений Корана и Суры. Работа направлена на формирование радикально-фундаменталистского религиозного мировоззрения, характеризующегося представлениями о безусловном верховенстве ислама, нетерпимости к инакомыслящим. Основной целью провозглашается установление мирового господства Аллаха, в том числе вооруженным путем. Использование целого ряда специальных методов психологического воздействия направлено на формирование у читателя идеологических установок на насильственные действия против любых лиц, организаций, конфессий, органов власти и правительств, которые могут быть при необходимости объявлены "врагами ислама". Более того, к числу иных течений в самом исламе относятся не разделяющие в полной мере ультрарадикальные тенденции, склонные к просоциальному поведению и веротерпимости или просто недостаточно активно поддерживающие пропагандируемые автором идеи. Работа написана в крайне директивной, категорической форме, исключающей возможность иного мнения. Любая позиция, не совпадающая с провозглашаемыми автором идеями, расценивается как отступление от истины, подлежащее наказанию или посмертному воздаянию. Отдельные положения, изложенные в данной книге, могут повлиять на массовое сознание и послужить основой для экстремистских религиозных устремлений" <171>.

<171> Решение Нальчикского городского суда от 15 января 2004 г.

3. Наиболее распространенным грубым нарушением правил производства экспертных исследований является прямая юридическая оценка содержания исследуемых информационных материалов, даваемая экспертом. В частности, специалисты берутся самостоятельно устанавливать авторскую цель возбуждения ненависти или вражды, наличие в тексте призывов к экстремизму, терроризму, делают квалифицирующие выводы о наличии оснований для признания материала экстремистским и т.д.

Практика экспертной работы показывает, что такая ситуация во многом обусловлена желанием компетентных органов получить от эксперта готовые формулировки для своего решения. В то же время и сами эксперты зачастую охотно демонстрируют юридические познания. Например, в заключении повторной социально-психологической экспертизы отмечается, что "в книге содержатся положения, прямо направленные на возбуждение религиозной нетерпимости. Кроме того, некоторые суждения и высказывания книги косвенно и явно противоречат нормам российского законодательства, ст. 29 Конституции России" <172>.

<172> Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 2 апреля 2004 г.

В некоторых экспертных заключениях в зависимости от содержания каждого конкретного текста

законодательные нормы подвергаются "комментирующему уточнению". По одному из дел на основании лингвистического исследования печатного материала было установлено, что "материал является листовкой, указанная листовка содержит в себе признаки экстремистской деятельности, возбуждает социальную рознь и вражду, пропагандирует исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их социальной принадлежности". Допрошенный в качестве специалиста автор заключения пояснил, что "возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства" - это более узкое понятие по отношению к понятию, отраженному в ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности, а именно возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Данная листовка не является выражением демократических взглядов, поскольку в ней не отражена позиция противоположной стороны, а имеются лишь негативные установки, имеющие негативное воздействие на человека" <173>.

<173> Решение Заволжского районного суда г. Твери от 28 августа 2009 г.

4. Эксперту необходимо последовательно воздерживаться от выводов об умысле авторов информационных материалов либо их распространителей, поскольку исследование вопросов о цели создания и распространения информационных материалов относится к компетенции органов предварительного расследования и суда. Вопреки этому некоторые специалисты готовы установить прямой умысел как характеристику самого информационного материала. В качестве примера сравните вывод комплексной психологической и психолингвистической экспертизы: "В исследуемых материалах имеются признаки экстремизма (экстремистской деятельности). В них публично демонстрируется атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой. Анализируемые материалы имеют прямой умысел на разжигание национальной, расовой, религиозной розни, содержат призывы к насилию, а также пропагандируют исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности". При этом данный вывод был полностью подтвержден показаниями допрошенных в судебном заседании экспертов-психологов, поскольку такой вывод, как указано в решении суда, "связан с непосредственными психологическими исследованиями" <174>.

<174> Решение Знаменского городского суда Астраханской области от 3 июля 2007 г.

Аналогичные недопустимые экспертные интерпретации часто касаются специальной цели, которую эксперты устанавливают исходя из содержания анализируемых материалов. Например, вывод о наличии цели возбуждения ненависти или вражды, унижения достоинства: "Согласно заключению социально-психологической экспертизы, в представленных на исследование листовках содержатся высказывания, выражения, направленные на возбуждение ненависти, вражды и унижения достоинства обобщенной социально-профессиональной группы - высших руководителей государства, принявших решение о помощи Осетии, признаки манипулятивного психологического воздействия на читателя с целью возбуждения у него ненависти и вражды, унижения достоинства группы лиц по признаку принадлежности к социально-профессиональной группе - высшей государственной власти" <175>.

<175> Решение Первомайского районного суда г. Кирова от 14 апреля 2010 г.

В другом решении эксперты установили корыстную цель у авторов и распространителей материалов: "Согласно заключению комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в исследуемых фильмах содержатся материалы, которые оправдывают терроризм и террористическую деятельность. Просмотр этих фильмов способствует возбуждению национальной и религиозной розни. Содержание этих фильмов направлено на пропаганду исключительности, превосходства человека по признаку его национальной и религиозной принадлежности. Для того чтобы доказать исключительность по национальному и религиозному признаку, в фильмах использован метод воздействия на подсознание человека, побуждающий принимать утверждения, звучащие с экрана целиком и безоговорочно, и превращать их в

действие. Во всех вышеназванных фильмах используется прием повторения одной мысли, что позволяет свести рассуждения людей к минимуму и превратить в очевидность те мысли, которые продиктованы с экрана. Используя стратегии нейролингвистического программирования для воздействия на психику предполагаемых зрителей, авторы фильмов и люди, которые способствуют распространению данных материалов, преследуют корыстную цель - подчинить волю тех, кому предлагаются данные фильмы для просмотра, возбудив в них национальную и религиозную ненависть и вражду по отношению к какой-либо другой группе людей (иного вероисповедания или иной национальности). Распространение данных материалов может привести к преступным деяниям" <176>.

<176> Решение Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 28 июня 2010 г.

Последний пример любопытен также и тем, что в основу выводов экспертов положены утверждения о наличии воздействия на подсознание человека, об использовании стратегии нейролингвистического программирования. Следует отметить, что голословные ссылки эксперта на использование в тексте специальных психологических приемов, неявных, скрытых, неязыковых, нейролингвистических или иных способов и средств, которые, будучи никак не выражены в тексте, использованы для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок или побуждений к действиям против представителей какой-либо нации, расы, религии, должны быть признаны необоснованными и бездоказательными. Эксперт может дать общую характеристику понятийно однородным высказываниям, указав те общие семантические признаки высказываний, которые читатель без труда обнаружит самостоятельно. Но характеризовать цели и смысл текста без указания на соответствующие конкретные высказывания эксперт не может, поскольку содержание текста не может существовать без его языкового воплощения. И наоборот, средства речевой деятельности используются именно для того, чтобы сообщить понятное слушателю функционально и прагматически целостное содержание.

Эти доводы, подробно изложенные в настоящем пособии, особенно актуальны в связи с распространенной практикой обнаружения в исследуемых текстах "скрытых" и "косвенных" призывов, "скрытой" пропаганды и т.д. Например, в одном из судебных решений отмечается, что "из акта экспертного исследования, выполненного комиссией специалистов-лингвистов, следует, что во всех представленных на исследование материалах содержится явная и скрытая пропаганда религиозной, национальной ненависти" <177>. В другом судебном решении содержится ссылка на заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, согласно которому в текстах брошюры "содержатся высказывания, косвенно направленные на унижение достоинства групп лиц по признаку национальности" <178>.

<177> Решение Советского районного суда г. Иваново от 13 ноября 2008 г.

<178> Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя от 25 апреля 2008 г.

В ряде случаев анализ текстов экспертных заключений позволяет установить те значения слов "косвенный призыв", с которыми они используются специалистами в качестве терминологического словосочетания. Например, согласно заключению комплексной экспертизы "текст листовки "Воззвание-призыв" содержит призывы к осуществлению экстремистской деятельности: "Люди многострадальной России, обращаюсь к вам с призывом... Восстаньте, вооружайтесь и войте с властью всеми методами и средствами, повсеместно и ежеминутно... Убивайте и убивайте". В тексте также содержится косвенный призыв к осуществлению экстремистской деятельности: "Вам необходимо совершить правосудие. А это значит уничтожить физически всех президентов, все правительства, всех губернаторов, всех мэров, всех депутатов всех уровней, всех судей и прокуроров, всех чиновников, всю власть и всех членов их семей, посягнувших на святое нашего народа" <179>. В данном случае агитационное утверждение о необходимости совершения определенных действий квалифицируется как "призыв" (хотя и косвенный).

<179> Решение Советского районного суда г. Владивостока от 24 октября 2008 г.

В других случаях "скрытость", "косвенность" объясняется извлечением смысла высказываний из контекста материала: "Предметом статьи "Открытое письмо Президенту от Русского национального движения" являются отношения с этническими меньшинствами (или "некоренными народами"), в первую очередь с представителями чеченской этнической группы. Контекст статьи двоякий. Он состоит из пассивных действий (введение графы "национальность" в паспорт, отказ от "российской нации") и активных (необходимость введения смертной казни, "самоорганизация с целью самозащиты"). Таким образом, смысл данной статьи возникает из совмещения ее предмета и контекста. Более того, такая скрытая, т.е. метафорическая, передача смысла приводит к тому, что информация, переданная в статье, более эффективно, чем прямой призыв, побуждает к активным действиям против представителей этнических меньшинств, в первую очередь членов чеченской этнической группы" <180>.

<180> Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 27 декабря 2007 г.

При проведении экспертных исследований информационных материалов вместо терминов "косвенный призыв", "косвенное побуждение" следует использовать формулировки "обоснование необходимости действий", "оправдание необходимости действий". Что касается "скрытого призыва", то в случае, если содержащиеся в анализируемом материале высказывания используются автором материала как призывы в контексте других высказываний, следует дословно привести и те и другие фрагменты, позволяющие охарактеризовать целевую направленность текста. После этого можно квалифицировать соответствующие высказывания как содержащие формальные средства выражения призыва (без определения "скрытый").

Необходимо отметить, что в экспертной практике встречаются случаи квалификации в качестве "косвенных", "скрытых" призывов таких высказываний, которые с призывами ничего общего не имеют. Например: "В статье "За что мы воевали?!" содержится высказывание, которое можно квалифицировать как косвенный призыв уничтожить "иудохристиан": "Вся наша беда в том, что мы живем со смертельным вирусом иудохристианского раболепия в крови. Вместо того чтобы своего смертельного врага убить, мы подставляем ему вторую щеку" <181>.

<181> Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 27 декабря 2007 г.

Другой пример - показания эксперта-политолога: "В брошюре "Церберы Свободы" ...в статье "Русский марш" описывается марш националистических сил 4 ноября в Москве; указывается, что "русский народ в собственной стране поставлен в положение каких-то зулусов, что Москва давно не видела такого количества волевой русской молодежи, на лицах которых была написана решимость мстить за поруганную честь родины и своего народа. Таким образом, 4 ноября Москва увидела, что в стране есть третья сила" - здесь в контексте содержания статьи явный призыв к борьбе против иных, неславянских национальных групп, что следует рассматривать как действия, направленные на возбуждение расовой, национальной розни, связанной с призывами к насилию" <182>.

<182> Решение Знаменского городского суда Астраханской области от 3 июля 2007 г.

Использование в тексте экспертного заключения термина "скрытый призыв" дает веские основания для оспаривания выводов экспертизы. В одном из решений судов содержатся ссылки на заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Согласно выводам экспертов ряд представленных на исследование материалов содержит "скрытые призывы и высказывания, направленные на возбуждение национальной, расовой вражды и ненависти", "скрытые призывы, побуждающие к действиям против лиц другой национальности". В обоснование своих требований помощник прокурора пояснил следующее: "Не важно, какой характер - скрытый или явный - носят содержащиеся в данных материалах призывы. Эксперты сделали однозначный вывод о том, что в указанных материалах содержатся призывы, а скрытые или явные

- это лингвистическая терминология. Существенным для данного дела является наличие призывов независимо от их характера". Привлеченное к участию в деле заинтересованное лицо, возражая против удовлетворения требования прокурора, заявило, что в материалах нет явных призывов, о чем указано и в заключении экспертизы, и что "скрытые призывы - это значит, что их нет". Заинтересованное лицо и его представитель полагали, что призывы должны быть открытыми. Допрошенный в судебном заседании эксперт-лингвист пояснил следующее: "Скрытый призыв - это тот же самый призыв, смысловая направленность, замысел автора направлен на возбуждение национальной розни. Скрытые призывы иногда действуют на сознание людей даже больше, чем явные. Считает, что скрытые или явные призывы - это несущественное обстоятельство для признания материалов экстремистскими. Выводы экспертизы категоричные, сомнений при производстве экспертизы не было. Полагает, что у нее достаточно квалификации для проведения такой экспертизы, ранее она уже делала такие заключения. Проходила стажировку в г. Москва, участвовала в конференции. Информационный материал - это любой материал, который носит информацию". Допрошенный в судебном заседании эксперт-психолог показал, что "скрытый призыв направлен на аффективную сферу, действует на подсознание, направлен на внушение, а не на убеждение. В данном случае говорится не о воздействующей функции, а о направленности текста" <183>. Доводы о том, что "скрытые призывы иногда действуют на сознание больше, чем явные", что "скрытый призыв действует на подсознание, направлен на внушение, а не на убеждение", не представляются убедительными. Содержание текста передается языковыми средствами в определенных риторических конструкциях, которые включают и манипулятивные приемы, внедряющие в сознание слушателей ту или иную информационную связь между объектами. Мысль, заключенная в каждом конкретном высказывании, должна иметь "материальный носитель", т.е. быть формально воплощенной, поэтому любые вопросы к экспертам, из которых следует необходимость изучать текст с целью поиска и обнаружения приемов внушения мыслительного содержания, не имеющего средств формального выражения, выходят за рамки научного исследования информационных материалов.

<183> Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 18 июня 2009 г.

5. Анализ судебной и экспертной практики показывает, что и правоприменительные органы, и эксперты некорректно используют те правовые нормы, конструкция которых содержит альтернативные признаки экстремистской деятельности. В частности, устанавливая наличие в информационном материале признаков возбуждения вражды или ненависти, эксперты, а вслед за ними органы расследования и суды зачастую дословно воспроизводят формулировку закона, содержащую все альтернативно перечисленные признаки, по которым может возникнуть чувство вражды или ненависти: отношение к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

Квалифицируя содержание материала как запрещенную законом пропаганду, эксперты и правоприменители обычно дословно воспроизводят формулировку закона "пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности по признаку национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежности" и т.д. Такие формулировки встречаются в большинстве экспертных заключений и правоприменительных актов (см. приведенные выше примеры).

Между тем наличие в правовой норме союзов "или", "либо", перечисление через запятую возможных признаков (раса, национальность, религиозная, социальная принадлежность) свидетельствуют об альтернативности соответствующих признаков. Для признания материалов экстремистскими достаточно хотя бы одного из них. При этом экспертам и правоприменителям не следует перечислять все содержащиеся в законе признаки, но, отметив лишь те из них, которые относятся к данному информационному материалу, необходимо указать, о каких конкретно национальных, расовых, религиозных группах идет речь.

В некоторых случаях эксперты в своих выводах воспроизводят формулировки, содержащиеся в предложенных им вопросах. Однако если в вопросах использование выражений "какой-либо национальной, расовой, религиозной или социальной группы", "каких-либо действий" является оправданным и означает необходимость выявления высказываний, относящихся к любой из перечисленных групп либо к любым действиям, то наличие подобной неопределенной формулировки в экспертных выводах делает их малопонятными для участников процесса. Например, в одном из заключений эксперта указано: "В тексте

имеются высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности; высказывания уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы; высказывания в форме утверждения о природном превосходстве одной нации и неполноценности, порочности другой; высказывания побудительного характера, содержащие призывы к враждебным или насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, одной социальной группы против другой" <184>.

<184> Решение Ленинского суда г. Новороссийска от 21 июня 2007 г.

В экспертной практике встречаются случаи, когда довольно трудно определить, к какой из указанных в законе групп можно отнести лиц, унизительно характеризующихся в тексте, в отношении которых одобряются насильственные противоправные действия. В такой ситуации экспертам рекомендуется прямо указать в выводах, о какой конкретно группе лиц идет речь. Это особенно относится к тем случаям, когда на экспертизу поступают материалы, предположительно содержащие речевые признаки возбуждения ненависти или вражды к какой-либо социальной группе. Определение объема понятия "социальная группа" в том значении, в котором оно используется в законодательстве, относится к компетенции юристов. Значение этого термина, так же как и значение других используемых в законе терминов, не может изменяться в зависимости от рассматриваемого дела. Толкование же содержания понятия "социальная группа" экспертами может привести к тому, что каждый раз оно будет пониматься несколько иначе, что повлечет за собой нарушение принципов законности и равноправия вследствие неопределенности содержания закона. Приведем пример, где словосочетание "местное быдло" было отнесено экспертом к социальной группе. Объектом исследования являлась листовка следующего содержания:

"Где деньги - там война! Наши чиновники доят местное быдло, позабыв при этом не проявлять эгоизма. Совсем оборзев, набивают свои карманы деньгами, которые поступают на развитие олимпийских объектов, утверждая, что в Сочи очень безопасно и прекрасно жить. Война продлится до тех пор, пока чиновники не вспомнят, с кем хотели поделиться. Быдлу - Кубань. Москвичам - Сочи".

Согласно выводам справки о лингвистическом исследовании в тексте листовки "имеются высказывания, содержащие резкую, негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение по отношению не к отдельными представителям, а ко всей социальной группе (представителям административных органов управления - "чиновникам"). Выражены в форме утверждения. А также высказывание, содержащее пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой ("местное быдло"). Высказывание, содержащее призыв к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам социальной группы (представителям административных органов управления - "чиновникам": "Война продлится до тех пор, пока чиновники не вспомнят, с кем хотели поделиться"). Высказывание уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы ("быдло"). Высказывание побудительного характера, содержащее призыв к враждебным действиям в отношении какой-либо национальности, одной социальной группы против другой ("Быдлу - Кубань! Москвичам - Сочи!"). Также имеется по своему смысловому пониманию высказывание экстремистского содержания. А именно: "Война продлится до тех пор, пока чиновники не вспомнят, с кем хотели поделиться" <185>.

<185> Решение Адлерского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 23 июля 2009 г.

6. В экспертной практике распространены также случаи, когда специалисты привлекаются для определения результатов воздействия анализируемых информационных материалов на аудиторию (читателей, зрителей, слушателей). Как правило, такие экспертные задачи ставятся перед экспертами-психологами. Определение реальной или потенциальной реакции аудитории на обнародованные материалы безусловно может быть предметом психологического исследования. Вместе с тем необходимо высказать несколько замечаний:

- во-первых, соответствующие результаты должны быть получены экспериментальным путем, а не являться субъективными выводами конкретного эксперта, отражающими исключительно его впечатления от прочитанного. Оценка потенциально возможного (гипотетического) воздействия текста, сделанная лишь посредством изучения его содержания, может рассматриваться как частное мнение специалиста, но не как результат экспертного исследования;

- во-вторых, закон не ставит возможность признания материалов экстремистскими или возможность привлечения к ответственности за экстремистские речевые действия в зависимость от того, были ли реализованы обращенные к аудитории призывы, возникла ли в реальности ненависть или вражда и т.д. Все соответствующие составы преступления являются формальными. Основное предназначение правовых норм, пресекающих распространение информационных материалов, - это своевременное предупреждение преступных насильственных действий, выполнение обязанности государственных органов быстро и адекватно реагировать на непосредственную угрозу совершения таких действий, на умышленное создание условий их совершения, на побуждение к ним в виде "публичного подстрекательства" вместо реагирования на уже произошедшие конфликты;

- в-третьих, оценка потенциала воздействия текста на аудиторию вряд ли может быть категорической и безусловной, поскольку особенности осмысления и восприятия информации человеком зависят от большого числа факторов. По этой причине выводы экспертов должны основываться лишь на том, что содержится в тексте, какие выражаются идеи, в чем автор пытается убедить читателя, к чему побуждает автор.

Вместе с тем на практике известны случаи, когда содержательный (лингвистический) анализ информационных материалов показывает отсутствие признаков экстремистских речевых действий, но психологический анализ, содержащий предположительные выводы о вероятном воздействии текста на читателей, становится основанием для признания материалов экстремистскими.

Так, по конкретному делу было представлено заключение лингвистической экспертизы газетной публикации, согласно выводам в материалах статьи не было обнаружено призывов к запрещенной деятельности. В соответствии с заключением психолого-лингвистической экспертизы, выполненной тем же экспертным учреждением, пропаганды насильственного изменения основ конституционного строя РФ в статье обнаружено не было. На вопрос о том, какое психологическое воздействие на сознание читателей оказывает публичное демонстрирование нацистской символики, эксперты не ответили на том основании, что решение такого вопроса не входит в их компетенцию. Несмотря на полученные выводы, судом была назначена судебная психологическая экспертиза. В своем заключении эксперт-психолог не только охарактеризовал содержательную часть материалов, но и вопреки выводам лингвистов положительно ответил на вопросы о наличии в тексте "пропаганды действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя либо на публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность", "обоснования либо оправдания деяний, направленных на насильственное изменение конституционного строя либо на публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность". В заключении судебно-психологической экспертизы эксперт-психолог также указал, что материалы исследованной статьи "могут оказывать воздействие на поведенческие реакции некоторых людей в обществе, поскольку в качестве приема воздействия в статье используется постоянное обращение к двум аспектам личности потенциального читателя: чувству незащищенности и чувству вины. <...> Всенародно избранных защитников предлагается рассматривать либо как героев, либо как преступников, в зависимости от того, улучшаются или ухудшаются условия жизни людей. Для робкого, зависимого человека такая позиция выглядит притягательной: герой своей властью обеспечит ему преуспевание, а в его жизненных неудачах будет виноват не он сам, а управляющий страной преступник. Недовольство собой, неудовлетворенность своими жизненными достижениями, ощущение своей слабости и беспомощности создают у человека подавленное чувство вины и часто являются причиной скрытых ярости и гнева". По мнению эксперта-психолога, "статья открывает возможность выплеснуть подавляемые чувства на действующих политических лидеров, делегируя им ответственность за свою жизнь и одновременно избавившись от чувства вины за собственные неудачи. Потенциальные читатели статьи, на поведенческие реакции которых она может оказать воздействие, - это люди, которых можно описать как невротиков. Часть из них могут поведенчески ответить на статью либо усилением беспомощности и бездеятельности, ожидая, когда Закон и Поправка будут приняты и решением их жизненных проблем под страхом смертной казни займутся непосредственно первые лица государства, либо невротическим срывом, при котором

подавляемые гнев и ярость выходят из-под контроля. В этом случае их неконтролируемая агрессия может оказаться направленной на любого человека, которого они определяют как представителя власти (начальника, учителя, врача), преступно пренебрегающего своими обязанностями заботиться о невротике, опекать его, решать его жизненные проблемы. Другая часть потенциальной читательской аудитории поведенчески ответят усилением немотивированной, спонтанной агрессии. Безадресная агрессия как поведенческая реакция на статью может возникнуть или усилиться также у читателей, не являющихся невротиками, но отмеченных повышенной внушаемостью. Таким образом, эксперт пришел к выводу, что текст статьи может оказывать воздействие на поведенческие реакции некоторых людей в обществе, провоцируя усиление беспомощности и бездеятельности у одних, взрывы ярости и агрессию против людей, воспринимающихся как представители власти, - у других и всплески безадресной агрессии - у третьих" <186>. Эта пространная цитата из судебно-психологической экспертизы потребовалась для того, чтобы продемонстрировать сугубую уязвимость любых вторичных интерпретаций исходного текста ввиду их чрезмерной оторванности от истинного объекта исследования, т.е. самого информационного материала. Эксперт в данном случае не характеризует текст, а моделирует то, чего в действительности не существовало, - собственные предположения о гипотетически возможных реакциях психически неустойчивых людей.

<186> Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 20 марта 2009 г.

Анализ судебной практики по делам о признании информационных материалов экстремистскими показывает, что в значительном количестве случаев судебные решения принимаются на основе таких экспертных выводов, которые недостаточно подкреплены аналитическими данными. Бездоказательные экспертные выводы, как правило, имеют логико-понятийные свойства, присущие любому тенденциозному мнению, поскольку они не отвечают критериям достаточности и достоверности <187>. Текст подобного заключения обычно содержит такие основания и выводы, которые не поддаются логическому взаимоувязыванию. При этом возможная степень произвольности выводов может быть проиллюстрирована лишь словами кардинала Ришелье: "Дайте мне шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них то, за что его можно повесить" <188>.

<187> О критериях достаточности и достоверности см. п. III.4 "Изложение исследовательской части заключения".

<188> Опубликовано, в частности, на сайте: <http://aphorism-citation.ru>.

Существует ряд признаков тенденциозности: отсутствие специальной теоретической базы исследования, логическая рассогласованность между информационными фактами, извлекаемыми из текста, и результатами их содержательного анализа, наличие эмоционально-оценочных характеристик содержания текста, резольютивное описание психологического портрета автора текста и предсказание психологической реакции слушателей, общие голословные оценки и характеристики мировоззренческих особенностей того или иного религиозного учения, квалифицирующие ответы на правовые вопросы, - которые позволяют установить необоснованность экспертных выводов и недопустимость их использования в процессе судебного доказывания.

Настоящее пособие призвано исключить разнобой и противоречия между объективным содержанием информационных фактов, результатами лингвистических изысканий и экспертными выводами. Думается, что ошибки, допускаемые специалистами при подготовке экспертиз, являются все же следствием только лишь отсутствия общепринятых методических правил производства такого рода исследований.

Перечень использованных источников

Нормативные документы:

1. Всеобщая [декларация](#) прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) //

Российская газета. 1995. 5 апреля.

2. [Конвенция](#) о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 2001. N 3. С. 3 - 44.

3. Международная [конвенция](#) о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21.12.1965 Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 125 - 139.

4. Международный [пакт](#) от 16.12.1966 "О гражданских и политических правах" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 12. 1994.

5. Шанхайская [конвенция](#) о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. N 41. Ст. 3947.

6. [Конституция](#) Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.

7. Уголовный [кодекс](#) Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

8. Уголовно-процессуальный [кодекс](#) Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

9. Гражданский процессуальный [кодекс](#) Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

10. [Кодекс](#) Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

11. [Закон](#) РФ от 27.12.1991 N 2124-1 "О средствах массовой информации" // Российская газета. 1992. 8 февраля.

12. Федеральный [закон](#) от 26.09.1997 N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" // Собрание законодательства РФ. 1997. N 39. Ст. 4465.

13. Федеральный [закон](#) от 31.05.2001 N 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2001. N 23. Ст. 2291.

14. Федеральный [закон](#) от 12.06.2002 N 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2002. N 24. Ст. 2253.

15. Федеральный [закон](#) от 25.07.2002 N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3031.

16. Федеральный [закон](#) от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3448.

17. [Приказ](#) МВД России от 29.06.2005 N 511 "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации" (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) (Зарегистрирован в Минюсте России 23.08.2005 N 6931) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 29 августа 2005 г. N 35.

18. [Приказ](#) Минюста России от 27.12.2012 N 237 "Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России"

(зарегистрирован в Минюсте России 29.01.2013 N 26742) // Российская газета. N 24. 2013. 6 февраля.

19. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 4.

20. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 9.

21. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 "О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 8.

22. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 "О судебной экспертизе по уголовным делам" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 2.

23. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 8.

Использованные и упоминавшиеся источники:

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. 2-е изд. М., 2004.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. М., 2007.

Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: МГУ, 2002.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998 (и последующие годы издания). Электронная версия: портал gramota.ru.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.

Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2006.

Галяшина Е.И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2002.

Гладкий А.В. Введение в современную логику. М., 2001.

Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики //

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Голощапова Т.И., Полосина А.М. Лингвистическая экспертиза // Судебная экспертиза. 2005. N 4.

Дейк Т. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Дзялошинский И.М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М., 2007.

Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980 - 1990 гг. М.: Русские словари, 2000. Электронная версия: портал gramota.ru.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194 - 206.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический мир, 2006.

Кожевникова Г.В. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006.

Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М., 2002.

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. М., 2005.

Кузнецова Н.В., Трофимова О.В. Публицистический текст. Лингвистический анализ: Учеб. пособие. М., 2010.

Лагута О.Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. М., 1987. С. 126 - 172.

Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова; Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. М., 2008.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Н. Тагил, 2006.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2004 г.

Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 201 - 264.

Понкин И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности: Учеб. пособие. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2011.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. проф. А.Р. Ратинова. М., 2005.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.

Романов А.А. Политическая лингвистика. М.; Тверь, 2002.

Рузавин Н.Г. Методологические проблемы аргументации. М., 1997.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1 - 2.

Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. N 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/>.

Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Соблюдение прав человека в ходе борьбы с подстрекательством к терроризму и связанными с ним правонарушениями. Семинар экспертов ОБСЕ / Совета Европы. Предотвращение терроризма: борьба с подстрекательством к террористической деятельности. Вена, 2006.

Стародумова Е.А. Синтаксис современного русского языка. Владивосток, 2005.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Сусов А.А. Каузальные риторические отношения // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 55 - 81.

Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2006. N 2. С. 133 - 138.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. М., 2003.

Уэстон Э. Аргументация. Десять уроков для начинающих авторов. М., 2005.

Челпанов Г.И. Учебник логики. М., 1994.

Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АГУ, 1999.

Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации, Барнаул, 2006.

Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Барнаул, 2007.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая

Российская энциклопедия, 2000.

Интернет-ресурсы, использованные как источник
иллюстративного материала:

<http://burinfo.org>

<http://gidepark.ru/user/875461648/content/653617>

<http://rosrusvlast.com/video/item/antifa-kavkaz-smert-rusne.html>

<http://russia.livejournal.com/5980.html>

<http://shiropaev.livejournal.com/72905.html>

<http://slavyanskiysoyuz.ru/26-my-russkie-kakoy-vostorg.html>

http://vkontakte.ru/topic-4668389_7998943

<http://vlasti.net/news/60223>

<http://www.minjust.ru/nko/fedspisok>

<http://www.osce.org/ru/odihr/22053>

http://www.soprotivlenie.su/slovo/ya_russkiy_kakoy_vostorg.html

<http://www.venice.coe.int/docs/2012/CDL-AD%282012%29016-e.pdf>

<http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/67116>

<http://za.zubr.in.ua/2010/03/15/5099>

Тематический указатель

А

агитация [27](#) - [29](#), [42](#), [44](#), [46](#), [66](#), [126](#), [144](#), [146](#) <*>, [147](#), [242](#), [271](#), [275](#), [276](#)

<*> Полу жирным шрифтом выделены номера страниц, где имеется толкование обозначенного в указателе слова или словосочетания, либо разбираются отдельные, связанные с ним, аспекты.

аксиологический тип информации [105](#), [129](#)

анализ текстовой информации [16](#), [100](#), [120](#), [222](#), [266](#), [295](#)

аргумент [41](#), [104](#), [107](#), [109](#), [110](#), [113](#), [140](#), [161](#), [194](#), [195](#), [199](#), [205](#), [220](#), [223](#), [228](#), [232](#), [256](#), [274](#)

аргументация [81](#), [100](#), [101](#), [103](#), [105](#), [118](#), [131](#), [145](#), [150](#), [172](#), [173](#), [181](#), [187](#), [188](#), [195](#), [196](#), [198](#), [199](#), [203](#), [206](#), [207](#), [221](#), [222](#), [224](#), [226](#) - [229](#)

аргументирование [118](#)

В

возбуждение ненависти и вражды [28](#), [35](#), [42](#), [46](#), [47](#), [59](#), [62](#), [72](#), [73](#), [75](#), [78](#), [82](#), [91](#), [138](#), [139](#), [142](#), [267](#), [289](#), [292](#), [293](#)

возбуждение розни [34](#), [35](#), [41](#), [42](#), [138](#), [142](#), [209](#), [218](#), [292](#), [293](#), [296](#), [297](#)

волеизъявление [55](#), [93](#), [108](#), [113](#), [120](#), [121](#), [130](#), [147](#), [148](#), [162](#), [185](#) - [187](#), [190](#), [200](#), [227](#), [240](#), [251](#)

вражда [42](#), [43](#), [61](#), [138](#)

враждебное отношение [42](#), [44](#) - [47](#), [49](#), [56](#), [74](#), [75](#), [91](#), [98](#), [107](#), [108](#), [125](#), [134](#), [139](#), [140](#), [146](#), [151](#), [153](#), [165](#), [216](#), [218](#), [242](#), [243](#), [265](#), [267](#), [300](#)

Г

главный объект композитного высказывания [107](#), [188](#)

Д

девиз [108](#), [149](#), [186](#), [224](#)

дезинформация [124](#)

деонтический тип информации [130](#)

диктум [114](#) - [117](#), [160](#), [176](#), [200](#)

диктумная часть суждений [114](#) - [117](#), [133](#), [160](#), [181](#), [200](#), [202](#)

диктумный компонент языковых средств [114](#) - [117](#), [160](#), [169](#)

дифференцирующий признак социальной группы [44](#)

З

значения языковых средств [101](#), [114](#) - [118](#), [189](#), [220](#), [226](#)

И

идеологема [149](#), [150](#), [186](#), [221](#), [254](#), [255](#)

иерархия групп [33](#), [48](#), [49](#), [247](#), [249](#), [265](#)

интенционал [160](#), [170](#)

интенциональная установка высказывания [132](#)

интерпретация текстовой информации [100](#), [156](#), [188](#)

информативно значимый факт [120](#)

информационный радикализм [123](#)

информационный факт [100](#), [120](#), [121](#), [152](#), [165](#), [229](#), [281](#) - [284](#), [303](#), [304](#)

информационный экстремизм [21](#), [125](#)

исторические источники [65](#)

исходная посылка [105](#), [130](#), [131](#), [137](#), [189](#), [190](#), [191](#), [195](#), [201](#), [202](#), [235](#), [243](#)

исходное суждение [106](#), [132](#), [171](#), [190](#), [191](#), [195](#), [227](#), [237](#), [241](#)

К

канонические религиозные тексты **65**

качественный тип информации (см.: аксиологический тип информации)

когезия **113**, **123**, **162**, **187**

когерентный признак **161**, **162**, **177**, **188**, **227**, **241**

когеренция **113**, **117**, **123**, **234**

когнитивный аспект содержания текста **101**

коммуникативная задача **36**, **46**, **61**, **81**, **102**, **105**, **118**, **119**, **121**, **130** - **133**, **138**, **139**, **141**, **143**, **144**, **150**, **157**, **161**, **188**, **191**, **194**, **197**, **202**, **217**, **223**, **234**, **241**, **242**, **250**, **254**, **285**

коммуникативные признаки экстремизма **146**, **152**, **157**, **254**

коммуникативно-риторическая структура высказывания **45**, **101**, **187**, **192**, **276**

компетенция эксперта **80** - **82**, **87**, **137**, **216**, **222**, **257**, **283**, **288**, **289**, **291**, **301**

композитивное высказывание **106** - **109**, **111** - **113**, **126**, **131**, **137**, **138**, **140**, **153** - **155**, **162**, **163**, **180**, **188** - **193**, **198**, **206**, **229**, **242**, **258**, **276**, **282**

контенсионал **170**

контент-анализ **14**

конфликт **83**, **118**, **120**, **121**, **128**, **134**, **142**, **193**, **201**, **203**, **264**, **265**, **277**

конфликтность темы **118**, **119**, **121**, **265**, **277**

конфликтогенная фраза, высказывание **121**, **122**, **125**, **126**, **186**, **198**, **266**, **267**

критерии оценки качества экспертного заключения **100**, **227**

критерии выделения социальной группы **43**, **62**, **135**

Л

лозунг **57**, **130**, **148** - **150**, **186**, **199** - **203**, **221**, **222**, **224**, **254**, **255**

М

манипулятивное речевое воздействие **124**, **147**, **180**, **194**, **242**

манипулятивные приемы аргументации **160**, **181**, **222**

ментальный предикатный признак **177**

минимальная риторическая единица текста **111**

минимальная информационная единица содержания текста **161**

мнение **45**, **121**, **128** - **132**, **141**, **173** - **178**, **180**

модальность **130**, **148**, **237**

модальный компонент значения [32](#), [160](#), [173](#), [185](#), [237](#)

модус [114 - 119](#), [122](#), [128](#), [171](#), [179](#), [196](#), [197](#), [225](#)

модусная часть суждений [114 - 117](#), [160](#)

модусный компонент значения языковых средств [114](#), [115](#), [117](#), [133](#), [179](#), [181](#)

морфосинтаксическая когезия словоформ [113](#)

мотив враждебных, ненавистнических действий [56](#), [136 - 137](#)

мыслительное содержание высказывания [101](#), [105](#), [109](#), [110](#), [113](#), [123](#), [153](#), [157](#), [158](#), [160](#), [187](#), [189](#), [205](#), [224](#), [227](#), [298](#)

Н

насилие [21](#), [23](#), [24](#), [33](#), [34](#), [39](#), [41](#), [54](#), [55](#), [73](#), [75](#), [76](#), [93](#), [108](#), [125](#), [133](#), [136](#), [140](#), [209](#), [210](#), [266](#), [287](#)

насильственная противоправная деятельность [33](#), [36](#), [39](#), [40](#), [62](#), [76](#), [135](#), [137](#), [139](#), [140](#), [154 - 156](#), [209](#), [210](#), [251](#), [258](#), [261](#), [299](#), [301](#)

ненависть [21](#), [23](#), [42](#), [46](#), [51](#), [56](#), [57](#), [60](#), [61](#), [74](#), [75](#), [94](#), [122](#), [134](#), [138](#), [282](#), [301](#)

неприятное отношение [45](#), [47](#), [61](#), [74](#), [134](#), [135](#), [138](#), [140 - 143](#), [258](#), [282](#), [300](#)

неприятнь [42](#), [46](#), [47](#), [56](#), [135](#), [136](#), [138](#), [244](#), [282](#)

О

обоснование [21](#), [44](#), [46](#), [49](#), [54](#), [58](#), [73](#), [85](#), [91 - 94](#), [98](#), [105](#), [106](#), [113](#), [125](#), [131](#), [137 - 139](#), [141](#), [142](#), [144](#), [145](#), [153](#), [165](#), [173](#), [183](#), [190](#), [194 - 196](#), [198](#), [201](#), [223](#), [254](#), [282](#)

обоснование деятельности [21](#), [22](#), [31](#), [32](#), [34](#), [36](#), [41](#), [53 - 55](#), [59](#), [61](#), [62](#), [65](#), [68](#), [69](#), [72](#), [73](#), [89 - 91](#), [96](#), [135](#), [154](#), [155](#), [197](#), [229](#)

объект пропозиции [177](#), [181 - 184](#)

объект убеждающего высказывания [106](#), [107](#), [111](#), [112](#), [115](#), [117](#), [125](#), [132](#), [143](#), [144](#), [176](#), [181](#), [185](#), [188](#), [189](#), [201](#), [221 - 223](#)

оправдание террористической деятельности [35](#), [39 - 41](#), [59](#), [73](#), [78](#), [90](#), [96](#), [97](#), [134](#), [154](#), [155](#), [197](#)

оправдание экстремистской деятельности [31](#), [32](#), [36](#), [58](#), [61](#), [65](#), [69](#), [72](#), [73](#), [134](#), [154](#), [155](#), [243](#)

оценка [129](#), [130](#), [181 - 185](#)

П

побуждение к деятельности [32](#), [35](#), [36](#), [46](#), [54](#), [58](#), [111](#), [130](#), [134](#), [141](#), [155](#), [156](#), [253](#), [256](#)

подстрекательство [31](#), [36](#), [40](#), [74](#), [75](#)

подстрекательство к деятельности [23](#), [24](#), [26](#), [35](#), [40](#), [133](#), [155](#), [156](#)

понятийная структура [108](#), [109](#), [160](#), [188](#)

понятийно-риторическая единица высказывания [160](#), [169](#), [175](#), [187](#)

понятийно-риторическая связь [107](#), [132](#), [144](#), [157](#), [188](#), [190](#), [223](#), [266](#)

понятийно-риторическая ситуация [49](#)

понятийно-риторическая структура высказывания [108](#), [132](#), [146](#), [153](#), [154](#), [155](#), [188](#), [189](#), [191](#), [198](#), [201](#), [205](#), [226](#), [229](#)

понятийно-риторический синтез текста [138](#), [186](#) - [188](#), [190](#), [226](#), [228](#), [258](#), [282](#)

поощрение дискриминации, вражды и насилия [23](#), [24](#), [266](#)

прагматические свойства речевых действий [101](#), [102](#), [104](#)

прагматические функции речевой деятельности [100](#), [126](#), [153](#)

прагматические цели аргументации [101](#), [105](#), [180](#)

праксиологический тип информации [105](#), [118](#), [128](#)

предикативный признак [157](#), [158](#), [162](#), [169](#), [170](#), [178](#), [181](#), [190](#), [203](#), [222](#)

предикатно-актантная риторическая единица [160](#)

предположение [168](#), [173](#) - [177](#), [181](#)

признаки враждебных речевых действий [134](#), [136](#), [137](#) - [139](#), [229](#)

признаки противоправной речевой деятельности [209](#), [210](#)

призыв [21](#), [22](#), [27](#), [28](#), [31](#), [32](#), [34](#) - [40](#), [50](#) - [56](#), [58](#), [59](#), [66](#), [72](#), [74](#) - [76](#), [126](#), [143](#), [147](#), [149](#)

пропаганда [28](#), [34](#), [42](#), [45](#), [46](#), [48](#) - [50](#), [57](#), [58](#), [76](#), [126](#), [143](#), [145](#) - [147](#), [153](#), [154](#), [298](#)

пропозиция волеизъявления [185](#), [186](#), [200](#)

пропозиция мнения [173](#) - [180](#), [200](#), [235](#)

пропозиция оценки [181](#) - [185](#), [200](#), [239](#)

пропозиция факта [166](#) - [173](#), [200](#)

Р

разжигание розни [25](#), [42](#), [44](#), [135](#), [137](#), [142](#), [172](#), [199](#), [200](#) - [202](#), [256](#), [293](#)

рационально-когнитивный тип информации (см.: эпистемический тип информации)

регулятивно-качественный тип информации (см.: деонтический тип информации)

референт [102](#), [104](#), [115](#), [117](#), [143](#), [204](#), [222](#), [254](#), [288](#)

референтная (внеязыковая) отнесенность [226](#)

референтность [161](#), [169](#)

речевая деятельность [80](#), [100](#), [102](#), [132](#), [166](#), [294](#)

речевое действие [13](#), [36](#), [46](#) - [47](#), [80](#), [81](#), [84](#), [102](#), [105](#), [106](#), [109](#), [113](#), [114](#), [121](#), [127](#) - [130](#), [134](#), [137](#), [190](#)

речевое действие-факт [121](#), [127](#), [128](#)

речевое действие-мнение [128](#), [129](#)
речевое действие-оценка [129](#), [130](#)
речевое действие-волеизъявление [130](#)
риторическая аргументация [199](#)
риторическая конструкция [106](#), [108](#), [111](#), [113](#), [131](#), [132](#), [144](#), [153](#), [192](#), [196](#), [206](#), [228](#), [243](#), [250](#), [251](#), [255](#), [272](#), [276](#), [297](#)
риторическая пропозиция [158](#), [159](#), [162](#), [163](#)
риторическая структура [102](#), [108](#), [109](#), [112](#), [190](#), [199](#), [227](#)
риторическая цельность коммуникативного действия [106](#)
риторический вопрос [177](#)
риторический объект высказывания [107](#), [111](#), [112](#), [132](#), [189](#), [195](#), [200](#), [233](#)
риторический прием убеждающего воздействия [81](#), [101](#), [105 - 109](#), [126](#), [133](#), [160](#), [180](#), [182](#), [184](#), [189](#), [205](#), [250](#)
риторические качества речевых действий [101](#), [121](#)
риторические функции речевой деятельности [100](#), [121](#)
рознь [11](#), [25](#), [29](#), [34](#), [35](#), [41](#), [42](#), [44](#), [59](#), [66](#), [73](#), [83](#), [91](#), [135](#), [137](#), [138](#), [139](#), [141](#), [142](#), [172](#), [199](#), [200](#), [201](#), [209](#), [256](#), [292](#), [297](#)

С

синтез текстовой информации [100](#), [130](#), [162](#), [187 - 190](#), [223](#), [226](#), [232](#)
сомнение [177](#)
социальная группа [43 - 45](#), [50](#), [51](#), [56](#), [57](#), [62](#), [74](#), [94](#), [107](#), [135](#), [139](#), [141](#), [143](#), [299](#), [300](#)
социальный признак [43 - 45](#)
структурно-коммуникативная единица текста [157](#)
субъект пропозиции [177](#), [178](#)
суждение [106](#), [175](#), [177](#), [191](#), [195](#), [197](#), [198](#)

Т

телеологический аспект содержания текста [101](#)
телеологический принцип речевого действия [102](#)
тема убеждающего высказывания [106](#), [172](#)
терроризм [39](#), [40](#)
террористическая деятельность [33](#), [39 - 41](#)
террористический акт [40](#), [41](#)

типы интерпретации действительности [126](#) - [130](#)

тип речевого действия [127](#) - [130](#)

У

утверждение [103](#), [127](#), [128](#), [168](#), [172](#) - [175](#), [190](#), [192](#), [195](#), [196](#), [198](#), [202](#)

Ф

факт [121](#), [164](#), [167](#), [168](#), [180](#), [192](#)

фактоид [167](#), [180](#), [192](#)

функции языковых средств [101](#), [110](#) - [112](#)

функционально-понятийный тип пропозиции [160](#) - [162](#), [167](#) - [186](#)

функционально-прагматический анализ текста [111](#), [157](#), [162](#), [164](#), [170](#)

функционально-прагматическое исследование текста [84](#), [102](#), [153](#), [161](#), [162](#)

функционально-прагматическое содержание высказывания [112](#) - [118](#)

функциональный критерий [30](#) - [31](#)

Ц

целевая направленность [31](#), [49](#), [81](#), [83](#), [132](#) - [133](#), [137](#), [138](#), [143](#), [144](#), [153](#), [201](#), [225](#)

целевая причинность [102](#), [132](#), [136](#), [143](#), [194](#)

целевая установка высказывания [45](#), [47](#), [85](#), [132](#), [143](#), [144](#), [146](#), [225](#), [253](#)

Э

экспрессивно-прагматический тип информации [129](#)

экспликация текстовой информации [100](#), [143](#), [159](#), [202](#), [205](#), [220](#), [225](#)

экстенционал [131](#), [170](#), [171](#), [175](#), [205](#)

экстремистская деятельность [21](#), [27](#) - [31](#), [33](#), [35](#) - [37](#), [49](#), [65](#), [69](#)

экстремистская организация [77](#), [78](#), [95](#), [210](#), [214](#)

экстремистская речевая деятельность [27](#), [28](#), [36](#) - [61](#), [125](#), [152](#) - [157](#), [196](#), [229](#)

экстремистские материалы [30](#), [35](#), [36](#), [49](#), [59](#), [60](#), [66](#), [133](#), [155](#), [156](#)

экстремистские физические действия [21](#), [33](#) - [34](#), [36](#), [61](#)

экстремистское речевое действие [21](#), [22](#), [34](#) - [37](#), [57](#), [67](#), [71](#) - [74](#), [82](#), [83](#), [125](#)

эпистемический тип информации [127](#), [144](#)

"Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание)" (2-е издание, исправленное и дополненное) (Кузнецов С.А., Оленников С.М.)

("Издательский дом В. Ема", 2014)
